

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ПРАВО»

Редколлегия журнала

- В. А. Азаров, заслуженный юрист РФ, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Н. Ахпанов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва (Астана, Казахстан)
- С. Н. Бабурин, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, президент Ассоциации юридических вузов России, профессор ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, профессор Московского университета им. С. Ю. Витте, президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры (Москва, Россия)
- Н. Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Академия управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь)
- С. Ю. Головина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой трудового права, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. Л. Иванов, канд. юрид. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- Пьеранджело Каталано, доктор права, заслуженный профессор Римского университета Ла Сапиенца (Рим, Италия)
- В. В. Кванина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск, Россия)
- М. П. Клейменов, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- И. Н. Колядко, канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса и трудового права, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)
- И. А. Коновалов, д-р ист. наук, профессор, декан юридического факультета, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Н. Костюков, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой государственного и муниципального права, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. А. Ларичев, д-р юрид. наук, доцент кафедры международного и конституционного права, заместитель декана по научной работе, профессор департамента публичного права, факультет права НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- Горазд Мешко, д-р юрид. наук, профессор, директор Института уголовного правосудия и безопасности, Университет Марибора (Марибор, Словения)
- Е. Л. Невзгодина, канд. юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, зав. кафедрой гражданского права, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- А. Д. Прошляков, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Россия)
- А. Л. Репецкая, д-р юрид. наук, профессор, зав. отделом криминологических исследований Института правовых исследований, Байкальский государственный университет (Иркутск, Россия)
- Якуб Стэлина, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой по трудовому праву факультета права и администрации, Гданьский университет (Гданьск, Польшая республика)
- Л. А. Терехова, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)
- Фернандо Сезар Коста Шавьер, канд. наук, д-р международных отношений, адъюнкт профессор, Федеральный университет Рорайма (Боа-Виста, Бразилия)
- С. Ю. Чуча, д-р юрид. наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права РАН (Москва, Россия)
- А. В. Юдин, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королёва (Самара, Россия)
- Анна Юрковска-Зайдлер, доктор права, профессор, заместитель декана по научной работе, профессор кафедры финансового права факультета права и администрации, Университет Гданьска (Гданьск, Польшая республика)
- Т. Ф. Ящук, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

ОСНОВАН В 2004 г.

Издаётся в творческом
сотрудничестве
с Арбитражным судом
Омской области

2025. Т. 22, № 3

ISSN 1990-5173 (Print)

ISSN 3034-3860 (Online)

Включён в перечень ВАК

Учредитель
ФГАОУ ВО «ОмГУ
им. Ф. М. Достоевского»

Адрес редакции:
644099, Омская обл., г. Омск,
ул. Фрунзе, 6, каб. 818

тел. (3812) 63-21-20
omgu-vestnikpravo@mail.ru

Главный редактор
Елена Львовна Невзгодина
Ответственный редактор
Татьяна Фёдоровна Ящук

Редактор Е. В. Коськина
Технический редактор М. В. Быкова

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором),
регистрационный номер:
ПИ № ФС77-72197
от 15 января 2018 г.

Объединённый подписной каталог
«Пресса России». Индекс 35914

Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайте:
<https://law-journal.omsk.ru>,
а также в научных
электронных библиотеках
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
С 2007 г. журнал включён
в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Адрес издателя и типографии:
644077, Омская обл., г. Омск,
пр. Мира, 55а

Дата выхода в свет 03.09.2025.

Ризография. Формат 60x84 1/8.

Печ. л. 13,2. Усл. печ. л. 12,2.

Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 25 экз. Заказ 226.

Academic periodical
Published four times a year

FOUNDED IN 2004

Published in creative collaboration
with the Arbitration Court
of the Omsk Region

2025. Vol. 22, no. 3

ISSN 1990-5173 (Print)
ISSN 3034-3860 (Online)

Included in HAC list

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series "LAW"

Founder

Federal State
Autonomous Educational
Institution of Higher Education
"Dostoevsky Omsk State University"

Address of editorial office:
office 818, 6, Frunze ul., Omsk,
Omsk Oblast, 644099, Russia

Phone: +7 (3812) 63-21-20
E-mail: omgu-vestnikpravo@mail.ru

Editor-in-Chief
E.L. Nevzgodina
Executive editor
T.F. Yashchuk

Editor *E.V. Koskina*
Technical editor *M.V. Bykova*

Registered by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
(Roskomnadzor),
PI No. FS77-72197
from January 15, 2018

United subscription catalog
"The Russian Press". Index 35914

Free price

The full text version of the journal
is available on its websites:
<https://law-journal.omsk.ru>,
and in the scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and CyberLeninka (cyberleninka.ru).

Included in Russian Science
Citation Index (RSCI)

Address of publisher
and printing house:
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast,
644077, Russia

Date of publication September 3, 2025.
Risography. Format 60x84 1/8.
Printed p. 13,2.
Conventionally printed p. 12,2.
Accounting publishing p. 10,0.
Edition 25 copies. Order 226.

Editorial staff

- V.A. Azarov, Honored Lawyer of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- A.N. Akhpanov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Professor at the Department of Criminal Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- S.N. Baburin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the RAS, President of the Association of Law Schools, Professor of Dostoevsky Omsk State University, Professor of Moscow Witte University, President of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Moscow, Russia)
- N.L. Bondarenko, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)
- S.Yu. Golovina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)
- R.L. Ivanov, Ph.D. in Law, Associate Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- Pierangelo Catalano, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor Emeritus at the University of Rome La Sapienza (Rome, Italy)
- V.V. Kvanina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Business, Competition and Environmental Law, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russia)
- M.P. Kleymentov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- I.N. Kolyadko, Ph.D. in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure and Labor Law, Belarusian State University (Minsk, Belarus)
- I.A. Konovalov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in History, Professor, Dean of the Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- A.N. Kostyukov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- A.A. Larichev, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associate Professor at the Department of International and Constitutional Law, Deputy Dean for Research, Professor of the Department of Public Law, Faculty of Law of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)
- Gorazd Meshko, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Director of the Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor (Maribor, Slovenia)
- E.L. Nevzgodina, Ph.D. in Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- A.D. Proshlyakov, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Ural State Law University (Ekaterinburg, Russia)
- A.L. Repetskaya, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Criminological Research Department of the Institute of Legal Studies, Baikal State University (Irkutsk, Russia)
- Jakub Stelina, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Labor Law, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk, Republic of Poland)
- L.A. Terekhova, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- Fernando Cesar Costa Xavier, Ph.D. in International Relations, Associate Professor, Federal University of Roraima (Boa Vista, Brazil)
- S.Yu. Chucha, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research of Labor Law and Social Security Law, Chief Researcher of the Department of Trial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- A.V. Udin, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University (Samara, Russia)
- Anna Jurkowska-Zaydler, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Deputy Dean for Research, Professor at the Department of Financial Law, Faculty of Law and Administration, University of Gdansk (Gdansk, the Republic of Poland)
- T.F. Yashchuk, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

© Dostoevsky Omsk State University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Демидова И. А., Кожевников В. В.* Категория «правовая культура» в системе координат понятийного аппарата юридической науки 5
- Евстратов А. Э., Жармухамбетова С. С.* История становления понятия «правозащитная деятельность» (постановка проблемы)..... 16

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Аленина И. В.* Правовое регулирование дежурств гражданских и муниципальных служащих в Российской Федерации 27
- Шавеко Н. А.* Концепция партисипаторной демократии: за и против 33

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Монастырский Ю. Э.* Право требования заключить договор как вид имущества в гражданском обороте 43
- Темникова Н. А.* Взыскание судебных расходов по семейным спорам или плата за дискрецию?..... 52
- Чуча С. Ю.* Искажение традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли 56
- Кондюрина Ю. А.* Применение новых технологий в ускоренных судебных процедурах 65

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Клейменов М. П.* Прогнозирование и правотворчество в сфере борьбы с преступностью 72
- Клейменов И. М., Верченко Н. И.* Управление оценками криминологической обстановки 80
- Бахта А. С., Нуриев И. Н.* Правовые барьеры возмещения преступного вреда лицами, привлекаемыми для военной службы..... 84
- Верещагина А. В.* Временное отстранение от должности сквозь призму превентивности применения: некоторые аспекты 92

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Симонов В. А.* Антикоррупционная политика в Республике Казахстан 102

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 105

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Law", 2025, vol. 22, no. 3

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Demidova I.A., Kozhevnikov V.V.* The Category "Legal Culture" in the System of Coordinates of the Conceptual Apparatus of Legal Science 13
- Evstratov A.E., Zharmukhambetova S.S.* History of the Formation of the Concept of "Human Rights Activity" (Problem Statement) 25

PUBLIC LAW SCIENCES

- Alenina I.V.* Legal Regulation of Duty of Civil and Municipal Employees in the Russian Federation 32
- Shaveko N.A.* Participatory Democracy: Pros and Cons 41

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- Monastyrsky Yu.E.* Claims to Conclude a Contract as Class of Property in Turnover 50
- Temnikova N.A.* Collection of Family Dispute Court Costs or Discretion Fees? 54
- Chucha S.Yu.* Distortion of the Traditional Russian Model of Labor Law As a Private-Public Branch of Law 63
- Kondyurina Yu.A.* Application of New Technologies in Expedited Litigation 70

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Kleymentov M.P.* Forecasting and Law-Making in the Field of Combating Crime 78
- Kleymentov I.M., Verchenko N.I.* Assessment Management Criminological Situation 83
- Bakhta A.S., Nuriev I.N.* Legal Barriers to Criminal Damage by Persons Engaged in Military Service 89
- Vereshchagina A.V.* Temporary Suspension from Work Through the Prism of Preventive Application: Some Aspects 100

SCIENTIFIC LIFE

- Simonov V.A.* Anti-Corruption Policy in the Republic of Kazakhstan 104

INFORMATION FOR AUTHORS 105

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 5–15.

УДК 340.1

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).5-15

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА» В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

И. А. Демидова¹, В. В. Кожевников²

¹Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Могилев, Беларусь

²Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Актуальность проблематики правовой культуры обусловлена целым рядом факторов общетеоретического и социального порядка. В их числе необходимость расширения научных представлений о правовой культуре с учётом социальных трансформаций, потребностей социально-правовой практики и др. Вид теоретико-правового исследования правовой культуры определяет необходимость выстраивания логических понятийных рядов, что призвано способствовать системному представлению объекта познания в контексте формирования интегративного знания о данном социально-правовом феномене. **Методология.** Теоретическое юридическое знание о правовой культуре формируется с использованием методов и подходов философского и общенаучного уровней познания, с учётом сложившихся в правоведении научных подходов к изучению правовой культуры, прежде всего культурологического, аксиологического, социологического и ряда других. **Результаты.** Правовая культура представлена в системе координат общенаучных категорий «цивилизация», «культура», «культурно-генетический код (социокод)», «общественная ценность», «менталитет», «социальная трансформация» и др., а также правовых категорий «правовая идея», «правовое сознание», «правовой менталитет», «правовая традиция», «правовая система», «правовая жизнь» и др. **Заключение.** Реализованный в исследовании подход призван охарактеризовать правовую культуру современного белорусского общества как проект цивилизационного развития. Полученное теоретическое знание позволяет выстроить научно обоснованную стратегию социально-правового развития белорусского общества, сформировать концепцию правовой политики в соответствии с культурно-генетическим кодом общественного развития.

Ключевые слова: правовая культура; теоретическое юридическое знание; правовая категория; правовая система; правовое культурное пространство; культурно-генетический код; правоцентристская система социального регулирования; современное белорусское общество.

1. Введение

Сложность и многоаспектность правовой культуры как объекта познания определяет потребность оформления теоретического знания о данном социально-правовом феномене в виде интегративной теории, что призвано дать оценку правовому культурному развитию современного общества с позиций научно обоснованных критериев [1, с. 16]. В своём развитии теоретическое знание о правовой культуре формируется на уровнях концепции, доктрины, догмы, прежде всего в рамках отдельных научных дисциплин

при одновременном использовании достижений и возможностей других отраслей знания. В данной связи юридическая теория правовой культуры включает теоретические положения, разработанные другими науками, что реализуется в характеристике феномена правовой культуры посредством использования общенаучных категорий «культура», «цивилизация», «ценность», «деятельность» и ряда других.

Формированию теории правовой культуры способствовали работы советских учёных-правоведов середины 50-х гг. XX в., что

связано с политической «оттепелью». Советская доктрина правовой культуры имела политизированный характер. Так, в научный оборот была введена категория «социалистическая правовая культура». Внимание учёных было сконцентрировано на обосновании ценности и преимуществ социалистической правовой культуры в сравнении с буржуазной. К примеру, осмысление политико-правовой реальности связывалось в том числе с оценкой эффективности законодательства в создании материально-технической базы коммунизма (исследования С. Г. Дробязко¹ и др.) и т. д. Вплоть до 80-х гг. XX в. правовая культура рассматривалась во взаимосвязи с политической культурой, показательной в данной связи является работа Н. М. Кейзера [2]. В 90-х гг. XX в. (исследования В. П. Сальникова², А. П. Семитко³ и др.) нашли обоснование базовые теоретические представления о правовой культуре, которые транслировались в научных и учебных изданиях. Речь идёт о представлении правовой культуры как развивающейся системы правовых ценностей, которые создаются в процессе правового развития общества и отражаются в правосознании граждан (С. С. Алексеев) [3], понимании правовой культуры как качественного показателя состояния правовой системы (В. П. Сальников) [4], признании правовой культуры системным образованием, фактором правового прогресса и условием обеспечения прав личности (В. П. Семитко) [5] и др. По большей части научные работы советского периода касались проблематики правового сознания как составной части общественного сознания (исследования И. Е. Фарбера⁴ и др.). Показательно, что в западной традиции права правовая культура рассматривалась в контексте права в целом [6; 7], что предельно расширяло предмет исследования, либо только в преломлении прав и свобод человека, что ограничивало понимание данного феномена [8; 9].

Оформившаяся в советский период юридическая доктрина правовой культуры, с одной стороны, явилась теоретическим основанием для построения в дальнейшем концепций правовой культуры в рамках иных методологических подходов к её изучению, с другой – оказалась подверженной воздействию новых концептуальных идей и научных представлений. К примеру, в структуру правового

сознания был введён новый элемент – правовой менталитет (исследования Р. С. Байниязова⁵ и др.). Расширение представлений о феномене правовой культуры связано с анализом различных проявлений правовой реальности – рассмотрением проблематики закона и юридической техники (исследования А. И. Гусейнова⁶, М. Л. Давыдовой⁷, Н. В. Сильченко⁸ и др.), установлением специфики правоприменительной деятельности отдельных профессиональных сфер (исследования В. В. Кожевникова⁹ и др.), обоснованием особенностей правообразования с позиций аксиологического измерения (исследования Л. О. Мурашко¹⁰ и др.), обозначением направлений правовой интеграции (исследования Е. Е. Вылегжаниной¹¹ и др.), выделением характерных особенностей правовой культуры современного российского общества (исследования Л. А. Петручак¹² и др.). При расширении и углублении знания о правовой культуре универсальные базовые положения в отношении её понимания как фактора правового культурного развития общества неизбежно приобретают догматический характер, используются в процессе научного поиска современными авторами. Изучение правовой культуры современного белорусского общества реализовано посредством представления о данном феномене в контексте общекультурного становления и правового функционирования социума.

2. Методология исследования правовой культуры современного белорусского общества

В изучении правовой культуры использованы методы и подходы различных уровней её постижения. Правовая культура рассматривается сквозь призму *философских категорий* сущности и явления, действительности и возможности, части и целого и ряда других, с применением принципов и законов диалектики. Философское понимание реальности как проявления феномена бытия определяет формирование научных представлений о правовой культуре исходя из специфики правовой реальности. Роль информации и информационных процессов в условиях современности обуславливает методологический потенциал информационного подхода в исследовании феномена правовой культуры. *Общенаучный уровень* реа-

лизуется посредством системного подхода, теоретической типологии и информационного моделирования. Использование метода восхождения от абстрактного к конкретному позволяет оформить теоретическое знание о правовой культуре исходя из фундаментальных абстракций, таких как право, цивилизация, культура. Уровень *предметного юридического знания*, сформированного в рамках научных подходов к изучению правовой культуры в правоведении (культурологического, аксиологического, социологического и др.), даёт возможность характеризовать различные ракурсы правовой культуры. В познании правовой культуры общества применимы такие частнонаучные методы исследования, как формально-догматический, историко-правовой, сравнительно-правовой и др. [1, с. 35–98].

Полученное теоретическое юридическое знание представлено в виде так называемых категорийных сеток, что призвано способствовать пониманию и объяснению правовой культуры в системе координат понятийного аппарата юридической науки, который выполняет теоретическую и методологическую функции. Базовыми принципами научного познания правовой культуры устанавливаются всеобщий принцип всесторонности познания, состоящий в выявлении всех сторон, связей и отношений исследуемого объекта; принцип исторического подхода, состоящий в рассмотрении современного состояния явления как итога, результата предшествующего развития; принцип конкретно-исторического подхода.

Результатом авторского исследования выступает теоретическая модель правовой культуры, социальный срез которой рассматривается в преломлении к белорусскому обществу. Социальная ценность полученного теоретического знания о правовой культуре определяется тем, что оно выполняет не только объяснительную функцию в соответствии с пониманием правовой культуры как цивилизационного явления и процесса, но также критериальную и прогнозную функции. Научно обоснованная характеристика правовой культуры как социально-правового феномена необходима для выработки критериев оценки состояния правовой культуры современного белорусского общества, обо-

значения направлений правового общественного развития, что характеризует практическую ориентированность разработанной концепции правовой культуры, её направленность на реализацию правовой идеи, обеспечение правового прогресса.

3. Правовая культура современного белорусского общества как проект цивилизационного развития

В качестве базового принимается положение о предзаданности правового культурного развития общества в контексте цивилизационного выбора и отвечающей этому выбору исторически сформированной системы нормативного регулирования общественных отношений. Если характеристики цивилизационного развития белорусского общества представлены в соответствии с различными подходами к типологии цивилизаций, то особенности нормирования общественной жизни устанавливаются культурно-генетическим кодом (социокодом), фиксирующим жизненные смыслы и ценности, выраженные в мировоззренческих универсалиях, пронизывающих все сферы культуры (В. С. Степин) [10].

Так, *цивилизационно-региональный подход* связан с различием западной и восточной цивилизаций. Территориальное положение белорусских территорий характеризует белорусскую идентичность в формате цивилизационного и культурного пограничья. В философском эссе Игната Кончевского (Абдираловича) «Извечным путём» (1921) поднимается проблема белорусской идентичности в условиях выбора между ценностями западной и восточной цивилизаций [11]. Основы национальной идеи устанавливаются философом исходя из значимости государственной независимости как общечеловеческого идеала. Провозглашается социальная ценность непрерывного творчества как условия духовного и интеллектуального противостояния и кооперации как фактора единения общества. Современные цивилизационные вызовы также ставят задачу поиска интеллектуальных ответов. Существует потребность сплочения общества на идейной основе. В данной связи концептуальные положения И. Кончевского (Абдираловича), высказанные более 100 лет назад, звучат как никогда актуально. Цивилизационно-региональный подход к рассмотрению правовой культуры

позволяет характеризовать правовую культуру общества понятиями «ценность», «национальная идея», «идеология» (в том числе «государственная идеология», «правовая идеология») и др. Ценностный срез политического и общественного устройства определяет особенности идеологии и отличительные характеристики правовой политики, которые призваны обеспечить социальную устойчивость, с одной стороны, и способствовать правовому развитию и прогрессу – с другой. Один из подходов к формулированию национальной идеи современной Беларуси состоит в определении силы Беларуси в её истоках, консолидации и суверенитете [12, с. 335].

В свою очередь, *цивилизационно-локальный подход* требует учёта специфики восточноевропейской (славянской) цивилизации. В данном случае проводится различие восточноевропейской цивилизации, определяемой в качестве осевой, а также западной и восточной (традиционной) [13, с. 340–342]. Включённость в восточноевропейскую цивилизацию обуславливает типологические характеристики белорусского общества и характеристику антропологического и психологического личностного типа белорусов. Белорусское общество предстаёт как ментальное единство его членов. Специфика восприятия права социумом фиксируется посредством понятий «правовой менталитет», «правовая ментальность», особенности функционирования права – «правовая традиция», «общественное правовое сознание», «правовая жизнь» и др. Определяющим фактором общественного и политико-правового устройства в данной связи выступает культурно-генетический код (социокод) развития.

Одновременно *цивилизационно-стадийный подход* исходит из характера изменения правовой культуры в условиях техногенной цивилизации. В данном случае трансформации социальной реальности отражаются посредством понятий «техногенное общество», «технокод», «техногенное общественное сознание», «информационное общество» и др., характеризующих изменения социальной реальности, которые по большей части носят универсальный характер. При этом они могут не совпадать по времени исходя из особенностей развития цивилизаций. Процесс становления техногенного общества прохо-

дит определённые этапы, которые различаются идеалами общественного развития, положением личности в системе общественных координат. На этапе постиндустриальной (информационной) цивилизации социальные смыслы перестраиваются в более сложную систему – «природа – общество – культура». Модификации правовой реальности фиксируются в научных исследованиях посредством понятий «технические общественные отношения», «технические нормативные правовые акты» и др. Новые формы права и правовых отношений находят отражение в понятиях «цифровое право», «цифровая личность» и др.

Цивилизационный подход в исследовании правовой культуры призван расшифровать социокод, который позволяет понять и объяснить существующую социальную и правовую реальность. Типологическая модель правовой культуры включает материальные, духовные и организационные элементы, интегрированные на основе системообразующих идей в соответствии с ценностным выбором общества, что фиксируется посредством понятия «правовое культурное пространство» [14]. В данной связи в оценке функционирования национального правового пространства подлежат учёту исторически сформированные на белорусских землях системы нормативного регулирования общественных отношений. Нашло обоснование теоретическое положение о том, что «белорусская правовая система находится в системе координат политико-центристского типа и развивается в сторону правовой системы восточнославянского типа» [15, с. 5]. Исторически сформированными на белорусских землях признаются такие типы (социокультурные комплексы) социального регулирования, как правовой, религиозно-моральный, политический и находящийся в силовом поле трёх ранее сложившихся типов технический. Каждый из них имеет сложную структуру, включающую информационно-ценностный элемент, социальную практику, программно-целевой (идеологический) и нормативный элементы и ряд других [15, с. 8]. В представленной логической схеме идентификация национальной правовой системы связывается не только с определением её типа, но и с установлением элементов, которые выступают

в качестве социальных координат. Доминирование права как социального регулятора отличает правоцентристский тип социального регулирования.

Учёт факторов цивилизационного развития белорусского общества призван выявить специфику правовой культуры. Так, правоментальные характеристики белорусского общества устанавливают особенности правового функционирования социума [16]. Сложившаяся социальная и правовая реальность определяют мировоззренческую основу [17] и идейную составляющую правовой культуры белорусского общества [18]. Важная роль в характеристике национальной правовой культуры принадлежит исторически сформированным правовым традициям в соответствии с цивилизационным выбором [19].

4. Культурно-генетический код общественного развития белорусского общества как фактор правового культурного развития

Ценностная матрица общественного развития в условиях государственной организации общества фиксируется прежде всего посредством национального права, что определяет возможность использовать информационные свойства данного социального регулятора. В данной связи исторически сформированная национальная культурная традиция выступает в качестве «единого смыслового контекста государственно-правового развития» [20, с. 49]. В оценке функциональных возможностей права подлежит учёту то обстоятельство, что интенсивные модификации социальной реальности в условиях современности обуславливают транзитивное состояние общества. Процесс изменений социальной реальности и глубоких системных преобразований деятельности социального субъекта фиксируется в социальной философии посредством понятия «социальная трансформация» [21]. С точки зрения этого процесса возможны различные состояния общества, в том числе и переходные. В условиях социальной динамики возрастает значение информационно-ценностного элемента системы социального регулирования. В ситуации транзитивного общества для обеспечения устойчивого развития необходимы идеологические конструкции, принимаемые

социумом. Обосновано, что «набор тех или иных идеологем, завязанных на интересы и ценности социальных субъектов трансформационного процесса, выступает как некий каркас, вокруг которого организуются инновационные структуры общественного сознания» [12, с. 336]. Обозначенные факторы обуславливают роль программно-целевого (идеологического) компонента системы социального регулирования общественных отношений.

Доминирование правоцентристского типа социального регулирования определяет социальную значимость *идеологической составляющей правовой культуры*, которая представлена правовыми идеями, сформулированными в трудах отечественных философов. Идеологическая составляющая правовой культуры современного белорусского общества базируется на идеях белорусских мыслителей прошлого в отношении организации и функционирования общественного устройства и организации государственной власти – народного суверенитета в сфере правотворчества (Ф. Скорина) [22, с. 23], правопорядка в виде правопослушания и разумности лиц, находящихся у власти (Н. Гусовский, М. Литвин) [22, с. 26–28, 31–32], законности и справедливости (С. Будный) [22, с. 37] и др., что характеризует ценностный выбор белорусского общества.

Сложившиеся исторически и функционирующие в современных реалиях на территории Беларуси нормативные системы в виде права (правоцентристский тип социального регулирования), морали и религии (религиозно-моральный тип социального регулирования), политических норм и принципов (политический тип социального регулирования) призваны выполнять свои регулирующие функции сообразно их потенциалу на том либо ином этапе исторического развития. Возможности правового воздействия на общественно-политические процессы в современном белорусском обществе обусловлены исторически сформированным социокультурным контекстом в виде *правовой традиции* в исторической ретроспективе – представительного правления (общегосударственных и местных соймиков в период Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, съездов советов депутатов в советское время),

в современных реалиях – народного представительства (Всебелорусского народного собрания и местных советов депутатов), что обуславливает *мировоззренческую основу правовой культуры* белорусского общества.

Особенности политической истории устанавливают формирование в качестве белорусской *национальной идеи* духовно-идейного императива, воплотившегося в понятии «белорусскость», которое отождествляет гражданскую идентичность современного белорусского общества [23, с. 9]. Включённость в общемировой цивилизационный процесс устанавливает требование совместности национальных ценностей с ценностями глобального, а также регионального и мирового порядков. Одновременно «законы общественной справедливости» завязаны на реализованных в системе общественных отношений ценностях (Н. Н. Алексеев) [24, с. 122]. Таким образом, правовая реальность, вследствие принятия ценности права, выступает составной частью сложившейся в исторической проекции на белорусских землях социальной реальности. В оценке правовой реальности подлежат различению уровни существования права – мир идей в качестве базового, мир знаковых форм (правовые нормы и законы) и мир взаимодействия между социальными субъектами (правовой жизни) [25, с. 128]. При таком рассмотрении становление, существование и функционирование права в обществе осуществляется на трёх уровнях – путём реализации принципа справедливости (идея права), на основе позитивного закона (реализация идеи права) и посредством решения или поведения в конкретной ситуации (осуществление идеи права) [25, с. 131].

Исторически идеология организации управления белорусским обществом основана на правовой идее и законопослушании. При этом мы солидарны с выводом, сделанным по результатам социологического исследования белорусского общества, что «важным аспектом построения реальной модели белорусской государственности является национально-культурное содержание такой ментальной характеристики, как “законопослушание”» [26, с. 290]. Если в западной правовой культуре оно означает следование «букве» закона, то в восточных, в том числе сла-

вянских, культурах – «духу» закона, закону, который в душе, закону совести [26, с. 290]. Данное обстоятельство устанавливает особенности нормативной основы системы социального регулирования, определяет правовую жизнь белорусского общества. Обосновано, что «правовая жизнь характеризует рассматриваемые в единстве предметные формы бытия человека и общества, их отношение к праву, использованию правовых средств для осуществления индивидами и их объединениями своих интересов и потребностей» [27, с. 16]. Правовая жизнь предстаёт как совокупность всех форм юридического бытия общества. В этой связи имеет место содержательное пересечение понятий «правовая жизнь» и «правовая культура» [14, с. 46].

Представление правовой культуры как цивилизационного проекта развития общества позволило дать следующее определение данному феномену: «Правовая культура есть культурное явление и одновременно правовой культурный процесс, фундаментальное основание и проявление определённого типа культуры, которые характеризуют юридическое бытие социума и определяют правовую реальность в соответствии с признанными обществом правовыми ценностями, установленной нормативностью, достигнутым совершенством правовой деятельности, исторически сложившейся матрицей типизации юридически значимого поведения и правовых установок личности» [19, с. 46].

5. Выводы

Теоретическая конструкция правовой культуры, построенная в соответствии с применённой методологией, основана на юридической характеристике правовой культуры общества в системе координат общенаучных категорий «цивилизация», «культура», «культурно-генетический код (социокод)», «общественная ценность», «менталитет», «социальная трансформация» и др., а также правовых категорий «правовая идея», «правовое сознание», «правовой менталитет», «правовая традиция», «правовая система», «правовая жизнь» и др. Представленный посредством обозначенных категорий цивилизационный проект правовой культуры выступает составной частью научно обоснованной стратегии политико-правового развития белорусского общества, позволяет сформиро-

вать концепцию правовой политики в условиях современности в соответствии с культурно-генетическим кодом общественного развития. Обозначенные факторы характеризуют теоретическую и практическую значимость проведённого исследования.

Характерные черты культурно-цивилизационного развития Беларуси, которые фиксируются понятием «белорусскость», проявляются в правовой сфере общественных отношений в соответствии с воспринятыми ценностями различных цивилизаций и исторически сложившимися на белорусских землях системами социального регулирования. Современность устанавливает больший потенциал для развития белорусского общества в рамках правовой системы восточноевропейского типа, что связано со спецификой белорусского общества как правоментального единства его членов. Принятие идеи права в качестве общественно значимой, идейное обоснование ценности правового правления, исторически сформированная правовая традиция функционирования представительных органов власти в совокупности устанавливают основы правовой жизни современного белорусского общества. Правовое функционирование современного белорусского общества определяет социальную значимость правовой культуры и востребованность научных разработок по данному направлению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дробязко С. Г. Эффективность законодательства в создании материально-технической базы коммунизма : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Беларус. гос. ун-т. – Минск, 1967. – 36 с.

² Сальников В. П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1990. – 35 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования : моногр. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. – 396 с.
2. Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура. – М. : Юрид. лит., 1983. – 229 с.
3. Алексеев С. С. Право и правовая культура в советском обществе. – М. : Прогресс, 1991. – 214 с.
4. Сальников В. П. Социалистическая правовая культура: методологические проблемы / под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 144 с.
5. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречие, прогресс. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 176 с.
6. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. – 2-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 622 с.

³ Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 1996. – 36 с.

⁴ Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Всесоюзн. ин-т юрид. наук. – М., 1963. – 40 с.

⁵ Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Саратов. юрид. ин-т МВД России. – Саратов, 2006. – 40 с.

⁶ Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Рос. акад. гос. Службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2007. – 47 с.

⁷ Давыдова М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Волгогр. юрид. ин-т. – Волгоград, 2010. – 51 с.

⁸ Сильченко Н. В. Проблема верховенства закона : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / БГУ. – Минск, 1993. – 52 с.

⁹ Кожевников В. В. Правовая активность участников правоприменительной деятельности органов внутренних дел (вопросы теории) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Акад. управления МВД России. – М., 2004. – 47 с.

¹⁰ Мурашко Л. О. Аксиологическое измерение процесса правообразования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Ин-т гос-ва и права Рос. акад. наук. – М., 2015. – 41 с.

¹¹ Вылегжанина Е. Е. Основные тенденции развития экологического права Европейского союза : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Дипломат. акад. МИД Рос. Федерации. – М., 2005. – 31 с.

¹² Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Моск. гос. юрид. акад. – М., 2012. – 53 с.

7. Ллойд Д. Идея права: репрессивное зло или социальная необходимость? = The Idea of Law : A repressive evil or social necessity? / пер. с англ. М. А. Юмашева, Ю. М. Юмашев. – 5-е изд. – М. : Книгодел, 2009. – 374 с.
8. Human rights education for the twenty-first century / ed. by George J. Andreopoulos and Richard Pierre Claude. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1997. – 636 p.
9. Boylan M. Natural human rights: a theory. – New York : Cambridge University Press, 2014. – 305 p.
10. Обсуждение книги академика В. С. Степина «Цивилизация и культура» : материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2013. – № 12. – С. 3–47.
11. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: (даследзіны беларускага светагляду). – Вільня : Беларускае выдавецкае таварыства, 1921. – 71 с.
12. Канашевич Н. М. Концепт идеологии в модернизирующемся обществе : моногр. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. – 364 с.
13. Баранов С. Д. Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). – М. : Ин-т Наследия, 2024. – 578 с.
14. Демидова И. А. Правовое культурное пространство: вопросы понимания, обозначения, направления исследования // Юстиция Беларуси. – 2023. – № 4 (253). – С. 43–48.
15. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 5–15. – DOI: 10/1273/19760.
16. Демидова И. А. Правоментальная характеристика белорусского общества // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 87–96.
17. Демидова И. А. Мировоззренческая основа правовой культуры общества: теоретико-правовой аспект // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр / Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович [и др.]. – Минск : Колоград, 2022. – Вып. 17. – С. 160–167.
18. Демидова И. А. Идеиная составляющая правовой культуры общества: вопросы понимания и обоснования // Научный вестник Омской Академии МВД России. – 2022. – № 2 (85). – С. 157–161. – DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-157-161.
19. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: цивилизационный проект // Юстиция Беларуси. – 2022. – № 4 (241). – С. 41–46.
20. Ромашев Р. А. Национальная правовая культура России: традиции, ценности, цивилизационный проект // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 49–52.
21. Попов В. В., Музыка О. А., Киселев С. А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 1 (ч. 2) – С. 365–368. – URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11202> (дата обращения: 05.12.2024).
22. Сокал С. В. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі. – Магілёў : Абласная друкарня, 1999. – 142 с.
23. Ценностный портрет современного белорусского общества / авт. кол.: С. М. Алейникова, О. В. Богомаз, Н. В. Надточаева [и др.]. – Минск : Друк-С, 2021. – 55 с.
24. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с. – (Сер. «Классики истории и философии права»).
25. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование концепта действительности) : моногр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 319 с.
26. Кириенко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы : моногр. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. – 319 с.
27. Малько А. В., Пономаренков В. А. Правовая жизнь современного общества: социально-факторный анализ : моногр. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 152 с.

Информация об авторах

Демидова Ирина Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Могилевский институт МВД
Республики Беларусь

Адрес для корреспонденции: 212011,
Беларусь, Могилев, ул. Крупской, 67

E-mail: demidova-irina00@mail.ru

SPIN-код: 7251-4659; Author ID: 893799

ORCID: 0000-0002-4863-8455

Кожевников Владимир Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия, Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: kta6973@rambler.ru

SPIN-код: 7487-3953; AuthorID: 678229

ORCID: 0000-0003-1323-4167

Информация о статье

Дата поступления – 19 января 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Демидова И. А., Кожевников В. В. Категория «правовая культура» в системе координат понятийного аппарата юридической науки // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 5–15. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).5-15.

THE CATEGORY "LEGAL CULTURE" IN THE SYSTEM OF COORDINATES OF THE CONCEPTUAL APPARATUS OF LEGAL SCIENCE

I.A. Demidova¹, V.V. Kozhevnikov²

¹Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Mogilev, Belarus

²Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The relevance of the problems of legal culture is conditioned by a number of factors of general theoretical and social order, among which are the need to expand scientific ideas about legal culture taking into account social transformations, the needs of socio-legal practice and others. The type of theoretical and legal research of legal culture determines the need to build a logical conceptual series, which is called for a systematic representation of the object of cognition in the context of the formation of integrative knowledge about this socio-legal phenomenon. **Methodology.** Theoretical legal knowledge about legal culture is formed with the use of methods and approaches of philosophical and general scientific levels of cognition, taking into account the established in jurisprudence scientific approaches to the study of legal culture, first of all, cultural, axiological, sociological and a number of others. **Results.** Legal culture is presented in the system of coordinates of general scientific categories "civilisation", "culture", "cultural-genetic code (sociocode)", "social value", "mentality", "social transformation" and others, as well as legal categories "legal idea", "legal consciousness", "legal mentality", "legal tradition", "legal system", "legal life" and others. **Conclusion.** The approach implemented in the research allows us to characterise the legal culture of modern Belarusian society as a project of civilisational development. The obtained theoretical knowledge makes it possible to build a science-based strategy of socio-legal development of the Belarusian society, to form a concept of legal policy in accordance with the cultural-genetic code of social development.

Keywords: legal culture; theoretical legal knowledge; legal category; legal system; legal cultural space; cultural-genetic code; right-centred system of social regulation; modern Belarusian society.

REFERENCES

1. Demidova I.A. *Legal culture of modern Belarusian society: methodology of research, issues of understanding and improvement*, monograph. Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2021. 396 p. (In Russ.).
2. Keizerov N.M. *Political and legal culture*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1983. 229 p. (In Russ.).
3. Alekseev S.S. *Law and legal culture in the Soviet society*. Moscow, Progress Publ., 1991. 214 p. (In Russ.).
4. Salnikov V.P. *Socialist legal culture: methodological problems*. Saratov, Saratov University Publishing House, 1989. 144 p. (In Russ.).
5. Semitko A.P. *Legal culture of socialist society: essence, contradiction, progress*. Sverdlovsk, Ural University Publishing House, 1990. 176 p. (In Russ.).
6. Berman G.J. *Western tradition of law: the epoch of formation*, 2nd ed. Moscow, Moscow University Publishing House, 1998. 622 p. (In Russ.).
7. Lloyd D. *The Idea of Law: A repressive evil or social necessity?*, 5th ed. Moscow, Knigodel Publ., 2009. 374 p. (In Russ.).
8. George J. Andreopoulos and Richard Pierre Claude (eds.). *Human rights education for the twenty-first century*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1997. 636 p.
9. Boylan M. *Natural human rights: a theory*. New York, Cambridge University Press, 2014. 305 p.
10. Discussion of Academician V.S. Stepin's book "Civilisation and Culture": materials of the round table. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2013, no. 12, pp. 3-47. (In Russ.).

11. Abdziralovich I. *Advechnom shakham: (inheritances of the Belarusian light)*. Vilnya, Belarusian Vidravetskaya Tavarstva Publ., 1921. 71 p. (In Belarusian).
12. Kanashevich N.M. *Concept of ideology in the modernising society*, monograph. Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2019. 364 p. (In Russ.).
13. Baranov S.D. *Civilisation of Eastern Europe (Axis civilisation)*. Moscow, Institute of Heritage Publ., 2024. 578 p. (In Russ.).
14. Demidova I.A. Legal cultural space: issues of understanding, labelling, directions of research. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, 2023, no. 4 (253), pp. 43-48. (In Russ.).
15. Silchenko N.V. Social coordinates and identification of the national legal system. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 6, pp. 5-15. DOI: 10/1273/19760. (In Russ.).
16. Demidova I.A. Pravomental characteristic of the Belarusian society. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2019, no. 2 (35), pp. 87-96. (In Russ.).
17. Demidova I.A. Worldview basis of legal culture of society: theoretical and legal aspect, in: Karpovich N.A. et al. (eds.). *Law in modern Belarusian society*, collection of scientific articles. Minsk, Kolograd Publ., 2022, vol. 17, pp. 160-167. (In Russ.).
18. Demidova I.A. Ideological component of the legal culture of society: issues of understanding and justification. *Nauchnyi vestnik Omskoi Akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 2 (85), pp. 157-161. DOI: 10.24411/1999-625X-2022-285-157-161. (In Russ.).
19. Demidova I.A. Legal culture of the modern Belarusian society: civilisation project. *Yustitsiya Belarusi = Justice of Belarus*, 2022, no. 4 (241), pp. 41-46. (In Russ.).
20. Romashev R.A. National legal culture of Russia: traditions, values, civilisation project. *Yuridicheskaya tekhnika = Legal Technique*, 2016, no. 10, pp. 49-52. (In Russ.).
21. Popov V.V., Muzyka O.A., Kiselev S.A. Concept of transitivity and transformation of society. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2017, no. 1 (part 2), pp. 365-368. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11202> (accessed December 5, 2024). (In Russ.).
22. Sokal S.V. *A brief look at the history of political and legal thought in Belarus*. Magilyow, Ablasnaya Drukarnya Publ., 1999. 142 p. (In Belarusian).
23. Aleynikova S.M., Bogomaz O.V., Nadochaeva N.V. [et al.]. *Value portrait of modern Belarusian society*. Minsk, Druk-S Publ., 2021. 55 p. (In Russ.).
24. Alekseev N.N. *Fundamentals of the philosophy of law*. Saint Petersburg, Lan' Publ., 1999. 256 p. (Series "Classics of History and Philosophy of Law"). (In Russ.).
25. Gadzhiev G.A. *Ontology of law (critical study of the concept of reality)*, monograph. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2013. 319 p. (In Russ.).
26. Kirienko V.B. *Belarusian mentality: origins, modernity, prospects*, monograph. Gomel, P.O. Sukhoi Gomel State Technical University Publ., 2009. 319 p. (In Russ.).
27. Malko A.V., Ponomarenkov V.A. *Legal life of modern society: socio-factor analysis*, monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 152 p. (In Russ.).

About the authors

Demidova Irina – Ph.D in Law, Docent, Professor of the Department of Legal Disciplines, Faculty of Advanced Training and Retraining of Personnel

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

Postal address: 67, Krupskoi ul., Mogilev, 212011, Republic of Belarus

E-mail: demidova-irina00@mail.ru

SPIN-code: 7251-4659; Author ID: 893799

ORCID: 0000-0002-4863-8455

Kozhevnikov Vladimir – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099,
Russia

E-mail: kta6973@rambler.ru

SPIN-code: 7487-3953; AuthorID: 678229

ORCID: 0000-0003-1323-4167

Article info

Received – January 19, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Demidova I.A., Kozhevnikov V.V. The Category "Legal Culture" in the System of Coordinates of the Conceptual Apparatus of Legal Science. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 5-15. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).5-15. (In Russ.).

УДК 340

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).16-26

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

А. Э. Евстратов, С. С. Жармухамбетова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. В современном мире права человека являются одной из ключевых ценностей. А вопросы их защиты становятся всё более значимыми в условиях глобализации, развития информационных технологий и усиления влияния гражданского общества. Вместе с тем понятие «правозащитная деятельность» остаётся недостаточно изученным, особенно в контексте его исторического становления и отличия от других форм правовой активности. **Цель.** Целью работы является исследование истории становления понятия «правозащитная деятельность», анализ основных этапов её развития, выявление отличительных черт этого вида деятельности в сравнении с другими формами общественной активности, а также рассмотрение современных вызовов и перспектив дальнейшего развития правозащитного движения. **Методология.** При проведении исследования были использованы: сравнительно-правовой, формально-логический, исторический методы и метод правовой герменевтики, анализ и синтез. **Результаты.** Приведены и проанализированы основные этапы развития концепции прав человека и правозащитной деятельности. Рассмотрено понятие «правозащитная деятельность» и её составляющие, а также проведён анализ смежных явлений и понятий (правоохранительная деятельность, благотворительность и т. д.). **Выводы.** Исследование показало, что правозащитная деятельность прошла длительный путь становления, начиная от античных времён и заканчивая современными международными инициативами. Основные этапы этого пути включают формирование концепции прав человека, формирование самого понятия «правозащита», создание международных и национальных правозащитных организаций, а также адаптацию к новым вызовам современности. Дальнейшее исследование темы может включать углублённый анализ современных тенденций развития правозащитной деятельности, особенно в контексте решения проблем, связанных с развитием цифровых технологий и экологическими кризисами. Также представляет интерес изучение влияния культурных и религиозных факторов на восприятие прав человека в разных регионах мира.

Ключевые слова: права и свободы человека; охрана и защита; правозащитная деятельность; правоохранительная деятельность; благотворительность, цифровизация; государство; общество.

1. Введение

Правозащитная деятельность в современном мире является неотъемлемой частью функционирования здорового гражданского общества и гарантом соблюдения основных прав и свобод человека. Она выступает в качестве своеобразного «стража», отслеживающего соблюдение прав и реагирующего на их нарушения, что способствует построению более справедливого и гуманного мира. В условиях роста глобальных вызовов, таких как вооружённые конфликты, экономическое неравенство, массовая миграция, а также авторитарные тенденции во многих странах, роль правозащитной деятельности возрастает.

Выступая важнейшим механизмом контроля за соблюдением прав и свобод, она иг-

рает ключевую роль в развитии демократических институтов и формировании правового государства.

Понятие «правозащитная деятельность» возникло сравнительно недавно, тем не менее сами действия, которые оно характеризует, имеют более древние корни. Исследование истории становления явления и понятия позволяет лучше познать сущность, а также выявить причины и условия, способствовавшие их развитию.

Актуальность темы обусловлена усилением роли международных организаций (изучение исторических корней правозащитной деятельности помогает понять механизмы взаимодействия между государствами и международными структурами); ростом чис-

ла национальных правозащитных движений (анализ их деятельности позволяет выявить общие черты и особенности различных подходов к защите прав человека); современными вызовами (киберпреступность, экологические проблемы и др.).

В рамках данной статьи под *правозащитной деятельностью* будем понимать совокупность действий, осуществляемых отдельными лицами, группами лиц, неправительственными организациями (НПО), а также государственными институтами, направленными на продвижение, защиту и соблюдение прав человека и основных свобод, гарантированных национальным и международным правом. Такая деятельность включает в себя мониторинг ситуации с правами человека, проведение исследований, информирование общественности, оказание юридической помощи пострадавшим, а также ведение диалога с государственными органами с целью исправления ситуации и изменения законодательства [1].

2. Методология

При написании настоящей работы были использованы сравнительно-правовой, формально-логический, исторический методы, анализ, синтез и метод правовой герменевтики.

3. История становления правозащитной деятельности

Идеи, лежащие в основе современной правозащитной деятельности, уходят своими корнями в глубокую древность. При первом приближении речь может идти о любой защите нарушенных прав. Хотя термин «права человека» в его современном понимании не существовал, моральные и религиозные учения различных цивилизаций содержали принципы, которые можно считать предшественниками этих концепций.

Одним из первых источников, где были зафиксированы принципы справедливости и равенства перед законом, были Законы Хаммурапи, созданные около XVIII в. до н. э. в Древнем Вавилоне¹. Они содержали нормы, регулирующие различные аспекты жизни общества, включая защиту имущественных прав и справедливость наказаний за преступления.

В античной Греции и Риме также существовали представления о естественных пра-

вах человека. Например, философы Сократ, Платон, Аристотель и Цицерон рассуждали о справедливости и праве, хотя их взгляды не всегда совпадали с современными представлениями о правах человека. Эти права применялись преимущественно к свободным гражданам, оставляя рабов и женщин за пределами правовой защиты². В этом смысле народных трибунов в Риме (например, Тиберия и Гая Гракха) как представителей плебса можно считать одними из первых правозащитников³.

В христианской традиции защита слабых и угнетённых была важной частью учения Иисуса Христа.

Поэтому в дальнейшем уже в Средние века идея защиты прав человека была тесно связана с религиозными учениями. Христианство провозглашало равенство всех людей перед Богом, что оказывало влияние на развитие правовых норм. Важным этапом стало принятие Великой хартии вольностей⁴ в Англии в 1215 г., которая ограничивала власть короля и гарантировала определённые свободы подданным. Этот документ хоть и не был универсальной декларацией прав, тем не менее заложил основы для дальнейшего развития конституционализма.

В эпоху Возрождения произошёл возврат к античным идеям о правах человека. Философы-гуманисты, такие как Эразм Роттердамский и Томас Мор, подчёркивали ценность индивидуальности и свободы мысли. Реформация, начатая Мартином Лютером, также внесла вклад в развитие идеи личных прав, поскольку акцентировала внимание на личной ответственности каждого человека перед Богом.

Однако и в этот период права человека не рассматривались как неотъемлемые и универсальные. Они зависели от социального статуса, религии и других факторов.

Эпоха Просвещения стала переломным моментом в формировании концепции прав человека. Такие мыслители, как Джон Локк, Жан-Жак Руссо и Иммануил Кант и др., выдвинули идею естественных прав, присущих каждому человеку от рождения и не зависящих от воли правителей. Эти права считались неотъемлемыми и принадлежащими каждому человеку просто потому, что он человек.

Дж. Локк в своих «Двух трактатах о правлении» (1689) обосновал право на жизнь, право на свободу и право на собственность как неотъемлемые права, которые государство должно защищать. Ж.-Ж. Руссо в работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762) развил идею о народном суверенитете и равенстве всех граждан перед законом. И. Кант в труде «Критика чистого разума» (1781) обосновал моральную значимость человеческой личности и её достоинства.

Идеи Просвещения нашли отражение в первых международных документах о правах человека. Декларация независимости США (1776) провозгласила равенство всех людей и их неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью⁴. Декларация прав человека и гражданина (1789), принятая во Франции, подчеркнула права на свободу, равенство, безопасность и сопротивление угнетению⁴. Эти документы не только заложили основы современного понимания прав человека, но и послужили стимулом для развития правозащитных движений.

XIX в. был периодом активного развития правозащитных движений. Борьба за отмену рабства, феминистское движение стали одними из первых примеров организованной правозащитной деятельности. Эти движения, наряду с борьбой за избирательные права и социальную справедливость, способствовали формированию более инклюзивного понимания правозащитной деятельности.

Международная правозащитная деятельность начала зарождаться также в XIX в. Создание Международного комитета Красного Креста в 1863 г. стало важным шагом в развитии гуманитарного права и защиты жертв вооружённых конфликтов [2].

В начале XX в. с появлением международных организаций, таких как Лига Наций, начали предприниматься первые попытки международного контроля за соблюдением прав человека. Однако эти попытки были ограниченными.

Первая и Вторая мировые войны оказали огромное влияние на формирование международного права в области прав человека. Массовые нарушения прав человека в ходе этих войн, включая геноцид и другие воен-

ные преступления, привели к осознанию необходимости создания международной системы защиты прав человека.

В 1945 г. была основана Организация Объединённых Наций (ООН), целью которой было, среди прочего, содействие соблюдению прав человека.

В 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека. Её принятие стало отправной точкой для современного правозащитного движения. Этот документ провозгласил всеобщее равенство и неотъемлемые права человека, включая гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права.

В рамках ООН были созданы специализированные агентства и комитеты, такие как Комитет по правам человека и Управление Верховного комиссара ООН по правам человека.

Современная правозащитная деятельность является многогранным явлением, включающим в себя различные формы и методы.

На международном уровне существует сложная система механизмов защиты прав человека, включающая в себя международные конвенции и договоры, а также специальные органы и процедуры.

К числу наиболее важных международных документов относятся: Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965), Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979), Конвенция против пыток (1984) и многие другие⁵.

Развитие международного права и создание специализированных органов, таких как Европейский суд по правам человека и Международный уголовный суд, способствовало укреплению механизма защиты прав человека.

Сформировалась глобальная сеть правозащитных организаций, таких как Amnesty International, Human Rights Watch, которые занимаются мониторингом нарушений прав человека, документированием преступлений и организацией публичных кампаний. Методы правозащитной деятельности также эво-

люционировали – от традиционной адвокатуры и судебной защиты до мониторинга, документирования, публичного освещения нарушений и использования новых информационных технологий.

На национальном уровне государства принимают законы, направленные на защиту прав человека, а также создают институты, занимающиеся контролем за соблюдением этих прав. К таким институтам могут относиться омбудсмены, национальные правозащитные комиссии и др.

Национальные правозащитные организации часто сотрудничают с международными организациями и используют международные механизмы защиты прав человека, такие как Европейский суд по правам человека и Межамериканская комиссия по правам человека.

Нетрудно заметить, что практически на протяжении всей истории становления и развития концепции прав человека, как и правозащитной деятельности – механизма их защиты, правозащитная деятельность выступала средством борьбы с государственным произволом. Лишь в середине XX в. тенденция несколько изменилась.

Сегодня правозащитная деятельность понимается как многогранная деятельность, направленная на защиту всего комплекса прав человека, включая гражданские, политические, экономические, социальные, культурные и экологические права.

Правозащитная деятельность включает в себя широкий спектр действий: мониторинг ситуации с правами человека, проведение исследований, информирование общественности, оказание юридической помощи пострадавшим, организацию общественных кампаний и митингов, ведение диалога с государственными органами и лоббирование изменений в законодательстве. НПО играют ключевую роль в правозащитной деятельности, поскольку они независимы от государства и могут действовать более свободно [3].

В XXI в. правозащитная деятельность продолжает развиваться, адаптируясь к новым вызовам. Одним из важных направлений становится защита прав человека в цифровом пространстве, включая борьбу с киберпреступностью и защиту конфиденциальности данных.

Также возрастает внимание к вопросам экологической безопасности и защиты прав коренных народов. В этой связи создаются новые международные инициативы и программы, направленные на решение этих проблем.

4. Современное понимание правозащитной деятельности

Несмотря на то, что деятельность, называемая «правозащитной», имеет, как было отмечено, длительную историю, точно установить дату введения понятия «правозащитная деятельность» в научный оборот по изученным источникам мы не смогли.

В отечественной науке выделяют две плоскости функционирования организованных форм правозащитной деятельности: фактическую [4] и юридическую [5]. Тем самым, эволюция правозащитного движения строится на двух составляющих: «на непризнании государством идеи правозащитной деятельности при помощи неправительственных институтов» и «на формальном закреплении в законах инструментов правозащитной деятельности относительно государственных институтов». Используя такую трактовку правозащитной деятельности, например, М. Н. Рязанова, приходит к выводу, что её развитие в СССР сопряжено с 1975 г., а именно с подписанием «Хельсинских соглашений» и учреждением Московской Хельсинской группы, признаваемой в статусе правозащитной организации. Примечательно при этом то обстоятельство, что свобода создания подобных форм правозащитной деятельности фактически была провозглашена гораздо позже. Это наглядно подтверждается тем фактом, что участники Хельсинской группы были подвергнуты определённым преследованиям [6].

К такому же выводу нас приводит и диалог двух правозащитников: А. Смирнова и А. Сунгурова – участников правозащитного движения 70–80-х гг. в СССР. Как утверждают авторы «термин “правозащитник” родился в России как самоназвание диссидентов ещё в 60–70-е годы, когда государство преследовало правозащитников, т. е. противостояло им. В таком контексте, например, А. Сахаров – правозащитник, а Генеральный прокурор СССР – нарушитель прав и свобод»⁶.

Вместе с тем легального определения понятия «правозащитная деятельность» и статуса «правозащитник» не существует ни в отечественном законодательстве, ни в международном.

Попытка изменить ситуацию была предпринята в процессе разработки Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы (далее – Декларация; Декларация ООН о правозащитниках)⁷. Однако в процессе её принятия от чётких определений отказались. Одна из причин, как отмечается в исследованиях, заключается в том, что трудно найти определение, которое охватывало бы всех лиц и виды такой деятельности. И действительно ли нужно это определение?

Правозащитники имеют те же права и те же обязанности, что и другие. Высказывалось опасение, что предложение о включении определения будет встречено ограничениями, направленными на ослабление Декларации. Дискуссии о названии продемонстрировали, что этот страх не был беспочвенным.

Декларация ООН о правозащитниках не является первым международным документом без определения субъектов этого документа. Составители Декларации ООН о правах меньшинств⁸ также были вынуждены отказаться от своих усилий по определению лиц, охватываемых этим документом, и по тем же причинам Декларация ООН о правах коренных народов⁹ тоже не содержит определения понятия «коренные народы».

Подход, использованный в Декларации, заключался в том, чтобы определить HR-защитников по их деятельности и подчеркнуть, что эта деятельность является тем, что хотят продвигать и защищать.

Хотя «защитник прав человека» обычно упоминается в связи с Декларацией ООН о правозащитниках, он не фигурирует ни в фактическом названии, ни в тексте Декларации.

Ранее, в 1986 г., докладчик Подкомиссии Эрика-Ирен Даес предложила альтернативное название Декларации – «Декларация о защите правозащитников». Однако Рабочая группа не последовала этой рекомендации и приняла решение о том, чтобы название «Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять

и защищать общепризнанные права человека и основные свободы» использовалось в качестве официального.

Принимая во внимание, что термин «правозащитники» использовался всеми во время переговоров регулярно и без противоречий, его отсутствие в Декларации ещё более примечательно.

Было очевидно, что страны, которые не хотели сильной Декларации, выступали за длинный и довольно непонятный титул, а также за избегание самого термина. Это, вероятно, использовалось в качестве средства понижения значимости Декларации.

Длинный и сложный язык текста расценивается как «наследие», когда в переговорах доминировали разногласия между западными государствами и так называемым восточным блоком. Не используя термин «правозащитники», Декларация избегает давать более конкретное определение. Права, перечисленные в Декларации, предоставляются каждому, независимо от их статуса или деятельности. Этот подход был также поддержан гражданским обществом, в том числе организацией «Международная амнистия»¹⁰.

Вместе с тем уже после принятия Конституции РФ в 1993 г. и по настоящее время наблюдается постепенное закрепление и признание, в том числе со стороны гражданского общества, правозащитной деятельности и за государственными структурами (ст. 2 Конституции РФ)¹¹. Отсюда и актуальность определения понятия «правозащитная деятельность» как совокупности действий, осуществляемых отдельными лицами, группами лиц, неправительственными организациями, а также государственными институтами, направленными на продвижение, защиту и соблюдение прав человека и основных свобод, гарантированных национальным и международным правом [1]. Такое понимание не могло не отразиться и на других видах юридической деятельности. В этой связи важно отличать понятие «правозащитная деятельность» от смежных понятий.

Очевидно, что правозащитная деятельность является разновидностью *деятельности юридической* [7], под которой мы будем понимать систему целенаправленных действий и операций, направленных на решение какой-либо правовой задачи [8, с. 7–8].

К смежному и наиболее близкому понятию, отсылающему к другому виду юридической деятельности, относится понятие «правоохранительная деятельность».

В отечественной науке *охрана права* – это совокупность осуществляемых государственными органами власти и общественными объединениями различных мер, направленных на предупреждение нарушений прав человека или устранение препятствий, не относящихся к противоправным деяниям, в процессе реализации прав и обязанностей¹².

Охрана права предстаёт как единство статики и динамики: наличия определённых мер воздействия и демонстрации готовности их применения. Это как бы предзащита права. Под защитой права следует понимать некий способ восстановления нарушенного права, осуществляемый в принудительном порядке. Таким образом, «охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются» [9, с. 130–131].

С учётом всего вышесказанного под правоохранительной деятельностью нужно понимать особый вид государственной или санкционированной государством юридической деятельности, осуществляющий охрану права, обеспечение законности и правопорядка, защиту прав с помощью предупреждения его нарушений, применения юридических мер воздействия при неуклонном соблюдении установленного порядка [10, с. 171].

Правозащитная деятельность, как правило, сосредоточена на контроле за деятельностью правоохранительных органов и обеспечении соблюдения прав человека при применении закона. Правоохранительная деятельность призвана поддерживать законность, а правозащитная деятельность следит за тем, чтобы соблюдались права человека. Правозащитная деятельность ориентирована на защиту и продвижение прав человека и основана на правовых принципах. Она стремится к системным изменениям и созданию механизмов защиты прав на постоянной основе.

Понятие «правозащитная деятельность» отличается также и от понятий «социальная защита», «благотворительность», «адвокатская деятельность», «гуманитарная деятель-

ность», «правовое просвещение», «юридическая помощь» и «общественная активность» рядом ключевых характеристик. Проведём общий обзор.

Социальная защита направлена на обеспечение минимального уровня благосостояния и социальных гарантий для уязвимых групп населения¹³. Правозащитная деятельность, в свою очередь, фокусируется на защите гражданских и политических прав, а также на противодействии дискриминации и несправедливости. Хотя социальная защита и правозащитная деятельность могут дополнять друг друга, они имеют различные цели и методы¹⁴.

Благотворительность, как правило, предполагает оказание бескорыстной помощи конкретным нуждающимся в виде материальной или финансовой поддержки (ст. 1 ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»¹⁵. Правозащитная деятельность, напротив, ориентирована на системные изменения, направленные на устранение причин нарушения прав человека. Благотворительность может быть важным дополнением к правозащитной деятельности, но не заменяет её¹⁶.

Адвокатская деятельность – это профессиональная деятельность юристов по защите прав и интересов своих клиентов в суде¹⁷. Правозащитная деятельность может включать в себя предоставление юридической помощи, но не ограничивается только этим. Адвокаты действуют в рамках судебного процесса, правозащитники же занимаются не только юридической защитой, но и общественным просвещением, лоббированием изменений законодательства и привлечением внимания к нарушениям прав человека.

Гуманитарная деятельность направлена на оказание помощи пострадавшим в результате природных катаклизмов, войн и других бедствий¹⁸ [11]. Правозащитная деятельность также нацелена на защиту прав человека, в том числе при возникновении таких чрезвычайных ситуаций, однако при этом она не ограничивается разовой помощью, но стремится к системным изменениям и привлечению к ответственности за нарушение прав.

Правовое просвещение – это распространение знаний о правах человека и право-

вой культуре. Правозащитная деятельность включает в себя правовое просвещение, но также подразумевает действия, направленные на защиту нарушенных прав, т. е. практическое применение знаний (ст. 18 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹⁹; ст. 3 Областного закона Ленинградской области «О правовом информировании и правовом просвещении граждан на территории Ленинградской области»²⁰) [12].

Правозащитники могут предоставлять *юридическую помощь*²¹ [13], но их главная цель заключается не столько в оказании индивидуальных услуг, сколько в изменении законодательства и практики его применения. Они стремятся защищать права широких слоёв населения, а не только отдельных лиц.

И наконец, правозащитная деятельность включает в себя элементы *общественной активности*, такие как проведение акций протеста, сбор подписей под петициями и лоббирование интересов определённых групп населения [14; 15]. Однако она отличается своей направленностью на защиту конкретных прав и свобод человека, а также использованием специальных методов и инструментов для достижения этой цели²².

5. Выводы

История развития правозащитной деятельности, как и история её понятия, показывает, что защита прав человека является результатом длительного исторического процесса – от древних философских и религиозных идей о естественных правах и достоинствах человека до современных международных стандартов и механизмов защиты прав, этот путь был долгим и тернистым.

Правозащитная деятельность играет ключевую роль в современном мире, выступая важнейшим механизмом контроля за соблюдением прав и свобод и оказывая значительное влияние на развитие демократии и правового государства.

Перспективы дальнейших исследований включают изучение влияния новых технологий на правозащитную деятельность, анализ эффективности существующих механизмов защиты прав человека и разработку новых подходов к решению актуальных проблем.

В будущем правозащитников ждут новые вызовы, связанные с глобализацией,

цифровизацией и экологическими кризисами. Однако благодаря своей приверженности к ценностям прав человека и справедливости они продолжают играть важнейшую роль в построении более справедливого и гуманного мира.

Данная работа смогла лишь отчасти затронуть огромный пласт проблем, связанных с правозащитной деятельностью, что оставляет возможность для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. М. А. Коростовцева, И. С. Кацнельсона, В. И. Кузишина. – М. : Высш. шк., 1980. – Ч. 1. – 328 с.

² История политических и правовых учений : хрестоматия / под ред. Т. Л. Курач. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 137 с.

³ Хрестоматия по истории древнего мира. Т. 3. Рим / под ред. В. В. Струве ; М-во просвещения РСФСР. – М. : Учпедгиз, 1953. – 280 с.

⁴ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. – М. : Юрид. лит., 1984. – 472 с.

⁵ Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. А. Сошникова, Н. В. Колотова. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – 313 с.

⁶ Защита прав человека и государство: можно ли говорить о государственных правозащитных структурах? («Государственная правозащита» или оперуполномоченный по правам человека). – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Smirnov_Sungurov.pdf (дата обращения: 11.03.2025).

⁷ Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы : (принята в г. Нью-Йорке 9 дек. 1998 г. Резолюцией 53/144 на 85-м пленарном заседании 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). – Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам в целях защиты и поощрения их прав : (принята Резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 дек. 1992 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁹ Декларация о правах коренных народов : (принята Резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сент. 2007 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁰ Wille P., Spannagel J. The history of the UN Declaration on Human Rights Defenders: its genesis, drafting and adoption / Research associate, global public policy institute – March 11, 2019. – URL: <https://www.universal-rights.org/the-un-declaration-on-human-rights-defenders-its-history-and-drafting-process/> (дата обращения: 11.03.2025).

¹¹ Конституция Российской Федерации : (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Тихонова Б. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – 22 с.

¹³ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 29 окт. 2024 г.) «О государственной социальной помощи». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Социальная защита // Экономический словарь. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/13858?ysclid=m81sufsmn3370350983 (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁵ Федеральный закон от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 28 дек. 2024 г.) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Благотворительность // Юридический словарь. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/13300?ysclid=m81svza76h910369710> (дата обращения: 11.03.2025).

¹⁷ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апр. 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 окт. 2024 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Указ Президента РФ от 20 марта 2006 г. № 233 (ред. от 18 июня 2020 г.) «О Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности» (вместе с «Положением о Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности»). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 8 авг. 2024 г.) «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Областной закон Ленинградской области от 15 июня 2020 г. № 67-оз (ред. от 23 дек. 2024 г.) «О правовом информировании и правовом просвещении граждан на территории Ленинградской области» : (принят Законодательным собранием Ленинградской области 27 мая 2020 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апр. 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» : (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 окт. 2024 г.) ; Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 25 дек. 2023 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» : (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 янв. 2024 г.). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² Бендицкая О. И. Правозащитная деятельность юридических ассоциаций (союзов) как объект теоретико-правового исследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – 31 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сацкевич Т. К. Понятие и формы осуществления правозащитной деятельности в Российской Федерации // Актуальные проблемы, технологии и инновации в образовании и науке : сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 27 февраля 2018 г.). – Волгоград : НИКО-ПРИНТ, 2018. – С. 154–159.
2. Этапы становления Международной организации Красного Креста / Л. А. Мезрина [и др.] // Медицинское образование сегодня. – 2023. – № 3. – С. 29–34.
3. Прокопович Г. А. О необходимости построения модели правозащитной деятельности в Российской Федерации // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2015. – № 2. – С. 24–26.
4. Свиридова М. В. Правозащитная деятельность: концептуальные основы, специфика и институциональное обеспечение // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 3-6. – С. 112–115.
5. Майоров В. И. Легальная правозащитная деятельность негосударственных организаций по защите прав человека // Правовое государство: теория и практика. – 2006. – № 4. – С. 5–8.
6. Рязанова М. Н. Понятие правозащитного движения в России: историко-правовой анализ // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 189–192.
7. Прокопович Г. А. Правозащитная деятельность как относительно самостоятельная разновидность юридической деятельности // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 1. – С. 31–34.

8. *Беляев В. П.* Юридическая деятельность: признаки, субъекты, функции // *Право и образование.* – 2004. – № 6. – С. 5–26.
9. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 294 с.
10. *Шагиева Р. В., Шагиев Б. В.* Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования // *Евразийский юридический журнал.* – 2014. – № 2. – С. 166–171.
11. *Борисов А. В.* Гуманитарная деятельность: подходы и проблемы // *Дипломатическая служба.* – 2018. – № 4. – С. 66–72.
12. *Андреева Е. Е.* Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // *Педагогическое образование в России.* – 2016. – № 1. – С. 75–81. – DOI: 10.26170/po16-01-13.
13. *Мамиев А. Г., Цаликова М. Б.* Юридическая помощь и оказание юридических услуг: соотношение понятий // *Вопросы российского и международного права.* – 2022. – Т. 12, № 9-1. – С. 222–229. – DOI: 10.34670/AR.2022.54.87.029.
14. *Буханько И. С., Гонохова Т. А., Кыпчакова Л. В.* Общественная активность личности как форма участия в общественных отношениях // *Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества : сб. науч. тр. (Горно-Алтайск, 15 декабря 2016 г.).* – Горно-Алтайск : Горно-Алт. гос. ун-т, 2017. – С. 354–359.
15. *Кулакова С. В.* Основные направления, формы и методы воспитательной работы с работниками и курсантами образовательных организаций уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // *Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.* – 2024. – № 4. – С. 26–30. – DOI: 10.18572/2072-4438-2024-4-26-30.

Информация об авторах

Евстратов Александр Эдуардович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия,
Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: EvstratovAE@omsu.ru

SPIN-код: 1295-0330; AuthorID: 317077

WoS Researcher ID: HKW-3800-2023

ORCID: 0009-0006-1926-1771

Жармухамбетова Салтанат Сеитовна – аспирант кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия,
Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: 89507974757@mail.ru

Информация о статье

Дата поступления – 14 марта 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Евстратов А. Э., Жармухамбетова С. С. История становления понятия «правозащитная деятельность» (постановка проблемы) // *Вестник Омского университета. Серия «Право».* 2025. Т. 22, № 3. С. 16–26. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).16-26.

HISTORY OF THE FORMATION OF THE CONCEPT OF "HUMAN RIGHTS ACTIVITY" (PROBLEM STATEMENT)

A.E. Evstratov, S.S. Zharmukhambetova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. In the modern world, human rights are one of the core values. And the issues of their protection are becoming more and more important in the context of globalization, development of information technologies and increasing influence of civil society. At the same time, the concept of "human rights activity" remains insufficiently studied, especially in the context of its historical formation and difference from other forms of legal activity. **Purpose.** The purpose of the work is to study the history of the formation of the concept of "human rights activity", to analyse the main stages of its development, to identify the distinctive features of this type of activity from other forms of civic activity, as well as to consider the current challenges and prospects for further development of the human rights movement. **Methods.** During the research the following methods were used: comparative-legal, formal-logical, historical methods and method of legal hermeneutics, analysis and synthesis. **Results.** The main stages of development of the concept of human rights and human rights activities are outlined and analysed. The concept of "human rights activity" and its components are examined, and related phenomena and concepts (law enforcement, charity, etc.) are analysed. **Conclusions.** The study has shown that "human rights activity" has undergone a long way of formation, starting from ancient times and ending with modern international initiatives. The main stages of this path include the formation of the concept of human rights, the formation of the very concept of "human rights protection", the creation of international and national human rights organisations, as well as adaptation to new challenges of modernity. Further research on the topic could include in-depth analyses of current trends in the development of human rights activities, especially in the context of digital technologies and ecology. It is also of interest to study the influence of cultural and religious factors on the perception of human rights in different regions of the world.

Keywords: human rights and freedoms; protection and defence; human rights activities; law enforcement; charity, digitalisation; state; society.

REFERENCES

1. Satskevich T.K. Concept and forms of implementation of human rights activities in the Russian Federation, in: *Actual problems, technologies and innovations in education and science*, collection of scientific articles based on the results of the International scientific and practical conference (Volgograd, 27 February 2018). Volgograd, Niko-Print Publ., 2018. pp. 154-159. (In Russ.).
2. Mezrina L.A. Stages of formation of the International Red Cross Organization. *Meditinskoe obrazovanie segodnya = Medical education today*, 2023, no. 3, pp. 29-34. (In Russ.).
3. Prokopovich G.A. On the necessity of building the model of human rights activities in the Russian Federation. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom = Civil Society in Russia and Abroad*, 2015, no. 2, pp. 24-26. (In Russ.).
4. Sviridova M.V. Human rights activities: conceptual framework, specifics and institutional support. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii = Current trends in the development of science and technology*, 2016, no. 3-6, pp. 112-115. (In Russ.).
5. Mayorov V.I. Legal human rights activities of non-governmental organisations for the protection of human rights. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = State of Law: Theory and Practice*, 2006, no. 4, pp. 5-8. (In Russ.).
6. Ryazanova M.N. The concept of the human rights movement in Russia: historical and legal analysis. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2017, no. 4, pp. 189-192. (In Russ.).
7. Prokopovich G.A. Human rights activity as rather independent kind of legal activity. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*, 2016, no. 1, pp. 31-34. (In Russ.).
8. Beliaev V.P. Legal activity: attributes, subjects, functions. *Pravo i obrazovanie = Law and Education*, 2004, no. 6, pp. 5-26. (In Russ.).
9. Matuzov N.I. *Legal system and personality*. Saratov, Saratov State University Publishing House, 1987. 294 p. (In Russ.).
10. Shagiyeva R.V., Shagiyev B.V. Law enforcement activity as a kind of legal activity: problems of theoretical justification. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2014, no. 2, pp. 166-171. (In Russ.).
11. Borisov A.V. Humanitarian activity: approaches and problems. *Diplomaticheskaya sluzhba = Diplomatic service*, 2018, no. 4, pp. 66-72. (In Russ.).
12. Andreeva E.E., Morozov G.B. On effective forms of legal education of citizens of the Russian Federation. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2016, no. 1, pp. 75-81. DOI: 10.26170/po16-01-13. (In Russ.).

13. Mamiev A.G., Tsalikova M.B. Legal assistance and provision of legal services: correlation of concepts. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, vol. 12, no. 9-1, pp. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2022.54.87.029. (In Russ.).
14. Bukhan'ko I.S., Gonohova T.A., Kypchakova L.V. Social activity of the individual as a form of participation in public relations, in: *Value orientations of young people in the modernisation of contemporary society*, proceedings of scientific conference (Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk State University, 15 December 2016). Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk State University Publ., 2017, pp. 354-359. (In Russ.).
15. Kulakova S.V. The main areas, forms and methods of the educational work with employees and cadets of educational institutions of the penal system of the Russian Federation. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: law, economy, management*, 2024, no. 4, pp. 26-30. DOI: 10.18572/2072-4438-2024-4-26-30. (In Russ.).

About the authors

Evstratov Aleksander – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099, Russia

E-mail: EvstratovAE@omsu.ru

SPIN-code: 1295-0330; AuthorID: 317077

WoS Researcher ID: HKW-3800-2023

ORCID: 0009-0006-1926-1771

Zharmukhambetova Saltanat – postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099, Russia

E-mail: 89507974757@mail.ru

Article info

Received – March 14, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Evstratov A.E., Zharmukhambetova S.S. History of the Formation of the Concept of "Human Rights Activity" (Problem Statement). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 16-26. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).16-26. (In Russ.).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЖУРСТВ ГРАЖДАНСКИХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И. В. Аленина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Привлечение служащего к дежурству выступает необходимым средством, обеспечивающим непрерывное и устойчивое публичное управление. Одновременно оно оказывает значительное влияние на правовое положение служащего как трудящегося. **Цель.** Цель работы – определение направлений совершенствования правового регулирования дежурств гражданских и муниципальных служащих как особой формы организации их рабочего времени. **Методология.** В ходе исследования были применены методы анализа, синтеза, формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический. **Результаты.** В настоящий момент в законодательстве отсутствуют нормы, закрепляющие понятие и порядок организации дежурств на гражданской и муниципальной службе. Имеющееся правовое регулирование является подзаконным и носит несистемный характер. Дальнейшее совершенствование правовой регламентации дежурств должно строиться в рамках общей правовой модели для гражданской и муниципальной службы на основе признания соответствующих служащих субъектами трудового права, с соблюдением требований к организации профессиональной деятельности, прав и гарантий лиц наёмного труда. С учётом задач, возлагаемых на дежурных по оперативному управлению организацией в периоды, когда её главные административные органы не функционируют, такое дежурство правильнее именовать «оперативным дежурством». Обязанности по осуществлению оперативного дежурства, а также связанные с ним особенности организации труда должны отражаться в локальных актах государственного (муниципального) органа и служебных контрактах (трудовых договорах) служащих. Законодателю следует закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации, в разделе «Рабочее время», универсальное правило учёта рабочего времени при осуществлении дежурств «на дому», т. е. вне места нахождения работодателя. Время дежурства на дому предлагается приравнивать к половине отработанного времени. Данное правило следует распространять также на гражданских и муниципальных служащих. **Заключение.** Проведённый анализ и сформулированные предложения могут быть учтены в ходе совершенствования трудового законодательства, правового регулирования государственной гражданской и муниципальной службы.

Ключевые слова: дежурство; рабочее (служебное) время; трудовая функция; дежурство на дому; государственный служащий; муниципальный служащий.

1. Введение

Одним из средств, обеспечивающих устойчивость и непрерывность публичного управления, выступает организуемое в государственных и муниципальных органах «ответственное» дежурство.

На дежурных возлагаются задачи оперативного управления в периоды, когда главные административные органы организации не функционируют (в нерабочие праздничные или выходные дни, ночное

время). «Ответственные» дежурства могут применяться для усиления тактического управления и в иных особых обстоятельствах – чрезвычайных ситуациях, при проведении массовых, общественно значимых мероприятий и т. п. Отличительной особенностью таких дежурств является то, что они не связаны с исполнением служащим своих непосредственных профессиональных обязанностей в рамках имеющейся у него квалификации.

Своеобразие данной формы организации труда требует разрешения нескольких значимых вопросов: о самой возможности привлечения служащих к дежурствам, об определении содержания трудовой функции дежурных, о порядке исчисления и учёта рабочего времени, о гарантиях в связи с привлечением к дежурствам.

2. Методология

В ходе исследования были применены методы анализа, синтеза, формально-логический, сравнительно-правовой, технико-юридический.

3. Состояние нормативного регулирования и степень научной разработанности темы

В юридической науке вопросы правового регулирования дежурств государственных и муниципальных служащих, равно как и иных наёмных работников, практически не подвергались исследованию.

До 2021 г. вопросы организации «ответственных» дежурств были предметом правового регулирования Постановления Секретариата Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов от 2 апреля 1954 г. № 233 «О дежурствах на предприятиях и в учреждениях». Названный акт был принят более полувека назад органом профессионального негосударственного объединения. Несмотря на это, он являлся единственным общим источником, регулирующим исследуемый вид правоотношений, и содержал значимые для защиты трудовых прав работников положения: о целях «ответственного» дежурства, о периодичности, о необходимости компенсации переработанного в ходе дежурства рабочего времени, об обязанности предоставления времени отдыха по завершении дежурства, об ограничении применения дежурств для отдельных категорий работников и др.

В Трудовом кодексе Российской Федерации (далее также – ТК РФ) на сегодня отсутствуют как само понятие дежурства, так и порядок привлечения к нему. Единичное упоминание дежурства в основном законе о труде касается лишь порядка учёта рабочего времени при дежурствах на дому медицинского персонала (ст. 350 ТК РФ). Применительно к служебной деятельности правила привлечения к дежурствам установлены

только для профессиональных спасателей аварийно-спасательных служб¹, дежурства гражданских и муниципальных служащих специальным образом на уровне закона не регламентируются. Восполняющее пробелы правовой регламентации ведомственное, региональное, местное или локальное правовое регулирование дежурств в государственных и муниципальных органах, к сожалению, не отличается единообразием, полнотой и системностью.

Отсутствие законодательного регулирования дежурств служащих ставит под сомнение саму возможность использования такой формы организации труда: существует точка зрения, согласно которой привлечение к дежурствам допустимо лишь в случаях, прямо предусмотренных законодательством².

С нашей точки зрения, отсутствие прямого законодательного установления дежурства сегодня не исключает его применения, однако требует более тщательной проработки касающихся его положений с соблюдением базовых принципов правового регулирования труда.

Создание выверенной правовой модели регулирования дежурств гражданских и муниципальных служащих предполагает разрешение вопросов не только частноправового, но и концептуального свойства: о сущности служебной деятельности, о корреляции публичного и частного в процессе её правовой регламентации, о соотношении понятий рабочего и служебного времени и др.

Не ставя перед собой задачу разрешения всех концептуально значимых вопросов в рамках данного исследования, обозначим позицию лишь по главному из них.

Правила организации дежурств, как и правовой регламентации служебной деятельности в целом, во многом зависят от понимания законодателем её сущности: публичная служба может рассматриваться как механизм реализации публичных интересов на основе идеи служения или же как наёмный менеджмент (см., например: [1; 2; 3 с. 4–5]).

Анализ существующих норм о дежурствах гражданских и муниципальных служащих свидетельствует о том, что в основе правового регулирования этого вида правоотношений, сформированного на региональном и местном уровнях, доминирует идея служе-

ния. В большинстве подзаконных нормативных актов, и в значительно большей степени в актах муниципальных органов, обязательность дежурств, как и любая иная готовность к незамедлительному выполнению возложенных функций, презюмируется. Дежурство рассматривается как безусловная и, часто, не компенсируемая специальным образом обязанность служащего. Более половины исследованных локальных нормативных актов, регулирующих дежурства в муниципальных органах, ограничиваются утверждением соответствующих графиков без установления правил привлечения, осуществления и компенсации дежурств.

Иное понимание гражданской и муниципальной службы основывается на признании служащего трудящимся, нанятым для выполнения за вознаграждение функций, возложенных на государственные или муниципальные органы, и, соответственно, обладающим правами и гарантиями наёмного работника, включая право на отдых, ограничение продолжительности рабочего времени, запрещение принудительного труда (ст. 37 Конституции РФ).

Следует помнить, что сегодня регламентация гражданской и муниципальной службы осуществляется с применением принципиально разных правовых механизмов. Муниципальные служащие остаются субъектами трудового права, в то время как для регулирования профессиональной деятельности государственных гражданских служащих законодатель пытается выстроить административно-правовую модель регулирования. На взаимосвязь и сходство гражданской и муниципальной службы многократно обращалось внимание в научной литературе (см., например: [4; 5, с. 39] и др.). Очевидно, что дальнейшая унификация муниципальной и гражданской служебной деятельности должна осуществляться в рамках общего правового режима.

Не вдаваясь в дискуссию об отраслевой принадлежности служебных правоотношений с участием государственных служащих, отметим лишь, что автор придерживается точки зрения о необходимости дифференциации служебных правоотношений в зависимости от вида службы с отнесением отношений по прохождению гражданской и муниципальной службы к сфере действия от-

расли трудового права. В этом случае дежурство должно быть органично вписано в существующие конструкции трудового права и отвечать принципам специальной охраны прав лиц наёмного труда. Так, дежурство должно соотноситься с трудовой функцией служащего, находиться в пределах установленной продолжительности рабочего (служебного) времени, организовываться с соблюдением запретов и ограничений для привлечения к сверхурочной работе, работе в выходные и нерабочие праздничные дни.

4. Функции дежурных и их правовое опосредование

Лишь незначительное число профессий предполагает осуществление ситуативного оперативно-тактического управления в качестве составляющей трудовой функции работника. Как правило, обязанности дежурных находятся за пределами основного направления профессиональной деятельности служащих. Это вызывает необходимость их формализации в составе трудовых (служебных) обязанностей в рамках должностной инструкции (должностного регламента) или трудового договора (служебного контракта). Иначе действия нанимателя вступят в противоречие с положениями ч. 2 ст. 37 Конституции РФ, ст. 60 ТК РФ, запрещающей возлагать на работника выполнение работы, на которую он добровольно не согласился. Установленная таким образом обязанность по несению дежурства, в свою очередь, требует её последующей конкретизации – определения прав и обязанностей дежурных, пределов их полномочий.

Цели осуществления дежурства, определённые в имеющихся актах государственных и муниципальных органов, свидетельствуют о том, что оно, по сути, представляет собой некое квазиуправление организацией в периоды, когда её статутные органы управления не функционируют. Например, на дежурных в выходные и нерабочие праздничные дни возлагаются обязанности по «оперативному решению вопросов, касающихся жизнеобеспечения населения и контроля за ситуацией в подведомственных учреждениях (организациях)», «оперативному реагированию на непредвиденные экстремальные ситуации», «принятию соответствующих мер при осложнении общественно-политической

обстановки», «оперативному решению вопросов по обеспечению комплексной безопасности». Вместе с тем, с учётом уровня профессиональной компетентности лиц, привлекаемых к дежурствам, объёма находящихся в их распоряжении ресурсов, степени их информированности, дежурный не может рассматриваться как полноценная альтернатива управляющему. Думается, что при определении задач дежурного необходимо делать акцент на информационных и координирующих действиях. Рамочный объём полномочий дежурных в государственных и муниципальных органах мог бы найти своё отражение в рекомендательных актах Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. При этом, принимая во внимание основную цель таких дежурств и характер вменяемых дежурным функций, наиболее точным представляется термин не «ответственное», а «оперативное» дежурство.

5. Дежурство как особая форма организации рабочего (служебного) времени

Дежурства представляют собой специфическую форму организации рабочего (служебного) времени. Время, затрачиваемое на них, должно включаться в норму рабочего (служебного) времени при его планировании на месяц. Иначе компенсацию переработок служащего необходимо производить по правилам компенсации сверхурочной работы, работы в выходные или нерабочие праздничные дни (ст. 152, 153 ТК РФ).

Ошибочным будет считать, что переработки в период дежурства могут быть «поглощены» режимом ненормированного рабочего дня, активно используемым при организации служебной деятельности. Во-первых, препятствием для такой экспансии являются существенные различия: режим ненормированного рабочего (служебного) дня создаёт алгоритмы действий в условиях неопределённости, дежурство, напротив, выступает инструментом, предотвращающим неопределённость, в том числе посредством установления чётких временных границ исполнения работником возложенных на него обязанностей. Во-вторых, работа в выходной или нерабочий праздничный день с формально-юридической точки зрения не является разновидностью сверхурочной работы, модификацией которой выступает ненормированный рабочий день,

для её регламентации установлены обособленные правила правового регулирования.

Привлечение служащего к дежурству, как правило, предполагает отклонение от установленного для него общего режима труда: продолжительность дежурства в большинстве своём не равна закреплённой в трудовом договоре (служебном контракте) продолжительности рабочего дня, дежурства осуществляются в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, нередко – вне места нахождения работодателя (нанимателя). Ввиду этого в трудовом договоре (служебном контракте) необходимо специальным образом отражать порядок организации рабочего времени в период дежурства. Иначе работодатель может столкнуться со сложностями, обусловленными отказом служащего от выполнения работы в периоды времени, не оговорённые в трудовом договоре (служебном контракте).

Защите прав служащего способствовало бы введение в законодательство универсальных правил учёта и оплаты времени дежурства вне места нахождения работодателя, так называемого дежурства «на дому». Отсутствие единых общих правил учёта рабочего времени при дежурствах «на дому» вынуждает правоприменителя при установлении продолжительности рабочего (служебного) времени дежурных использовать по аналогии фрагментарные нормы о дежурствах специальных категорий работников³. И без того непростая ситуация отягощается неидентичностью таких правил. Применительно к одним категориям работников включение дежурств «на дому» в состав рабочего времени осуществляется в соотношении: одна четвёртая часа за каждый час дежурства⁴. Современная позиция законодателя характеризуется большей лояльностью по отношению к трудящемуся и предполагает время пребывания работника дома в ожидании вызова на работу приравнять к половине отработанного времени (ч. 5, 6 ст. 350 ТК РФ). Такое положение вещей дезориентирует правоприменителя. Полагаем целесообразным закрепить в ТК РФ универсальное правило, отождествляющее время дежурства «на дому» с половиной фактически отработанного времени, применимое также к гражданским и муниципальным служащим. В кодексе глава, посвящённая режимам рабочего времени, может

быть дополнена статьёй «Дежурства на дому», отражающей вышеназванные правила.

6. Заключение

Таким образом, «ответственное» или, более точно, «оперативное» дежурство представляет собой специфическую форму организации труда со своеобразной трудовой функцией. Применение таких дежурств на гражданской и муниципальной службе – объективная необходимость, его значение в современных условиях лишь возрастает. Это требует легализации названной формы организации труда в трудовом и служебном законодательстве. Правовое регулирование дежурств должно строиться на основе единых подходов в отношении гражданской и муниципальной службы, обеспечивать соблюдение базовых принципов регулирования несамостоятельного труда. Регламентация дежурств служащих должна обрести системный характер с перемещением центра тяжести с местного или локального на федеральный уровень правового регулирования. Всё это будет способствовать повышению эффективности публичного управления, обеспечению прав и законных интересов участников служебно-трудовых правоотношений, стабилизации правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атаманчук Г. В.* Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика. – М. : Изд-во РАГС, 2002. – 272 с.
2. *Гришкова А. А.* Государственная служба и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия (практика России) // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 26–28.
3. *Dowding K.* The civil service. – London : Routledge, 1995. – 202 с.
4. *Киреева Е. Ю.* Проблемы реализации принципа взаимосвязи государственной и муниципальной службы // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 3. – С. 38–40.
5. *Пресняков М. В., Чаннов С. Е.* Административно-правовое регулирование служебных отношений: теория и практика : [моногр.] / М. В. Пресняков, С. Е. Чаннов ; под ред. Г. Н. Комковой. – Саратов : Науч. кн., 2008. – 411 с.

Информация об авторе

Аленина Ирина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и социального права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия, Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: alenina.omgu@mail.ru

SPIN-код: 4932-2885; AuthorID: 1136793

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 22 авг. 1995 г. № 151-ФЗ (ред. от 14 июля 2022 г.) «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См., например, письмо Роструда от 17 апреля 2008 г. № 911-6-1 «Об особенностях регулирования труда работников, осуществляющих дежурства на дому, в случае привлечения их к работе в выходные и нерабочие праздничные дни». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См., например: Решение Гатчинского городского суда Ленинградской области от 10 нояб. 2023 г. по делу № 2-3597/2023 ; Решение Смирновского районного суда Сахалинской области от 20 сент. 2023 г. по делу № 2-95/2023. – Доступ из базы «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

⁴ См., например: Федеральный закон от 22 авг. 1995 г. № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» : (с изменениями на 14 июля 2022 г.) (часть 3 статьи 28) ; Приказ Минтранса РФ от 21 нояб. 2005 г. № 139 (в ред. от 17 сент. 2010 г.) «Об утверждении Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей воздушных судов гражданской авиации Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Информация о статье

Дата поступления – 10 ноября 2024 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Аленина И. В. Правовое регулирование дежурств гражданских и муниципальных служащих в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 27–32. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).27-32.

LEGAL REGULATION OF DUTY OF CIVIL AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE RUSSIAN FEDERATION

I.V. Alenina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. Duty is a necessary means of ensuring continuous and sustainable public administration. Duty is part of the legal status of an employee of a state or municipal organization. **Purpose.** The objective of the work is to improve the legal regulation of duty in the civil and municipal service. **Methodology.** The author used the methods of dialectics, analysis, synthesis, formal-logical, comparative-legal, system-structural, technical-legal. **Results.** At present, there are no provisions on duty in the legislation. Improvement of legal regulation of duty should be uniform for civil and municipal service based on recognition of employees as subjects of labor law. At the same time, the rights and guarantees for employees as hired workers should be observed. Duty officers should carry out tactical operational management of the organization on weekends and holidays. Therefore, the term "operational" should be used for duty. Duties of duty officers, features of working hours should be fixed in local acts and labor contracts. It is necessary to include in the main labor law a provision on calculating the time of duty that does not occur at work. It is proposed to equate the time of duty at home to half the time worked. **Conclusion.** The analysis and proposals can be taken into account by the legislator when improving labor law standards.

Keywords: duty; working time; work function; home duty; government employee; municipal employee.

REFERENCES

1. Atamanchuk G.V. *The essence of the civil service: history, theory, law, practice*. Moscow, RAGS Publ., 2002. 272 p. (In Russ.).
 2. Grishkovets A.A. Civil service and civil society: legal problems of interaction (practice of Russia). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2004, no. 4, pp. 26-28. (In Russ.).
 3. Dowding K. *The civil service*. London, Routledge, 1995. 202 p.
 4. Kireeva E.Yu. Problems of implementing the principle of the relationship between the state and municipal service. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2008, no. 3, pp. 38-40. (In Russ.).
 5. Presnyakov M.V., Channov S.E.; Komkova G.N. (ed.). *Administrative and legal regulation of service relations: theory and practice*. Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008. 411 p. (In Russ.).
-

About the author

Alenina Irina – PhD in Law, Associate Professor at the Department of Labour and Social Law
Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099, Russia
E-mail: alenina.omgu@mail.ru
SPIN-code: 4932-2885; AuthorID: 1136793

Article info

Received – November 10, 2024
Accepted – July 3, 2025

For citation

Alenina I.V. Legal Regulation of Duty of Civil and Municipal Employees in the Russian Federation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 27-32. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).27-32. (In Russ.).

УДК 342.34

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).33-42

КОНЦЕПЦИЯ ПАРТИСИПАТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ: ЗА И ПРОТИВ

Н. А. Шавеко

Удмуртский филиал Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Ижевск, Россия

Введение. В конце 1960-х гг. в западной политико-правовой мысли зародилась так называемая теория демократии участия (партиципаторной демократии), а в 1970-е гг. она получила особое распространение. **Цель.** В статье осуществляется всесторонний анализ указанной теории: кратко формулируется её суть, а далее рассматривается, в каких исторических и интеллектуальных условиях она возникла и развивалась и каковы её основные достоинства и недостатки. **Методология.** С этой целью используются методы исторического, сравнительного и нормативного анализа. **Результаты.** Отмечено, что теория демократии участия возникла как реакция на господствовавший в послевоенной западной науке демократический элитизм, однако не вытеснила его полностью, так что сегодня имеются известные представители и демократического элитизма, и демократии участия, и появившихся позднее теорий. Осуществлена критика теории демократии участия с точки зрения двух её базовых ценностей: политического равенства и политического участия. Показаны как относительность этих ценностей, так и сомнительность их взаимосвязи, а также продемонстрировано, что обе эти ценности далеко не всегда способствуют достижению желаемых результатов. Среди положительных черт демократии участия назван её акцент на массовом политическом участии как на действенном средстве установления реального влияния населения на политические процессы. Кроме того, утверждается, что демократия участия отстаивает продуктивный взгляд на традиционные либеральные ценности свободы и равенства как на средства обеспечения каждому индивиду возможностей для самоактуализации. Положительно оценивается акцент сторонников демократии участия на необходимости преодоления экономического неравенства и повышения доступности образования, а также взгляд партиципаторных демократов на избирателей не как на эгоистов, а как на ответственных граждан. **Заключение.** Делается общий вывод, что на сегодняшний день демократия участия имеет лишь ограниченную нормативную привлекательность, а степень её применимости сильно зависит от конкретных эмпирических условий.

Ключевые слова: демократия участия; демократическая теория; политическое участие; политическое равенство; децентрализация.

1. Введение

Настоящая статья посвящена одной из нормативных теорий демократии – так называемой демократии участия (партиципаторной демократии), появившейся в западной политической философии в конце 1960-х гг. и получившей особое распространение в 1970-е гг. (К. Кук и П. Морган, П. Бахрах, Д. Крамер, К. Пейтмен, К. Макферсон и др.). В тех или иных вариациях эта модель демократии развивалась также в 1980-е гг. (например, концепция «сильной демократии» Б. Барбера) и в 1990-е гг. (например, концепции «ассоциативной демократии» П. Хёрста, а также Дж. Коэна и Дж. Роджерса, концепция «инклюзивной демократии» Т. Фотопулоса, собственная концепция И. Маус и др.)

и до сих пор не канула в лету, являясь предметом монографических исследований [1; 2] и многочисленных научных статей, что демонстрирует актуальность детального анализа указанной теории. В настоящей статье сначала кратко формулируется суть данной теории, далее рассматривается, в каких исторических и интеллектуальных условиях она возникла и развивалась, а также каковы её основные достоинства и недостатки. Основным тезисом, который будет отстаиваться в рамках настоящей статьи, является утверждение, что, несмотря на свою актуальность, демократия участия имеет лишь ограниченную нормативную привлекательность, а степень её применимости сильно зависит от конкретных эмпирических условий.

2. Сущность демократии участия, её зарождение и развитие

В первые два десятилетия после окончания Второй мировой войны в западной науке господствовало нормативное представление, которое американский политолог П. Бахрах назвал демократическим элитизмом [3]. Согласно этому представлению, черпающему вдохновение в трудах М. Вебера и Й. Шумпетера, обычный гражданин не обладает достаточными способностями и возможностями для самостоятельного принятия политических решений, однако способен сделать осознанный выбор в пользу того или иного представителя, в свою очередь выборность представителей обеспечивает если не правление в интересах народа, то по крайней мере защиту от явно антинародной тирании. Отсюда, представительная модель правления, в которой роль граждан сводилась лишь к избранию представителей, считалась нормативно обоснованной и притом демократичной. Непосредственное же влияние народа на проводимую политику считалось нежелательным ввиду опасностей «массовизации политики», чему способствовал не только институт представительства, но и механизм разделения властей, закрепление прав человека, интеграционные международные процессы и т. д. [4, с. 208–249]. В этих взглядах демократических элитистов было как минимум два слабых звена: во-первых, не ясно, почему народ следует считать неспособным к непосредственному правлению, но при этом способным к выбору правителей; во-вторых, сомнительно, что ограничение политического участия народа функцией контроля за элитой является надёжной гарантией защиты интересов избирателей и/или недопущения тирании. При таких обстоятельствах актуальным стал вопрос о переосмыслении масштабов и способов участия граждан в политике, и именно этот вопрос подняли теоретики так называемой партисипаторной демократии.

Партисипаторную демократию сами её сторонники определяют как такую модель демократии, при которой принятие политических решений осуществляется при широкомасштабном и, как правило, прямом участии простых граждан, децентрализованно и рассредоточено [5, р. 4]. Но это определение не учитывает все особенности демократии

участия, отличающие её от разнообразных версий теории демократического элитизма. Так, общими характеристиками для всех сторонников демократии участия являются следующие: представление о том, что демократическое участие ценно само по себе (поскольку играет существенную роль в полноценном развитии личности), а не только для достижения конкретных социальных результатов (что наиболее сильно выражено в работах [6] и [7]); акцент на ценности реального политического равенства граждан, так как именно политическое неравенство является главным препятствием, мешающим народным массам определять политику государства (что особенно акцентируется в трудах [8] и [9]); ориентация скорее на сплочённость (выработку гражданских добродетелей и достижение общего блага), чем на конфликт интересов. Кроме того, партисипаторным демократам свойственно более широкое понимание политики, чем у демократических элитистов, и отсутствие чёткого разделения гражданского общества и государства [10, р. 127].

Теория партисипаторной демократии возникла под влиянием течения «новых левых» (1960-е гг.), заимствовав у него неприятие западного общества потребления, сочетающегося с политическим отчуждением, а также стремление защищать меньшинства, умеренное внимание к марксизму, анархизму и политико-экономической системе социалистических стран. Возникновение демократии участия связано и с событиями 1968 г., которые показывали необходимость реформирования властных отношений. Прежний социальный консенсус, на котором держалась теория и практика демократического элитизма, стал невозможен. Массовые протесты были вызваны ненавистью к существующим политическим институтам и бюрократии, а также к деполитизации через медиа и создание «общества потребления» [4, с. 282–312]. Как писал Г. Маркузе, «демократия в этом случае является наиболее эффективной формой господства» [11, с. 69]. Впрочем, истоки демократии участия можно найти ещё у Х. Аренд, стремившейся дополнить процедуры и институты либерального правового государства и представительной демократии формами непосредственного политического участия через институты гражданского об-

щества, которые только и защищают от массового общества и базирующегося на нём тоталитаризма [12].

Одновременно стоит заметить, что в теории и демократический элитизм, и демократия участия совместимы с различными политическими идеологиями. Действительно, отношение к выборам (представительству) и прямой демократии не коррелирует напрямую с отношением к свободному рынку, государству всеобщего благоденствия или социализму, а также к степени государственного вмешательства в жизнь общества.

Не следует также представлять себе процесс развития западной политической теории как переход к 1970-м гг. от доминирования демократического элитизма к доминированию демократии участия. Так, уже к середине 1970-х гг. кризис государства всеобщего благоденствия привёл к росту популярности «новых правых», представители которых также предложили собственный взгляд на демократию, сводящийся к тому, что кризис легитимности необходимо преодолеть не расширением народного участия, а уменьшением объёма полномочий государства [13].

Одновременно и в стане «левых», по результатам некоторой рефлексии над государством всеобщего благоденствия, возникли предложения уменьшить роль государства и сделать ставку на свободные ассоциации и местные общины (появившиеся в 1990-е гг. версии «ассоциативной демократии» Дж. Коэна и Дж. Роджерса [14], а также П. Хёрста [15], равно как и «инклюзивную демократию» Т. Фотопулоса [16] и «либертарный коммунизм» М. Букчина [17], можно рассматривать в качестве примеров). Начиная же с 1980-х гг. постсоциалистическая критика рыночного общества воплотилась в неореспубликанизм, которого придерживались многие сторонники демократии участия [18]. Таким образом, прежние линии разграничения правых и левых идеологий претерпели изменения. Теперь само по себе отношение к степени вмешательства государства в экономику не определяло принадлежность к правому или левому политическому флагу. Однако если определять левые политические силы как отталкивающиеся от коллективизма и стремления к общему благу («гражданст-

венность»), при этом особо ценящие равенство возможностей и отсутствие дискриминации (включая вовлечение в политический процесс рабочих, женщин, а также маргинализированных меньшинств), а правые политические силы как отталкивающиеся от индивидуализма, при этом ставящие свободу выше равенства, то партисипаторных демократов можно считать в целом левыми. С учётом этого Ф. Хайек противостоит партисипаторным демократам не только как мыслитель, не подчёркивающий роль прямой демократии (а потому относящийся к демократическим элитистам), но и как мыслитель правых взглядов.

Необходимо также иметь в виду, что в послевоенной Европе существовал ряд последователей К. Шмитта (Э. Форстхофф, Х. Шельски и др.), которые, в отличие от Х. Арндта, вину за приход нацистов к власти и за коммунистическую угрозу возлагали как раз на чрезмерную политизацию народных масс, а потому скептически относились не только к прямой демократии, но и к парламентаризму [19, с. 182–183]. Таким образом, помимо тех ответов на кризис «демократического элитизма», которые дали «новые левые» и «новые правые», существовало и во многом недемократическое течение, которое в литературе обозначается как «технократический консерватизм» [20, S. 270–273].

Как и сторонники демократического элитизма, опиравшиеся на труды М. Вебера и Й. Шумпетера, апологеты демократии участия пытались найти опору среди мыслителей первой половины XX в., хотя это и оказалось весьма трудным в связи с явной непопулярностью демократии на Западе в межвоенный период. Тем не менее весьма активный интерес разработчики демократии участия проявили, например, к идеям «гильдейского социализма» британца Дж. Коула [21].

3. Достоинства и недостатки демократии участия

Насколько обоснованной в целом является теория демократии участия? Для начала отметим, что двумя столпами теории демократии участия можно назвать ценности политического равенства и политического участия. Партисипаторные демократы утверждают, что уравнивание реальных возможностей политического участия способствует

большой политической вовлечённости народных масс (поскольку реальной причиной политической апатии и отчуждения является отсутствие реальных политических возможностей, а вовсе не отсутствие интереса к политике, как полагали демократические элитисты) и одновременно большая вовлечённость народных масс в политику уравнивает политические возможности. И то и другое в конечном счёте (опять же, по предположению партисипаторных демократов) способствует достижению результата, нормативно правильного в социальном или в индивидуальном смысле (т. е. речь идёт, с одной стороны, о преодолении индивидами своей эгоцентричности, развитии в них гражданских добродетелей и стремления к «общему благу», с другой стороны, о возможности ущемлённых социальных слоёв заявить о своих интересах). С учётом этого критика теории демократия участия может строиться двояко: с одной стороны, можно показать утопичность самих целей полного политического равенства и активного политического участия, а с другой – продемонстрировать, что политическое равенство или большее политическое участие не влекут наступления желаемых последствий. Рассмотрим эти варианты по порядку.

Сторонники демократии участия необоснованно не принимают во внимание того факта, что полного равенства политической грамотности и возможностей политического участия не бывает в принципе, поэтому любая система будет более или менее дискриминационной. В литературе существует несколько предложений по решению указанной проблемы: одни выступают за то, чтобы обеспечить каждому человеку хотя бы минимальный уровень «самоуправления» [22, р. 35–58]; другие предлагают предоставлять больше возможностей по политическому влиянию тем, чьи базовые интересы соответствующее решение затрагивает в большей степени [23, р. 43–48]; третьи призывают устранить лишь крайнее неравенство политических возможностей, порождающее коррупцию или политическую пассивность [24, с. 101–104]. Все эти предложения имеют свои недостатки, и все они показывают, что целью должно быть не полное равенство фактических политических возможностей, а некото-

рая «золотая середина» между их равенством и неравенством.

Вызывает сомнение и ценность политического участия. Так, например, подавляющее большинство партисипаторных демократов выступают за тот или иной вариант рабочего самоуправления на предприятиях. Однако очевидно, что участие рабочих в управлении предприятием не будет ответственным без перекладывания на них соразмерных рисков, но в таком случае речь идёт фактически о формировании новой культуры, в которой рисковать и заниматься бизнесом будут уже не 5–10 % трудоспособных членов общества, а вообще все трудящиеся. Но вряд ли корректно говорить о возможностях для саморазвития, когда человек ежедневно вынужден, помимо основной своей деятельности, погружаться в управленческие вопросы и в рабочее, и в свободное от работы время. Поскольку партисипаторные демократы не стремились навязать всем гражданам какие-то конкретные представления о достойном образе жизни, а также подчёркивали, что их теория вовсе не призывает к максимизации каждым своих способностей и достижению неких «пределов» развития [8, р. 28–32], здесь снова возникает проблема поиска «золотой середины».

Демократия не должна выливаться в навязывание гражданам образа жизни, завязанном на политическом участии. Верно отмечает И. Шапиро, что политическое участие является лишь подчинённым благом, призванным способствовать нашим целям, а не замещать их [25, р. 23–24]. Лишь у небольшого числа людей, отмечает И. Шапиро, политическая деятельность связывается с представлениями об осмысленной и благой жизни. Например, как показывают исследования, повышенный интерес к политике проявляют молодые образованные люди с постматериальными ценностями [26]. В итоге, как и с идеалом политического равенства, мы должны искать «золотую середину» между полным неучастием народа в политике и полной вовлечённостью, с учётом текущих реалий. Некоторые умеренные партисипаторные демократы [27] были заняты как раз поиском «золотой середины», однако общий тренд развития указанной теории оказался иным.

Таким образом, оба столпа партисипаторной демократии (политическое участие

и равенство политических возможностей) не имеют абсолютной ценности. Но сомнение вызывает также их предполагаемая взаимосвязь. Так, даже при наличии реального политического равенства возможна политическая апатия населения, не интересующегося политикой (по сути, всё ещё останется проблема «рационального невежества» [28, с. 25–27, 35–37], так как влияние каждого отдельного гражданина на исход голосования будет минимальным, а потому стимулов для голосования будет немного). Кроме того, само по себе политическое участие широких слоёв населения не гарантирует выравнивания политических возможностей. Не очевидно также и необходимость политического равенства для активизации политического участия и наоборот: декларируемая сторонниками демократии участия цель политического равенства имеет множество иных, помимо увеличения политического участия народа, способов её достижения (в том числе механизмы жеребьёвки [29] и меритократии [30] при отборе политических лидеров), а для увеличения политического участия народа, в свою очередь, не является необходимым политическое равенство.

Приведённая критика касается проблем самих декларируемых целей демократии участия. Но что, если мы примем эти цели как неоспоримые? В этом случае мы вновь сталкиваемся с проблемными местами демократии участия, только теперь уже как средства для достижения тех или иных целей.

Во-первых, хотя сторонники данной концепции предполагают, что политическое участие само по себе способно повысить уровень политической компетентности и политической культуры, данный факт вовсе не очевиден. Возможно, народными массами просто будут беззастенчиво манипулировать [31, р. 149–150]. Кроме того, массовое политическое участие, по мнению ряда мыслителей (Токвиль, Ницше и др.), может повлечь негативное влияние на культуру в целом. В свою очередь, канадский теоретик У. Кимлика замечает: «Наделённые властью граждане могут использовать свою власть безответственно, добываясь благ и прав, которые общество не может позволить себе им дать; или голосуя за освобождение от налогов для себя и урезание помощи нуждающимся...».

Он также пишет, что у граждан всегда будет искушение добиться политических результатов «при игнорировании требований маргинализированных групп» [32, с. 389]. Не исключено также и то, что активизация народных масс, пусть даже непредвзятых, грамотных и неэгоистичных, спровоцирует социальные конфликты.

В действительности важно не только и не столько политическое участие, сколько создание требуемых для него условий. Не в последнюю очередь это обстоятельство привело к появлению концепции совещательной (делиберативной) демократии, концентрирующейся не на массовости политического участия, а на вдумчивости и непредвзятости политических дискуссий. В трудах многих апологетов демократии участия изначально подчёркивалась роль дискуссий в малых группах [7; 33]. Сегодня демократия участия уже не мыслится в отрыве от идеи обсуждения [34]. На самом деле важна не только делиберация, но и другие институциональные особенности политического участия, и только применительно к ним можно говорить о его пользе или вреде.

Таким образом, само по себе массовое политическое участие может иметь негативные эффекты и при этом не иметь ожидаемых эффектов, а уровень политической компетентности и культуры продуктивнее и разумнее было бы достигать иными способами. И надо сказать, ни один из сторонников демократии участия не привёл каких-то убедительных доводов в пользу тезиса о том, что народ является или может быть достаточно компетентным и ответственным для активного политического участия, а их попытки доказать «образовательную» роль самого процесса политического участия оказались не столь убедительными [35, S. 245].

Во-вторых, если конечная цель состоит в том, чтобы преодолеть социальное неравенство и дискриминацию и учесть интересы социально незащищённых слоёв населения, то мы могли бы изучить иные, помимо массового политического участия и обеспечения фактического политического равенства, способы достижения этих целей.

Так, например, более справедливое распределение доходов и богатств, расширение возможностей для получения образования,

замена привычных нам выборов и присущих им избирательных кампаний иными способами отбора политических лидеров могли бы открыть реальные возможности доступа во властную «элику» широкому кругу людей, притом что сама власть по-прежнему осуществлялась бы такой «элитой» и не предполагала бы постоянное задействие всех граждан. (К слову, возможности политического влияния граждан при таких обстоятельствах также существенно выравнялись бы.) Помимо этого, важно разрабатывать способы контроля властвующих элит, не связанные с давлением народных масс (как это имеет место, например, в случае судейского сообщества, самостоятельно контролирующего своих членов), ведь само по себе такое давление не всегда даёт нужный результат и не является панацеей, так как порой политик вынужден стремиться скорее к успокоению толпы, чем к принятию правильного решения.

Здесь следует отметить ещё одну особенность теории демократии участия, связанную с неясностью стоящих за ней нормативных идеалов.

Так, многие сторонники данной теории, вероятно, придерживаются идеала справедливости, который Р. Даль называл «сущностным» (intrinsic) равенством [36, с. 126–130], однако не выражают его достаточно чётко. Так или иначе, с целью достижения этого идеала они стремятся обеспечить фактическое политическое равенство, но не очевидно, что данное средство является наилучшим для данной цели (вполне возможна ситуация «тирании большинства», против которой как раз и была направлена идея демократического элитизма). Что касается индивидуальной перспективы (т. е. целей конкретных граждан, а не общества в целом), то здесь партиципаторные демократы находятся на стороне социально незащищённых слоёв населения, однако не учитывают, что механизмы народного участия в политике вполне могут использоваться самой властью для того, чтобы транслировать народу свою собственную точку зрения [37, р. 162].

Итак, подвергнуть сомнению можно как цели партиципаторных демократов – достичь политического равенства и вовлечь широкие народные массы в политику (ибо в обоих

случаях важно знать меру), так и убеждение в том, что достижение этих целей будет содействовать развитию политических способностей и добродетелей народных масс, необходимых этим народным массам для самоуправления, а также лучшему учёту потребностей граждан и воплощению того или иного социального идеала (т. е. нормативной правильности с индивидуальной и социальной перспектив).

Положительные же аспекты концепции демократии участия видятся в следующем.

Во-первых, в ней подчёркивается значение массового политического участия как действенного средства установления реального влияния населения на политические решения. Однако перспективным видится наделение граждан широкими политическими правами лишь в тех вопросах, с которыми они сталкиваются регулярно и которые при этом не требуют специальных познаний. Не следует забывать, что многие вопросы могут показаться обывателю недостаточно значительными для того, чтобы жертвовать ради них своим временем, что вновь приведёт к апатии и некомпетентности участия [22, р. 125–126]. Кроме того, необходимо помнить и о феномене «избыточного выбора»: разнообразие возможностей нередко отнимает нашу свободу и удовлетворённость [38]. В результате круг вопросов, которые могут быть отданы на откуп массам, оказывается не так велик.

Во-вторых, демократия участия открывает новый взгляд на традиционные либеральные ценности свободы и равенства, показывая, что они изначально являлись лишь средствами для обеспечения каждому индивиду возможностей для самоактуализации. На этом основании апологеты демократии участия вскрывают порочность рыночной культуры, направленной на бессмысленную максимизацию производства и потребления, не покушаясь на основную (либеральную) идею равного права на саморазвитие. Не менее обоснованной критике со стороны апологетов демократии участия подвергся «организационный тоталитаризм» современного общества, т. е. чрезмерная бюрократизация управления, направленная на повышение его эффективности, которая в результате порождает искусственные стимулы (деньги, слава,

власть и т. п.) и, как следствие, отчуждение личности [33].

В-третьих, сторонники демократии участия справедливо подчёркивают немаловажность преодоления экономического неравенства, а также повышения доступности образования.

В-четвёртых, партисипаторные демократии, в отличие от демократических элитистов, уже не рассматривают избирателей как простых эгоистов, но также делают акцент на гражданские добродетели, которые заставляют избирателей учитывать не только свои, но и чужие интересы. Впрочем, это не исключает того, что в рамках демократии участия акцент в нормативном обосновании сделан всё же на индивидуальную, а не социальную перспективу, поскольку никакого конкретного содержательного социального идеала (цели функционирования демократии) партисипаторными демократами не формулируется.

4. Заключение

Завершая рассмотрение достоинств и недостатков идеала широкого политического участия, хотелось бы обратить внимание на следующее фундаментальное философское допущение, которого придерживаются сторонники этого идеала. Они верят, что политическая апатия, свойственная современным «демократическим» режимам и даже способствующая их функционированию, не является раз и навсегда данным объективным обстоятельством. По их мнению, необходимо создать такие условия, при которых гражданам будет предоставлена реальная политическая власть (а не формальное право голоса),

а у самих граждан будут возможности и стимулы для получения любой политически значимой информации. М. Вебер писал: «Весь исторический опыт подтверждает, что возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному» [39, с. 706]. Фактически идеал демократии участия представляет собой такой призыв попробовать достичь невозможного. Этот призыв нельзя запросто отвергнуть, и всё же он не кажется нам до конца убедительным. Так, вряд ли вообще возможно и допустимо заставлять человека участвовать в решении тех общих дел, которые он считает маловажными. Прославляемые сторонниками партисипаторной демократии свободные сообщества, характеризующиеся активностью и взаимной привязанностью своих членов, в действительности организуются гораздо чаще вокруг общих образов жизни, чем вокруг подлежащих разрешению насущных политических вопросов, и связаны скорее с потребностью во взаимном признании, чем с необходимостью исполнения гражданского долга. И это вполне логично: хоть личность и рождена в обществе и потому обязана ему, каждый всё-таки проживает жизнь и умирает сам за себя. При таких обстоятельствах устойчивость системы управления не должна слишком сильно зависеть от степени политического участия масс. Необходимы действенные механизмы, позволяющие этой системе работать, в том числе и в условиях массовой политической апатии. Следовательно, идеал демократии участия должен быть дополнен другими идеалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Menser M.* We Decide! Theories and Cases in Participatory Democracy. – Philadelphia : Temple University Press, 2018. – 360 p.
2. *Желтов В. В., Желтов М. В.* Демократия участия: понятие, политическая практика, механизмы. – Кемерово : Кемер. ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2021. – 112 с.
3. *Bachrach P.* The Theory of Democratic Elitism: A Critique. – Boston : Little Brown, 1967. – 109 p.
4. *Мюллер Я.-В.* Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2014. – 400 с.
5. *Cook T. E., Morgan P. M.* Participatory democracy. – San Francisco : Canfield Press, 1971. – 486 p.
6. *Pateman C.* Participation and democratic theory. – Cambridge : Cambridge University Press, 1970. – 122 p.
7. *Barber B.* Strong democracy. Participatory politics for a new age. – Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2003. – 320 p.
8. *Bachrach P., Botwinick A.* Power and empowerment: a radical theory of participatory democracy. – Philadelphia : Temple University Press, 1992. – 211 p.
9. *Макферсон К. Б.* Жизнь и времена либеральной демократии. – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 176 с.
10. *Cunningham F.* Theories of Democracy: A critical introduction. – London ; N.Y. : Routledge, 2002. – 256 p.

11. Маркузе Г. Одномерный человек. – М. : REFL-book, 2004. – 368 с.
12. Арендт Х. А. Vita activa, или О деятельной жизни. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
13. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
14. Cohen J., Rogers J. Associations and democracy / ed. by E. O. Wright. – London ; N.Y. : Verso, 1995. – 288 p.
15. Hirst P. Associative Democracy. New Forms of Economic and Social Governance. – Amherst : University of Massachusetts Press, 1994. – 222 p.
16. Fotopoulos T. Towards an Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project. – London ; N.Y. : Cassell, 1997. – 400 p.
17. Bookchin M. The next revolution: Popular Assemblies and the Promise of Direct Democracy. – London ; N.Y. : Verso Books, 2015. – 220 p.
18. Gaus G. F. Backwards into the future: Neorepublicanism as a postsocialist critique of market society // Social Philosophy and Policy. – 2003. – № 20/1. – P. 59–91.
19. Казаков Е. А. Вольфганг Абендрот и Марбургская школа политологии – вузы ФРГ как поле политической борьбы времён холодной войны // НП/НР. – 2018. – № 4. – С. 178–199.
20. Saage R. Demokratietheorien. Historischer Prozess – Theoretische Entwicklung – Soziotechnische Bedingungen. Eine Einführung. – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 325 S.
21. Коль Г. Гильдейский социализм. – М. : Плановое хозяйство, 1925. – 133 с.
22. Kramer D. C. Participatory democracy: developing ideals of the political left. – Cambridge : Schenkman Publ. Co., General Learning Press, 1972. – 249 p.
23. Shapiro I. The state of democratic theory. – Princeton : Princeton University Press, 2009. – 200 p.
24. Урбинати Н. Искажённая демократия. Мнение, истина и народ. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 448 с.
25. Shapiro I. Democratic justice. – New Haven : Yale University Press, 1999. – 333 p.
26. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия : Последовательность человеческого развития. – М. : Новое издательство, 2011. – 464 с.
27. Scharpf F. W. Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung. – Kronberg : Scriptor-Verlag, 1975. – 93 S.
28. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику. – М. : ИРИСЭН : Мысль, 2012. – 368 с.
29. Рейбрук ван Д. Против выборов. – М. : Ад Маргинем, 2013. – 200 с.
30. Bell D. A. The China model: political meritocracy and the limits of democracy. – Princeton : Princeton University Press, 2015. – 360 p.
31. Birch A. The Concepts and Theories of Modern Democracy. – London ; N.Y. : Routledge, 2007. – 315 p.
32. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 592 с.
33. The case for participatory democracy: some prospects for a radical society / ed. by G.C. Benello, D. Roussopoulos. – N.Y. : Grossman Publishers, 1971. – 386 p.
34. Перезолова А. С. Практики партисипаторного управления в публичной политике // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2018. – № 1. – С. 122–130.
35. Zeitgenössische Demokratietheorie Band 1: Normative Demokratietheorien / O. W. Lembcke, C. Ritzi, G. S. Schaal (Hrsg.). – Wiesbaden : Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – 481 S.
36. Даль Р. Демократия и её критики. – М. : РОССПЭН, 2003. – 576 с.
37. Wheare K. C. Government by Committee. – Oxford : Clarendon Press, 1955. – 264 p.
38. Шварц Б. Парадокс выбора. Почему «больше» значит «меньше». – М. : Хорошая книга, 2005. – 284 с.
39. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–706.

Информация об авторе

Шавеко Николай Александрович – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН

Адрес для корреспонденции: 426004, Россия, Ижевск, ул. Ломоносова, 4

E-mail: shavekonikolai@gmail.com

SPIN-код: 3004-0891; AuthorID: 744517

ORCID: 0000-0002-5481-7425

ResearcherID: K-4637-2018

Информация о статье

Дата поступления – 6 февраля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Шавеко Н. А. Концепция партисипаторной демократии: за и против // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 33–42. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).33-42.

PARTICIPATORY DEMOCRACY: PROS AND CONS

N.A. Shaveko

Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia

Introduction. In the late 1960s, the so-called theory of participatory democracy emerged in Western political philosophy, and in the 1970s it became particularly widespread. **Purpose.** The article provides a comprehensive analysis of this theory: its essence is briefly formulated, and then it is considered in what historical and intellectual conditions it arose and developed, and what are its main advantages and disadvantages. **Methodology.** For this purpose, the methods of historical, comparative and normative analysis are used. **Results.** It is noted that the theory arose as a reaction to the democratic elitism that prevailed in post-war Western political philosophy, but did not completely displace it, so today there are well-known supporters of both democratic elitism and participatory democracy. Participatory democracy is criticized from the point of view of its two basic values: political equality and political participation. Both the relativity of these values and the dubiousness of their correlation are shown, and it is also demonstrated that both of these values do not always contribute to achieving normatively correct results. Among the positive features of the participatory democracy is its emphasis on mass political participation as an effective means of establishing the real peoples' political power. Also participatory democracy advocates a productive view of the traditional liberal values of freedom and equality as a means of providing each individual with opportunities for self-actualization. Finally, the emphasis of participatory democrats on the overcoming economic inequality and increasing equal access to education, as well as the view of participatory democrats on voters not as egoists, but as responsible citizens are positively assessed. **Conclusion.** Today the participatory democracy has only limited normative appeal, and the degree of its applicability strongly depends on specific empirical conditions.

Keywords: participatory democracy; democratic theory; political participation; political equality; decentralization.

REFERENCES

1. Menser M. *We Decide! Theories and Cases in Participatory Democracy*. Philadelphia, Temple University Press, 2018. 360 p.
2. Zheltov V.V., Zheltov M.V. *Participatory democracy: concept, political practice, mechanisms*. Kemerovo, Kemerovo Institute of Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2021. 112 p. (In Russ.).
3. Bachrach P. *The Theory of Democratic Elitism: A Critique*. Boston, Little Brown, 1967. 109 p.
4. Müller J.-W. *Contesting democracy: political ideas in twentieth-century Europe*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 400 p. (In Russ.).
5. Cook T.E., Morgan P.M. *Participatory democracy*. San Francisco, Canfield Press, 1971. 486 p.
6. Pateman C. *Participation and democratic theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1970. 122 p.
7. Barber B. *Strong democracy. Participatory politics for a new age*. Berkeley, Los Angeles, London, University of California Press, 2003. 320 p.
8. Bachrach P., Botwinick A. *Power and empowerment: a radical theory of participatory democracy*. Philadelphia, Temple University Press, 1992. 211 p.
9. MacPherson C.B. *The life and times of liberal democracy*. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2011. 176 p. (In Russ.).
10. Cunningham F. *Theories of Democracy: A critical introduction*. London, N.Y., Routledge, 2002. 256 p.
11. Marcuse H. *One-dimensional man*. Moscow, REFL-book Publ., 2004. 368 p. (In Russ.).
12. Arendt H. *The Human condition*. St. Petersburg, Aletya Publ., 2000. 437 p. (In Russ.).
13. Hayek F. *Law, legislation, liberty*. Moscow, IRISEN Publ., 2006. 644 p. (In Russ.).
14. Cohen J., Rogers J. *Associations and democracy*. London, N.Y., Verso, 1995. 288 p.
15. Hirst P. *Associative Democracy. New Forms of Economic and Social Governance*. Amherst (MA), University of Massachusetts Press, 1994. 222 p.
16. Fotopoulos T. *Towards an Inclusive Democracy. The Crisis of the Growth Economy and the Need for a New Liberatory Project*. London, N.Y., Cassell, 1997. 400 p.
17. Bookchin M. *The next revolution: Popular Assemblies and the Promise of Direct Democracy*. London, N.Y., Verso Books, 2015. 220 p.
18. Gaus G.F. Backwards into the future: Neorepublicanism as a postsocialist critique of market society. *Social Philosophy and Policy*, 2003, no. 20/1, pp. 59-91.
19. Kazakov E.A. Wolfgang Abendroth and the Marburg School of Political Science – universities of Germany as a field of political struggle during the Cold War. *NP*, 2018, no. 4, pp. 178-199. (In Russ.).

20. Saage R. *Demokratietheorien. Historischer Prozess – Theoretische Entwicklung – Soziotechnische Bedingungen. Eine Einführung*. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. 325 S.
21. Cole G.D.H. *Guild socialism*. Moscow, Planovoe khozyaistvo Publ., 1925. 133 p. (In Russ.).
22. Kramer D.C. *Participatory democracy: developing ideals of the political left*. Cambridge (MA), Schenkman Publ. Co., General Learning Press, 1972. 249 p.
23. Shapiro I. *The state of democratic theory*. Princeton, Princeton University Press, 2009. 200 p.
24. Urbinati N. *Democracy Disfigured. Opinion, truth and the people*. Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2016. 448 p. (In Russ.).
25. Shapiro I. *Democratic justice*. New Haven, Yale University Press, 1999. 333 p.
26. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, cultural changes and democracy: the human development sequence*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011. 464 p. (In Russ.).
27. Scharpf F.W. *Demokratietheorie zwischen Utopie und Anpassung*. Kronberg/Ts, Scriptor-Verlag, 1975. 93 S.
28. Kaplan B. *The myth of the rational voter. Why democracies choose bad policies*. Moscow, IRISEN Publ., Mysl' Publ., 2012. 368 p. (In Russ.).
29. Reybrouck van D. *Against elections*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2013. 200 p. (In Russ.).
30. Bell D.A. *The China model: political meritocracy and the limits of democracy*. Princeton, Princeton University Press, 2015. 360 p.
31. Birch A. *The Concepts and Theories of Modern Democracy*. London, N.Y., Routledge, 2007. 315 p.
32. Kymlicka W. *Contemporary political philosophy. An introduction*. Moscow, Publishing House of the State University – Higher School of Economics, 2010. 592 p. (In Russ.).
33. Benello G.C., Roussopoulos D. (eds.). *The case for participatory democracy: some prospects for a radical society*. N.Y., Grossman Publishers, 1971. 386 p.
34. Perezolova A.S. Practices of participatory management in public policy. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*. 2018, no.1, pp. 122-130. (In Russ.).
35. Lembcke O.W., Ritz C., Schaal G.S. (Hrsg.). *Zeitgenössische Demokratietheorie Band 1: Normative Demokratietheorien*. Wiesbaden, Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. 481 S.
36. Dahl R. *Democracy and its critics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 576 p. (In Russ.).
37. Wheare K.C. *Government by Committee*. Oxford, Clarendon Press, 1955. 264 p.
38. Schwartz B. *The paradox of choice. Why more is less*. Moscow, Dobraya kniga Publ., 2005. 284 p. (In Russ.).
39. Weber M. Politics as a vocation, in: Weber M. *Selected works*. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 644-706. (In Russ.).

About the author

Shaveko Nikolai – Ph.D. in Law, Senior Researcher
Udmurt Branch of the Institute of Philosophy
and Law of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences
Postal address: 4, Lomonosova ul., Izhevsk,
426004, Russia
E-mail: shavekonikolai@gmail.com
SPIN-code: 3004-0891; AuthorID: 744517
ORCID: 0000-0002-5481-7425
ResearcherID: K-4637-2018

Article info

Received – February 6, 2025
Accepted – July 3, 2025

For citation

Shaveko N.A. Participatory Democracy: Pros and Cons. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 33-42. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).33-42. (In Russ.).

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 43–51.

УДК 368.021.2

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).43-51

ПРАВО ТРЕБОВАНИЯ ЗАКЛЮЧИТЬ ДОГОВОР КАК ВИД ИМУЩЕСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Ю. Э. Монастырский

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Введение. Приводится пример правового вопроса, напрямую влияющего на стимулирование экономической деятельности, базирующейся на реализации, поддержании и зарождении договорных связей. Дело в том, что для осмысливания правоприменительной практики по-прежнему остаётся характерной традиционность в подходах, сложившихся при административном управлении в советский период, когда контрагенты определялись руководящими инстанциями и договоры заключались по указаниям. При переходе к рыночной экономике преддоговорная стадия отношений регулируется неудовлетворительно, и впервые нормы об ответственности за недобросовестное ведение переговоров были приняты в 2015 г. (ст. 434.1 Гражданского кодекса РФ). Определён ряд случаев заключения договоров в обязательном порядке. Мало уделяется внимания обязанностям сторон на преддоговорной стадии завязывания взаимоотношений, и право требования заключить договор по советской юридической логике называется организационным, т. е. неимущественным, не переходящим в порядке правопреемства и неотчуждаемым иным образом. **Цель.** Автор поставлена цель проанализировать существующие проблемы правового регулирования по названному вопросу, дать рекомендации по их решению и правовой квалификации. **Методология.** В качестве методологической основы исследования применены всеобщие принципы научного познания (всесторонность, системность, объективность), общенаучные методы познания (сравнение, восхождение от абстрактного к частному), общелогические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, классификация, абстрагирование), специально-юридические методы (формально-юридический, метод толкования норм права, догматический). **Результаты.** Автор путём критики таких современных теорий предлагает обновлённые правовые интерпретации соответствующих требований, говорит о средствах улучшения регулирования и решениях обозначенной проблемы. Приведены варианты усовершенствования законодательной базы соответствующих взаимоотношений. Право требования или обязанность заключить договор, если неразрывно не связаны с личностью умершего, не могут не наследоваться. Современный и более сложный разнообразный имущественный оборот нерационально базировать на обратных правилах, создающих лишь неразумное препятствие его функционированию. Другая точка зрения совсем не выдерживает критики, поскольку нет даже формальной логики в том, что право требования заключить договор, означающий обладание чужими обязательствами, отложенное исполнение которых и есть имущество, обозначенное в ст. 128 Гражданского кодекса РФ как имущественные права, не является объектом гражданских прав. **Заключение.** Таким образом, юридическое притязание создать обязательственное требование является, несомненно, таким же имуществом. Автор классифицирует обсуждаемые права как вытекающие из сделок и тогда обязательственные, в силу ст. 307 Гражданского кодекса РФ, и иные, необязательственные. К первым относятся требования из предварительного договора. Некоторые другие притязания к собственникам, участникам в обществах, партнёрам по переговорам, по мнению автора, являются не обязательственными, а обычными гражданско-правовыми.

Ключевые слова: заключение договора; преддоговорные обязанности; обязательство; правовое средство стимулирования экономики; имущество.

1. Договоры

Стимулирующее регулирование имущественного оборота гражданско-правовыми средствами заключается прежде всего в наиболее полном усовершенствовании употреб-

ления такого важного инструмента, как договоры. Технический и промышленный прогресс, жизненный уклад облегчают условия их совершения. Многообразие имущественных потоков и конфигураций взаимоотношений

приводит к большому различию задеиствуемых договорных моделей в принимаемых кодексах. В проекте первой российской кодификации их было 9, а сейчас почти 30. Следующим важнейшим прорывным событием было принятие принципа, послужившего основным началом гражданского законодательства и являющегося фундаментальным для гражданского права, – автономия воли участников экономических связей, находящая выражение в свободе их договоров. Коммерческая и иная контрактная практика по трём её параметрам: способу выражения, разнообразию проявления и существующему содержанию – являет собой богатейший материал для исследований.

В Российской империи, где имущественные отношения стали более централизованно регулироваться с появлением Свода законов 1832 г., договоры заключались при отсутствии доминантных промышленных черт в экономике устным, домашним, явочным, крепостным порядком; для недвижимости была предусмотрена нотариальная форма [1; 2]. Широта такого выбора заключалась в особенностях быта и хозяйствования, характеризовавшегося двумя чертами: неграмотностью населения, хотя и участвовавшего в имущественном обмене в силу того, что экономическая жизнь есть явление постоянное, так как связано с самим выживанием, а также дефицитом письменных принадлежностей, особенно до середины XIX в.

2. Преддоговорные связи

В свете сказанного преддоговорная фаза взаимоотношений определялась распространением таких инструментов, как залог и задаток, имеющих практически одинаковый режим и предназначенных для стимулирования операций. При этом залог нашёл своё урегулирование в общероссийских нормативных актах ещё до появления Свода законов – в Соборном уложении царя Алексея Михайловича в 1649 г. [3, с. 139]. Задаток имел режим залога денежных средств и при неисполнении обещания продать, получить или принять в личный найм и т. д. оставался у кредитора. Таким образом обеспечительная функция таких гражданско-правовых средств распространялась на исполнение обязанности в первую очередь заключить договор устно или, например, посредством «крепости».

Законодательство развивалось таким образом, что следование доктринам римского права выражалось сначала только в учебном процессе [4, с. 208], трудах российских учёных-правоведов: Муромцева [5], Мейера [6], Победоносцева [7, с. 542] и других авторов [8, с. 54].

Для того чтобы улучшить правовое воздействие на преддоговорной стадии, нужно для начала разделить период, когда между сторонами состоялся контакт с намерением заключить договор на базе совместного интереса к такому-то объекту, вещам, услугам, имущественным правам, применительно к которым составляется характеристика будущего неденежного обязательства, и когда на известных существенных условиях и пр. возникают особые обязанности заключить такой договор. Эти составы обозначены в Гражданском кодексе (далее – ГК) и связаны с предварительным, публичным договорами, обязательным предложением заключить договор при продлении аренды, жилищного найма, отчуждении доли в вещах, в уставном капитале и пр. Последнее связано с появлением права требования у арендатора, нанимателя, сособственника, соучастника заключить договор на определённых условиях, продать ему долю и т. п.

Как представляется, правильной квалификации взаимоотношений сторон мешает инерционный дискурс, происходящий из прошлого времени, дающий трактовку обязанности заключить договор. Большинство писателей [9, с. 248] повторяют вывод, сделанный ещё в СССР профессором Красавчиковым, о том, что это регулируемое всеми относимыми нормами обязательство и оно организационное, т. е. не имеющее имущественного содержания [10, с. 54].

Мы же уверены в твёрдости и неподдающейся опровержению логике о том, что названная трактовка является устаревшей, происходит из советского времени, а также экономики, когда паутина договорных связей формировалась административными органами в виде обязанности заключения контрактов на определённых условиях конкретными организациями¹, и это передалось и перешло в оценку обязанностей заключить договор.

3. Традиции

Сегодня упомянутое понимание, как представляется, является неверным: обсуж-

даемое требование и корреспондирующая ему обязанность носят имущественный характер [11, с. 277–278], так как их исполнение направлено на приобретение в конечном счёте права требования исполнения договорных обязательств, основного вида имущества в обороте. Данный вывод также прямо поддержан в п. 3 Обзора законодательства и судебной практики ВС РФ за первый квартал 2007 г.², Определении ВС РФ от 10 апреля 2007 г. № 5-В06-159³.

Вместе с тем недавно большое количество авторов и ВС РФ сделали заключение о том, что обязательство заключить договор, например, из предварительного договора, — это организационное обязательство [12]⁴, и долго считалось, что его нельзя обеспечить штрафом. Нынешние рассуждения происходят в парадигме 1964 г., которая некоторое время существовала и в постсоветское время при действии Основ гражданского законодательства 1991 г. В соответствии с ними обязательство — это любая предопределяемая не только действием, но и событием связанность субъектов (ст. 3, 57 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик). При этом обязательства как необходимость совершать обусловленные действия не регулировались особо, более подробно с целью заложить правовые основы их определённости, стойкости, имущественной ценности и обособить их от других требований, например о возмещении убытков, исполнении корпоративных договорённостей. В ГК заложена основа для такого обособления тем, что было сказано об основаниях возникновения, создающих их установленность в смысле стоимости или предметности, там сказано: обязательство возникает только из сделок, деликтов, обогащений и иных случаев, установленных в ГК (ст. 307 ГК РФ), например определённых судебных решений.

Обязанности, возникающие из иных оснований, а именно заключить договор в силу преимущественного права и пр., не должны считаться обязательствами [13, с. 36–37; 14]⁵, так как ГК не называет эти источники возникновения как порождающие обязательства. Например, собственник, который имеет цель продать долю, должен уведомить других обладателей об этом (п. 2 ст. 250 ГК РФ), и далее возникает обязанность, но не обяза-

тельство заключить с ними договор. Разница заключается в том, что к обязательствам применяется обширная часть ГК, включающая свыше 800 статей и обеспечивающая более скрупулёзное регулирование в вопросах сроков, исполнения, оборотоспособности, ответственности, предоставления по частям, неприменимых к иным обязанностям по букве ГК, и это даёт динамику и направленность регламентации.

4. Сравнение

В модельных правилах европейского частного права (DCFR, 2009), рекомендованных положениях общеевропейского цивилистического содержания, предложения регламентировать преддоговорную стадию отношений исходя из обязанностей «duties» (а не «obligations») участников до контрактного взаимодействия, заключаются в следующем: соблюдение конфиденциальности, предоставление информации о качестве того, что предлагается к предоставлению, ведение переговоров в особом состоянии в преддоговорном процессе, когда предъявляются особые требования к поведению, когда недобросовестность такового приводит к ответственности (II.-3:101–II.-3:501). В этом известном рекомендательном и наиболее обширном, охватывающем максимальное количество областей гражданского права документе, поле преддоговорных контактов регулируется особым образом. Если в российском праве разделяется заключение договора в обязательном порядке, между отсутствующими, при преимущественном праве, только в процессе ведения переговоров, то в модельных правилах принята другая дифференциация: участие потребителей и причастность к фазе преддоговорных отношений других субъектов. В последнем случае перечисление обязанностей, но не обязательств выглядит так: предоставить наиболее полное информирование о предмете договора, товарах, услугах, обеспечить ознакомление с текстом будущего договора, соблюсти конфиденциальность, которая может явствовать из обстановки, вести переговоры только с осознанным намерением его заключить, не навязывать незапрошенные товары и услуги, не прибегать к дискриминации.

Вместе с тем существуют следующие обязанности перед потребителями: предо-

ставление всего подробного материала о товарах и услугах, информации о личности продавца. У потребителей появляются дополнительные меры правового воздействия.

Отсюда, очевидно, следует, что суд может формировать условия, которым ответчики обязаны подчиниться. Он в этом случае заполняет пробелы в договорных положениях, общается со сторонами, создавая компромисс между ними⁶. Такое решение может существовать для стимулирования реализации прав по побуждению к заключению договора, даже если существенные условия не выявлены. При рассмотрении исков суд приходит к выводу, достаточно ли данных для формирования договорной обязанности, когда имеется неполнота в деталях.

5. Источники обязанности

В российском гражданском праве регулирование относится к алгоритму заключения договоров дифференцированно, это является важной особенностью нашего правового порядка, имеющего опыт имущественных правоотношений в плановой экономике. Центральное значение приобретает ст. 445 ГК РФ о последовательности действий сторон: когда общее понимание существенных условий только складывается, но не завершено, предусмотрен такой инструмент сближения позиций, как протокол разногласий.

Вместе с тем урегулированы и другие диспозиции, как то: когда все условия договора известны при публичности договора, где вторая сторона просто заявит такой параметр, как количество или объём ожидаемого имущественного предоставления; когда все остальные условия определены при реализации права преимущественного приобретения; также в совместной собственности или в уставном капитале; когда определены только существенные условия при заключении предварительного договора, при публичной оферте; когда договор подписан, но в силу ст. 446 ГК РФ возникает обязанность совершать действия по регистрации прав в реестре.

Обязанность заключать договор проистекает иногда не из норм гражданского права, а в силу властных указаний монополистам, обладателями патентных прав, когда они присуждаются к выдаче неисключительной лицензии. К остальным случаям ст. 445 ГК

РФ применяется отсылочно с целью распространения мер принуждения и ответственности. Поэтому надо различать возникновение имущественного права требовать заключить договор и обязанность это сделать и возникновение преддоговорной связи, когда самообязывание ещё не произошло. Таким образом правоотношения на преддоговорной фазе взаимодействия возникают, по нашему ГК, при переговорах, а согласно модельным правилам – при любом предложении к продаже и т. д., но ГК только при недобросовестности ведения переговоров без намерения заключить договор предусматривает ответственность, по модельным правилам это происходит за непредоставление информации о товаре, нарушение конфиденциальности, при дискриминации, недобросовестности в переговорах.

По российскому праву при игнорировании обязанности заключить договор, условия которого ещё подлежат выработке, ответственность возникает только в случае необоснованного уклонения от согласования условий поставки (ст. 507 ГК РФ). Отказ от заключения договора по известным существенным либо всем условиям влечёт ответственность в виде возмещения убытков. Имущественность требования заключить договор всё более поддерживается в доктрине и судебной практике. Данный вывод также косвенно поддержан в п. 3 Обзора законодательства и судебной практики ВС РФ за первый квартал 2007 г.⁷, Определении ВС РФ от 10 апреля 2007 г. № 5-В06-159⁸, но не сказано, что право требования неорганизационное. Заявленная тема является самой актуальной по определённой и неизбежной тенденции в регулировании сегодняшнего гражданского оборота, в котором главным видом имущества являются требования. По действующей законодательной матрице они возникают из различных оснований, при деликтах, неосновательном обогащении, односторонних сделках, но главное значение и ценность для экономической жизни представляют требования из волевых актов, направленных на создание и введение в оборот новых имущественных ценностей, а именно прав требования по общеизвестной парадигме: планирование, самообязывание к действиям, их совершение, передача результатов этих действий или реа-

лизация самого права требования. Так или иначе, глобальной задачей является стимуляция ликвидности таких важнейших требований, их стойкость, неуничтожимость, а также транзитивность в случае нарушения или их неисполнения в денежный эквивалент, а именно в суммы возмещаемых убытков. Это находит выражение в корректируемом соглашением, но всё же закрытом перечне случаев прекращения обязательств, усилении их оборотоспособности, с меньшим количеством формальностей и условий, чем они были ранее, поддержании универсализма института убытков, который позволяет филигранно выводить итог неудавшихся взаимодействий при анализе итогов поведения сторон.

В рассуждениях Анненкова [15, с. 398–401] и Победоносцева [16, с. 177] признавалось наличие таких требований наряду с невозможностью их принудительного исполнения, в отличие от присуждения убытков. По мнению Анненкова, сам по себе Устав гражданского производства процедурно исключал исполнение в натуре того, что не состоит в порядке вещей, при этом требование заключить договор могло появиться из одностороннего обещания, участия в торгах и т. п. Здесь упоминание о предварительном договоре связано с выдачей задатка в облегчение заключения основного договора. В Проекте Гражданского уложения Российской империи закреплена другая парадигма: при незаключении договора, предусмотренного предварительным договором, уплачивался двойной задаток или не возвращалась его сумма⁹. Позднее институт предварительного договора не использовался в полной мере. В ГК 1922 г. он упоминался в примечании 2 ст. 130, когда по предварительному согласованию договор должен был быть облечён в определённую форму; он признаётся заключённым лишь по облечению его в указанную форму. И только в 1991 г. в СССР в Основах гражданского законодательства появляется ст. 60, в ней предварительный договор предусматривает принудительное натуральное исполнение и взыскание убытков, но только за просрочку его заключения. В этом также усматривается появление приоритетности натурального исполнения [17, с. 28–43] перед уплатой денежного эквива-

лента потерь, понесённых убытков, штрафов и т. п.

6. Правовая сущность требований заключить договор

Тема нашей публикации напоминает нам о таком качестве гражданского права, как преемственность идей, однажды высказанных позиций, и такой черте, как его националистичность. Мысли, высказанные давно, закреплённые в других формациях, при других кодексах, пробивают себе дорогу и обрастают практикой, несмотря на то, что данная отрасль больше всего отражает историю государства, сплетена с ней, напрямую связана и отражает развитие хозяйственного уклада и изменение общественно-политических формаций, иногда некоторые цивилистические подходы остаются прежними, даже при фундаментальном изменении концепции гражданского права. А в истории России мы знаем, что право целиком подвергалось кардинальному реформированию дважды: в начале 20-х гг. прошлого века, 90-х гг., а также в начале нынешнего. Причём это преобразование не носило революционный характер, а основывалось на отрицании прежней правовой системы, о чём легко судить, припоминая, что принцип свободы договора у нас вернулся только с принятием в 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предназначенный для регулирования рыночных отношений в экономике, как и полная имущественная ответственность. Был переосмыслен институт предприятия и пр. Наше гражданское право дважды, по сути, полностью обновлялось. Несмотря на это, необходимо заметить, что остаётся устойчивая преемственность по отношению к однажды высказанным точкам зрения, суждениям, позициям. Эта черта гражданского права рациональна, по своей сути взаимодействует, во-первых, с языком, потому что использует терминологию, и, во-вторых, с судебной системой, которая в национальных государствах является неповторимой и выражает сугубо индивидуальный стиль правоприменения. В гражданском праве невозможно заимствовать чужие нормы из других правовых порядков, потому что они сразу начинают звучать диссонансом. Здесь можно заимствовать только идеи. Таким образом, мы видим применительно к требованиям за-

ключить договор матрицу, которой нет в иностранных законодательствах. Право требования заключить договор как объект оборота охранялось в договорном досоветском гражданском праве возмещением убытков.

В практике Правительствующего Сената изначально получила распространение правовая реакция на любое неисполнение различного рода односторонних обещаний, как зафиксированных в виде договора запродажи или задаточной расписки, предварявшей купчую крепость, посредством которой приобреталась недвижимость, так и любых односторонних обещаний. Сенат по делу Ярещенко в деле № 689 1872 г., в частности, отметил, что «во изъявлении согласия совершить купчую крепость, согласно предварительной данной купчей расписке, а потом отказ от данного согласия, нужно видеть такое действие, которое возлагают обязанность возместить причинённые отказом убытки» [18, с. 491]. В Проекте гражданского уложения (ст. 1599)¹⁰ предлагалось такое средство, закрепляющее обещание заключить сделку, как предварительный договор, оно должно было непременно сопровождаться уплатой задатка, и неисполнение этого предварительного договора имело лишь одно последствие, а именно оставление или переход задатка, в зависимости от того, по чьей вине основной договор не был заключён. Однако окончательно концепция требования заключить договор сформировалась в советскую эпоху, и она имеет следующие неповторимые черты.

В первую очередь это наличие договоров, заключаемых в обязательном порядке, в силу как закона, так и договора, с одинаковой регламентацией вопроса о случаях неисполнения условий о вхождении в договор в виде юридического термина «уклонение от заключения договора». Кредитор имеет право как подать судебное требование и заключить договор принудительно, так и обратиться к возмещению убытков (ст. 445 ГК РФ). Кроме того, такая ответственность может возникать даже в том случае, если условие основного договора пока не определено. При таких обстоятельствах суд восполняет пробелы этого договора и в своей резолюции констатирует его заключение. Таким примером является государственный оборонный контракт, соглашения с участием естественного монопо-

листа, регламентирующие выплату дополнительной страховой премии, и т. п. Такая особенность регулирования постимперского времени, в силу которой советские предприятия заключали договор по указанию административных органов, перешла в преобразованном виде в данную уникальную систему регулирования, но в ней требование заключить договор должно носить недвусмысленно имущественный характер, ему надлежит быть наследуемым, а с согласия должника также уступаемым третьему лицу.

7. Заключение

Сегодня требование заключить договор – важнейшее субъективное право, подлежащее переосмыслению и нормальной исковой защите до, во время и после возникновения. Множество упомянутых и обсуждённых случаев или источников такого права, урегулированных уже в ГК РФ, подводят к необходимости установления природы и режима такого вида гражданских прав, которые могут возникать не только из договора предварительного, публичного, но и односторонней сделки, создающей соответствующее самообязывание или связанность; она, в отличие от оферты публичной или обычной, может содержать дополнительные условия, что делает более гибким процесс реализации соответствующего имущественного права, тем самым расширяя правовые возможности участников оборота.

Подобно модельным правилам, договорные обязанности не только могут быть расширены как запрет на недобросовестное ведение переговоров, но и состоять в информировании, недискриминации, раскрытии сведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Амбалов А. А. Гражданско-правовой договор в механизме рыночной экономики : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : РГТЭУ, 2004. – 139 с.

² Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 года : (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 30 мая 2007 г. (ред. от 10 марта 2010 г.)). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 10 апр. 2007 г. № 5-В06-159. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 дек. 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (п. 26, 27, 28) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Белов В. А. Гражданское право : в 4 т. Т. IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы : учеб. для бакалавров. – М. : Юрайт, 2013. – 1085 с.

⁶ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» (п. 3) ; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах при-

менения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» (п. 38). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2007 года : (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 30 мая 2007 г. (ред. от 10 марта 2010 г.).

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 10 апр. 2007 г. № 5-В06-159.

⁹ Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения : (С объяснениями, извлечёнными из трудов Редакционной Комиссии). Т. I. – СПб.: Изд. книж. магазина «Законоведение», 1910.

¹⁰ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право. – М. : Статут, 2003. – 240 с.
2. Шлотгауэр М. А. История правового регулирования купли-продажи жилой недвижимости в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2009. – № 1 (18). – С. 35–44.
3. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.
4. Алексеева Т. А. Из истории преподавания римского права в Императорском Санкт-Петербургском университете // Известия высших учебных заведений. (Серия: Правоведение). – 2001. – № 6 (239). – С. 199–208.
5. Батиев Л. В. Римское право и развитие юридической науки в концепции С. А. Муромцева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8 (105). – С. 191–199.
6. Мейер Д. И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. – Казань : [б. и.], 1854. – 127 с.
7. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1. Вотчинные права. – М. : Статут, 2002. – 800 с.
8. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. – 11-е изд. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1914. – 483 с.
9. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1425 с.
10. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права : избранные труды : в 2 т. Т. II. – 2-е изд. – М. : Статут, 2017. – 494 с.
11. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика её применения в хозяйственных обществах. – М. : Статут, 2008. – 511 с.
12. Подузова Е. В. Организационные аспекты изменения договорных обязательств // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 76–81.
13. Егоров Н. Д. К вопросу о понятии обязательства // Сборник статей к 55-летию Е. А. Крашенинникова. – Ярославль : ЯрГУ, 2006. – С. 36–49.
14. Поротикова О. А. Не всё то обязательство, что так называют // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 1 (36). – С. 85–95.
15. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 4. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. – 670 с.
16. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 3. Договоры и обязательства. – СПб. : Тип. А. Бенке, 1880. – 630 с.
17. Карапетов А. Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. – М. : Статут, 2003. – 190 с.
18. Лепский М. П. Вознаграждение за вред и убытки и незаконное обогащение в сенатской практике. Сборник положений, извлеч. из решений Гражданск. и Уголовного кассационных департаментов и общ. собраний Правительствующего сената за 1866–1913 гг. : с прил. сист., алф., предм. и поста-тейн. указ. – М. : Изд. книгоизд-ва «Юристъ», 1914. – 272 с.

Информация об авторе

Монастырский Юрий Эдуардович – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета; профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес для корреспонденции: 121099, Россия, Москва, Новинский бульвар, д. 3, стр. 1

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

SPIN-код: 6378-9760; AuthorID: 1050419

Информация о статье

Дата поступления – 10 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Монастырский Ю. Э. Право требования заключить договор как вид имущества в гражданском обороте // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 43–51. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).43-51.

CLAIMS TO CONCLUDE A CONTRACT AS CLASS OF PROPERTY IN TURNOVER

Yu.E. Monastyrsky

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Introduction. In this publication the author focuses on legal issues directly involved in generation of new incentives in economy. They are origination, sustainability and implementation of contractual contacts. In legal thinking the absolute approaches are still widely taken derived from the former administrative control over economy. Earlier the parties to their contracts were found and pinpointed by the governing authorities and contracts themselves were being long concluded according to orders. The precontractual phase of relationship has been poorly regulated save determination of liability for bad faith negotiations and some scattered instances of compulsory conclusions of agreements. Few attention was paid to process of formation of contact between parties (art. 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation, in force 2015). The claims aimed at enforcement of contract conclusion were regarded as non-pecuniary or unproperty ones. **Purpose.** The author aims to analyze existing problems of legal regulation, develop proposals and recommendations for solving them and put forward its legal qualification. **Methodology.** The methodological basis of the research is the universal principles of scientific cognition (comprehensiveness, consistency, objectivity), methods of cognition (comparison, ascent from the abstract to the particular), general logical methods (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, classification, abstraction), special legal methods (formal legal, method of interpretation of the norms of law, dogmatic). **Results.** The author criticizes such reasoning and suggests new interpretation of demands to form contracts and proposes stimulating legal instruments, aimed at improvement of state of affairs. This is widely considered that as managerial the claims in question are not subject to succession or in any other way transferrable. The author criticizes such reasoning and proposes a number of renewed legal interpretations. He stands for improvements of regulation and the named problems resolution. The columnist puts forward the modes of perfections of relationship legislation base. The claim or a duty to conclude contracts not dependent on individuality of ancestor could not but be succeeded. Contemporary complicated turnover may not be placed under the rule with obstacle to such ground of transfer as inheritance. **Conclusion.** The demands to enter into contracts giving rise to bunch of interconnected mutual rights and obligations being a sort of property under art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation should also be considered as civil rights object. The author differentiates claims to conclude contracts into obligatory and non-obligatory ones. First category consists of demands based on preliminary contracts or those to offerors, etc.

Keywords: incentives to economy; concluding of contracts; precontracted duties; obligations; legal remedy; penalties.

REFERENCES

1. Meyer D.I. *Russian Civil Law*. Moscow, Statut Publ., 2003. 240 p. (In Russ.).
2. Shlotgauer M.A. History of legal regulation of purchase and sale of residential real estate in Russia. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2009, no. 1, pp. 35-44. (In Russ.).
3. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. *Cathedral Code of 1649*. Moscow, Moscow University Publishing House, 1961. 444 p. (In Russ.).
4. Alekseeva T.A. From the History of Teaching Roman Law at the Imperial St. Petersburg University. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii (Seriya: Pravovedenie) = Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*, 2001, no. 6, vol. 239, pp. 199-208. (In Russ.).

5. Batiev L.V. Roman Law and the Development of Legal Science in S.A. Muromtsev's Concept. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 8 (105), pp. 191-199. (In Russ.).
6. Meyer D.I. *About legal fictions and assumptions, about concealed and pretended actions*. Kazan, 1854. 127 p. (In Russ.).
7. Pobedonostsev K.P. *Course of civil law. Part 1. Patrimonial rights*. Moscow, Statut Publ., 2002. 800 p. (In Russ.).
8. Shershenevich G.F. *Textbook of Russian civil law*. Vol. 1, 11th ed. Moscow, Bashmakov Brothers Publ., 1914. 483 p. (In Russ.).
9. Karapetov A.G. (ed.) *Contract law (general part): article-by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation*. Moscow, M-Logos Publ., 2020. 1425 p. (In Russ.).
10. Krasavchikov O.A. *Categories of civil law science: selected works*, in 2 volumes. Vol. II, 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2017. 494 p. (In Russ.).
11. Lomakin D.V. *Corporate legal relations: general theory and practice of its application in economic societies*. Moscow, Statut Publ., 2008. 511 p. (In Russ.).
12. Poduzova E.V. Organization aspects of changes in contractual obligations. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 7, pp. 76-81. (In Russ.).
13. Egorov N.D. On the issue of the concept of obligation, in: *Collection of articles for the 55th anniversary of E. A. Krashenninikov*. Yaroslavl, YarGU Publ., 2006, pp. 36–49. (In Russ.).
14. Porotikova O.A. Not all that obligation that is called so. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2019, no. 1 (36), pp. 85-95. (In Russ.).
15. Annenkov K.N. *The System of Russian Civil Law*. Vol. 4. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1902. 670 p. (In Russ.).
16. Pobedonostsev K.P. *Course of civil law. Part 3. Contracts and obligations*. St. Petersburg, A. Benke Publ., 1880. 630 p. (In Russ.).
17. Karapetov A.G. *Claim on awarding to fulfil an obligation in kind*. Moscow, Statut Publ., 2003. 190 p. (In Russ.).
18. Lepskiy M.P. Compensation for damages and losses and illegal enrichment in the Senate practice, in: *Collection of provisions, extracted from decisions of the Civil and Criminal Cassation Departments and General Assemblies of the Governing Senate for 1866-1913, with adj. syst., alphanumeric, item and article-by-article index*. Moscow, Yurist Publ., 1914. (In Russ.).

About the author

Monastyrsky Yuri – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor of the Department of Civil Law and Process of Sevastopol State University Law Institute; Professor of the Department of International Private and Civil Law of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Postal address: 3, str. 1, Novinskii bul., Moscow, 121090, Russia

E-mail: monastyrsky@mzs.ru

SPIN-code: 6378-9760; AuthorID: 1050419

Article info

Received – April 10, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Monastyrsky Yu.E. Claims to Conclude a Contract as Class of Property in Turnover. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 43-51. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).43-51. (In Russ.).

УДК 347.921.65, 347.6

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(2).52-55

ВЗЫСКАНИЕ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО СЕМЕЙНЫМ СПОРАМ ИЛИ ПЛАТА ЗА ДИСКРЕЦИЮ?

Н. А. Темникова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Возмещение судебных расходов проигравшей стороной в теории и правоприменительной практике рассматривается как механизм обеспечения баланса интересов сторон. При этом нередко в качестве судебных расходов взыскивается денежная сумма, превышающая алименты, которые истец уплатил за предшествующий год, в связи с чем приобретает актуальность вопрос разумности пределов возмещения расходов на оплату услуг представителя в семейных спорах. **Цель.** Цель исследования – выявление соответствия критериям разумности взыскания судебных расходов по семейным спорам. **Результаты.** Предложено учитывать разумность и добросовестность поведения лица, заявившего требования о возмещении судебных расходов в семейном споре, наличие попыток внесудебного урегулирования, а также то, принимает ли сторона участие в содержании ребёнка. Кроме того, следует учитывать, что вопросы определения размера алиментов, порядка общения относятся к компетенции суда, что предполагает необходимость предусмотреть дополнительно основания для освобождения или уменьшения взыскиваемых расходов на представителя.

Ключевые слова: возмещение судебных расходов; алименты на несовершеннолетних детей; определение порядка общения с ребёнком; добросовестность; семейные споры.

1. Введение

Поводом для обозначения проблемы стало изучение практики взыскания судебных расходов по спорам об уплате алиментов (взыскание алиментов в твёрдой денежной сумме, изменение размера алиментов и т. д.), а также по спорам о воспитании детей, особенно по определению порядка осуществления родительских прав и порядка общения с ребёнком.

В процессуальной науке высказывались различные мнения о природе судебных издержек: убытки (М. А. Рожкова) [1, с. 572], цена процессуального участия (В. В. Груздев) [2, с. 38], но чаще их называют именно затратами на реализацию процессуальной формы. Выделяют обеспечительную, компенсационную и превентивную функции взыскания судебных издержек [3, с. 103].

Е. В. Васьковский обращал внимание, что для взыскания судебных издержек необходимо, чтобы ответчик дал повод для рассмотрения иска, дело было рассмотрено по существу и сторона проиграла дело [4, с. 368].

Применительно к семейным спорам необходимо учитывать, что ряд из них предполагает не столько спор о праве, сколько порядок его реализации или размер взыскиваемых сумм.

Например, при взыскании алиментов на ребёнка (если отцовство установлено и не оспаривается) спор о праве отсутствует – родитель обязан содержать ребёнка. Суд определяет лишь размер с учётом материального положения ответчика и заявителя и иных уважительных обстоятельств.

А. В. Юдин предложил именовать лицо, заведомо не являющееся нарушителем прав истца, условным ответчиком [5, с. 8]. Предполагаем, что в спорах, связанных с установлением размера алиментов, учитывая право суда на усмотрение, эта терминология также применима.

2. Анализ судебной практики

Сегодня если родитель, проживающий с ребёнком, просит назначить алименты в размере одного прожиточного минимума, но суд счёл, что целесообразно взыскать

0,8 прожиточного минимума, ответчик пропорционально вправе взыскать судебные расходы, хотя фактически требование было удовлетворено. Если же при этом суд отказал во взыскании алиментов за прошедший период, размеры судебных расходов значительно повышаются. В итоге они «погашают» платежи по алиментам за несколько периодов, что вряд ли соответствует социальной функции алиментных платежей.

Причём в расчёт доходов истца при выявлении оснований для отсрочки и рассрочки платежей суд может включить сами алименты¹.

В практике случается, что, обратившись в суд с требованием об изменении размера алиментов (например, в связи с рождением ребёнка в новой семье), истец взыскивает в качестве судебных расходов сумму, превышающую те алименты, которые он уплатил за предшествующий год.

Разумность пределов возмещения расходов на оплату услуг представителя – одна из правоприменительных проблем, находящихся в поле судебной дискреции.

В отличие, например, от Германии, не учитывается недобросовестность использования процессуальных прав (предоставление заведомо ложной информации) [6, с. 159].

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует указание на учёт специфики дела, недобросовестность стороны и иные факторы.

В итоге кодекс, предназначенный для рассмотрения семейных дел, где не всегда бывают «правые» и «виноватые», защищает не столько интерес сторон, сколько права ребёнка, не учитывает материальное положение сторон и размеры взысканных алиментов, хотя, например, применительно к иску о компенсации за нарушение исключительного права Верховный Суд РФ счёл необходимым ограничить судебные расходы размером взысканной компенсации².

При рассмотрении споров о взыскании алиментов при добросовестном поведении истца, отсутствии спора о праве на взыскание алиментов суду следует предоставить больше возможностей для уменьшения размера взыскиваемых судебных расходов.

Ещё больше вопросов вызывает взыскание судебных расходов по спорам об опреде-

лении порядка участия в воспитании ребёнка и порядка общения с ним.

В соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 янв. 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», положения процессуального законодательства о пропорциональном возмещении (распределении) судебных издержек не подлежат применению при разрешении иска неимущественного характера. При этом не учитывается, препятствовал ли второй родитель такому общению, имелись ли попытки общения, исполняет ли истец обязанности по содержанию ребёнка. В итоге создаётся возможность злоупотребления правом на обращение в суд и последующее взыскание судебных расходов.

Судами отмечается отсутствие препятствий для возмещения судебных издержек, понесённых при рассмотрении дела об определении порядка общения с ребёнком [7, с. 87]. Напомним, что вопрос о том, в каком размере уплачивает алименты отец, судом не поднимается, хотя забота о праве ребёнка на общение с родителем не должна отменять вопрос его содержания.

Более разумен подход, когда суд делает вывод о том, что определение порядка общения родителя с ребёнком относится к компетенции суда, поэтому несоответствие порядка общения с ребёнком, предложенного в исковом заявлении, порядку общения, определённого судом, не свидетельствует о частичном удовлетворении его иска³.

3. Заключение

Таким образом, в семейных, жилищных спорах необходим учёт материального положения сторон, разумности и добросовестности поведения лица, заявившего требования о возмещении судебных расходов.

Главенствующим интересом в данном случае является не интерес истца и ответчика, а интерес ребёнка. Дискреционное определение судом размера алиментов или снижение размера алиментов или задолженности по ним нельзя рассматривать как частичное удовлетворение или отказ от иска.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: Определение Осинского районного суда Пермского края от 18 сент. 2024 г. по делу № 2-220/2024.

² П. 47 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 июля 2020 г.

³ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 5 апр. 2022 г. № 88-6278/2022 по делу № 13-1812/2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рожкова М. А. Проблемы возмещения расходов на оплату услуг представителей и иных судебных убытков // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2006. – С. 561–607.
2. Груздев В. В. Правовая природа «процессуальных убытков» // Вестник арбитражной практики. – 2013. – № 3. – С. 34–40.
3. Шмотин К. С. Правовая природа издержек, связанных с рассмотрением дела // Современное право. – 2018. – № 10. – С. 99–104.
4. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. – [Воспроизводится по изд. 1917 г.] / с предисл. и под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2003. – 441 с.
5. Юдин А. В. Процессуальная фигура «условного» ответчика в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 8. – С. 6–10.
6. Матюшенков Р. Ю., Филатова М. А. Неразумная разумность, или Вынужденные убытки от правосудия (еще раз о возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя) // Закон. – 2019. – № 12. – С. 156–165.
7. Якушев П. А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика. – М. : Проспект, 2018. – 144 с.

Информация об авторе

Темникова Наталья Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия, Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: nat_temnikova@mail.ru

SPIN-код: 3675-5504; AuthorID: 540047

Информация о статье

Дата поступления – 5 февраля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Темникова Н. А. Взыскание судебных расходов по семейным спорам или плата за дискрецию? // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 52–55. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).52-55.

COLLECTION OF FAMILY DISPUTE COURT COSTS OR DISCRETION FEES?

N.A. Temnikova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. Reimbursement of court costs by the losing party in theory and law enforcement practice is considered as a mechanism to ensure a balance of interests of the parties. At the same time, a sum of money is often collected as court costs in excess of the alimony that the plaintiff paid for the previous year. In this regard, the issue of the reasonableness of the limits of reimbursement for the services of a representative in family disputes becomes relevant. **Purpose.** The purpose of the study is to identify compliance with the criteria for the reasonableness of collecting court costs in family disputes. **Results.** It is proposed to take into account the reasonableness and good faith of the behavior of the person who filed claims for reimbursement of court costs in a family dispute, the existence of attempts at an out-of-court settlement, whether the party participates in the maintenance of the child. It should also be borne in mind that the issues of determining the amount of alimony and the procedure for communication are within the jurisdiction of the court, which implies the need to provide additional grounds for the release or reduction of the recoverable expenses for a representative.

Keywords: reimbursement of legal costs; child support; determination of the procedure for communication with the child; good faith; family disputes.

REFERENCES

1. Rozhkova M.A. Problems of reimbursement of expenses for the services of representatives and other bailiffs, in: Rozhkova M.A. (ed.). *Losses and the practice of their compensation*, collection of articles. Moscow, Statut Publ., 2006, pp. 561-607. (In Russ.).
2. Gruzdev V.V. The legal nature of “procedural damages”. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki = Bulletin of Arbitration Practice*, 2013, no. 3, pp. 34-40. (In Russ.).
3. Shmotin K.S. The legal nature of the costs associated with the consideration of the case. *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2018, no. 10, pp. 99-104. (In Russ.).
4. Vaskovsky E.V.; Tomsinov V.A. (ed.). *Textbook of civil procedure* (reproduced from the 1917 edition). Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 441 p. (In Russ.).
5. Yudin A.V. The procedural figure of the “conditional” defendant in civil proceedings. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2011, no. 8, pp. 6-10. (In Russ.).
6. Matyushenkov R.Yu., Filatova M.A. Unreasonable reasonableness, or Forced losses from justice (once again on reimbursement of court costs for paying for the services of a representative). *Zakon = Law*, 2019, no. 12, pp. 156-165 pp. (In Russ.).
7. Yakushev P.A. *Disputes about children: traditional values and judicial practice*. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 144 p. (In Russ.).

About the author

Temnikova Natalia – Ph.D. in Law, Docent,
Assistant Professor of the Department of Civil Law
Dostoevsky Omsk State University
Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099,
Russia
E-mail: nat_temnikova@mail.ru
SPIN-code: 3675-5504; AuthorID: 540047

Article info

Received – February 5, 2025
Accepted – July 3, 2025

For citation

Temnikova N.A. Collection of Family Dispute Court Costs or Discretion Fees? *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 52-55. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).52-55. (In Russ.).

УДК 349

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).56-64

ИСКАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ ТРУДОВОГО ПРАВА КАК ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОЙ ОТРАСЛИ

С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Введение. Устанавливаются причины искажения роли публичной составляющей в традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли, и определяются способы купирования проблемы. **Методология.** Используются методы анализа, синтеза, формально-юридический, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой, метод толкования правовых актов. **Результаты.** На примере гражданского и истории становления трудового права исследованы причины изменения предмета традиционных и возникновения новых отраслей в условиях смены технологических укладов. Исследуется теория трудовых правоотношений как частно-публичных. Формулируются предположения о будущей трансформации частного и публичного права в контексте изменения экономической парадигмы общества. Обосновывается усиление роли публичной компоненты в существующих и возникающих новых социальных отраслях права. В отсутствие базисной экономической потребности в изменении правового регулирования в традиционных отраслях экономики, обосновывается утверждение о неэффективности регулирования отношений, связанных с использованием личного труда, в перспективных видах организации производства средствами гражданского права. Широкое использование принципа дифференциации правового регулирования разных договоров в трудовом праве в большей степени позволит защитить права сторон отношений в новых зарождающихся способах организации труда, свойственных будущему технологическому укладу, равно как и обеспечить публичный интерес. **Заключение.** В сложившейся в отечественной науке структуре научных специальностей учёные в области трудового права будут разнесены по разным советам, подвергаясь всё большему влиянию специалистов либо по частному, либо публичному праву. Примитивизация номенклатуры научных специальностей, невключение в неё частно-публичных советов приведёт со временем к исчезновению частно-публичных отраслей, заменив их методологию частноправовой. При этом такое правовое регулирование вступит в противоречие с базовыми экономическими потребностями, обусловленными организацией производства и труда.

Ключевые слова: отрасль права; трудовые отношения; правоотношения; предмет трудового права; платформенная занятость; самозанятость; дифференциация; частное право; публичное право; гражданское право; социальное право.

1. Введение

Глобальный кризис современности [1, с. 5–19], отсутствие верифицированной перспективной философско-правовой модели как итога переходного периода [2, с. 7–18] всё чаще заставляет нас обращаться к успешным традиционным отечественным доктринам и практикам, межотраслевой публичной или частной методологии [3, с. 208–209; 4, с. 21–34]. В ряду национальных отраслей советское трудовое право было доктринальным мировым лидером, а к концу 70-х гг. прошлого века – и практической моделью правового регулирования труда для юридических систем многих стран мира, утратив этот статус в попытках имплементации не всегда успеш-

ных современных западных норм в переходный период 90-х гг. прошлого века [5, с. 18–19]. Изъятие под любым предлогом из этой модели публичной компоненты не позволит ни защитить права сторон трудового договора, ни обеспечить публичный интерес.

2. Краткий исторический обзор формирования трудового права как частно-публичной отрасли права

В самом начале своего формирования, трудовое право напоминало отрасль публичного права (Устав о промышленном труде¹ – нормативный акт, в целом относящийся к административному (полицейскому праву) с элементами частного), но почти сразу оно стало рассматриваться как институт права

гражданского, поскольку в основе трудовых правоотношений лежал цивилистический договор найма труда, очень быстро названный трудовым [6, с. 9–12].

Труд на промышленных предприятиях в XIX в. регламентировался гражданским правом – на основании договоров подряда, возмездного оказания услуг (сегодня эти договоры регламентируются главами 37 (ст. 702–768), 39 (ст. 779–783.1) Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ), личного найма, а впоследствии – и найма труда. Почему в России на рубеже XIX–XX вв. начали рассуждать о договоре найма труда в качестве института гражданского права, а не административного? Фабричное (промышленное) право включало в себя законодательство, ограничивавшее хозяйскую власть работодателя (охрана труда, ограничение продолжительности рабочего времени), законодательство о социальном страховании от несчастных случаев на производстве и законодательство о нормативных (тарифных) соглашениях. Оно было более объёмным, нежели нормы ГК, составляющие институт найма, в них была сведена к минимуму диспозитивность – по современным критериям их с полным правом следовало бы относить к административному праву. Третьей инъекцией в тело договора найма стало законодательство о профсоюзах для отстаивания работниками своих интересов во взаимоотношениях с работодателями при заключении тарифных соглашений – то, что сегодня мы называем социальным партнёрством, имеющим «ярко выраженные публичные начала» [7, с. 375], ведь главной чертой публично-правовых норм является их направленность на обеспечение конкретного государственного или общественного интереса [8, с. 42].

Исторический процесс способствовал становлению новой отрасли: уже в 1918 г. был принят первый КЗоТ РСФСР², в 1922 г. за ним последовал новый³, десятилетиями изменявшийся и дополнявшийся, обраставший массой подзаконных актов. Накопленный нормативный материал позволил Н. Г. Александрову теоретически обосновать формирование самостоятельной частно-публичной отрасли советского права – трудового [9].

Действительно, сложное переплетение свободно вступающих в трудовые отношения

на основании договора, но вынужденных выполнять обязательства по договору исключительно личным трудом, подчиняясь в процессе трудовой деятельности хозяйской воле работодателя, элементов правоотношений, свойственных и частному, и публичному праву, с тем, чтобы сколь-либо эффективно функционировать, должно представлять собой взаимосвязанную интегративную совокупность, имеющую антиэнтропийный характер, т. е. систему, удаление части элементов из которой влечёт разбалансировку системы в целом с возможным последующим разрушением.

Самостоятельные универсальные теории трудовых правоотношений во второй половине XX в. удалось создать Н. Г. Александрову и В. Н. Скобелкину [10; 11, с. 122–124], исследовавшим объект под разными углами зрения. Если первый создал абстрактную модель единого, неделимого правоотношения, расценивая все исключения как подтверждающие правильность его теоретической модели, то второй использовал и правила, и исключения из них как равноценный строительный материал в своих теоретических наработках. Один исследовал правовые нормы, а второй – и их реализацию. Получившиеся теории можно условно назвать статической и динамической соответственно.

Н. Г. Александров теоретически обосновывал создание отрасли, и в это единое правоотношение «подтягивал» правовые связи из смежных отраслей права, а неделимостью правоотношения прикреплял их к трудовому праву, к предмету отрасли. Сейчас о проблеме отраслевой самостоятельности трудового права начали рассуждать на фоне реформы юридических специальностей [7, с. 372–377], но, даже будучи разорванным в номенклатуре между частным и публичным, трудовое право не перестанет существовать как самостоятельная отрасль со своими предметом и методом, пока существует несамостоятельный труд. К её исчезновению, на наш взгляд, может привести только смена технологического уклада, влекущая за собой такие изменения организации производства и общества, при которых несамостоятельный труд не будет востребован полностью и нормам отрасли нечего станет регулировать. Но проблемы для развития науки трудового права действующая номенклатура уже создаёт.

3. Трудовое право, гражданское право, новое социальное право: межотраслевая конкуренция

Тем не менее наличие в трудовом праве публично-правовой компоненты не рассматривается как достаточный признак его отграничения от других цивилистических отраслей, поскольку и им в той или иной степени свойственны публично-правовые начала и в предмете правового регулирования, и в его механизме [12, с. 12; 13, с. 224].

Более того, отмечается и встречный процесс – восприятие в целом как не свойственных гражданскому праву целой группы общественных отношений, связанных с правовым регулированием личных неимущественных прав⁴ [14, с. 94–103]. В ближайшей перспективе гражданскому праву самому придётся побороться за сохранение текущего своего предмета и попытаться перетянуть на себя (в состязании с публичными полностью или частично отраслями) ещё пока «бесхозные», появляющиеся и способные появиться уже на наших глазах вызванные технологическими изменениями новые общественные отношения [15, с. 113–122].

В современных условиях следует разработать теорию Александрова – Скобелкина – теорию множественности единых трудовых правоотношений, возникающих на основании открытого перечня видов трудовправовых договоров и недоговорных оснований (например, обязательный труд в порядке исполнения наказания), которая предполагает, что исключение из единого трудовправового отношения определённого вида отдельных правовых связей не только может разрушить это правоотношение как трудовое, превратив его в гражданско-правовое, но и только лишь (и – как правило) превратить его в другой трудовправовой договор из длинного и открытого перечня, закреплённого в изменённом Трудовом кодексе РФ.

Такой подход позволит завершить начатый полтора столетия назад процесс и окончательно изъять из предмета гражданского права все договоры, предусматривающие наём труда, оставив ему на первых порах только договор личного найма между физическими лицами, предполагающий равенство сторон, если это не самостоятельный (т. е. самостоятельный) труд не у единственного работодателя.

Следует модифицировать доктрину трудового права и теорию трудовых правоотношений с тем, чтобы предмет трудового права как частно-публичной отрасли распространялся на всякие отношения с применением несамостоятельного труда: платформенные, самозанятых (индивидуальных предпринимателей), оказывающих услуги одному (единственному) нанимателю и др., ныне существующие и те, которые могут появиться в будущем. Для этого трудовое право, нацеленное сегодня на один определённый тип организации труда (с нюансами и существенной дифференциацией) – труда коллективов работников на индустриальных предприятиях, технологически относимых к третьему и четвёртому технологическим укладам, и выработавшее оптимальную систему защиты слабой стороны трудовых отношений, характеризующейся стабильностью этих отношений, отдельными своими институтами распространялось и на другие, новые и возможные, формы организации труда, которые возникли и ещё возникнут в будущем [16; 17; 18; 19; 20] как наиболее соответствующие организации производства с использованием технологий пятого и шестого технологических укладов.

Представляется, что этими институтами, как и в начале XX в., должны стать охрана труда, социальное страхование и социальное партнёрство. Требования первых двух уже сегодня, так или иначе, фактически охватывают трудящихся независимо от способа организации производства и выходят за рамки классического предмета трудового права. Осталось только распространить на всех нормы института социального партнёрства, что вынудит создавать социально-партнёрские структуры во всех новых областях применения несамостоятельного труда хотя бы даже для того, чтобы избежать автоматического распространения на них договорённостей классических социальных партнёров, достигнутых на федеральном и отраслевом уровнях [21, с. 59–64].

Итогом распространения института социального партнёрства станет постепенное применение к новым отношениям отдельных норм иных институтов трудового права, которое со временем будет полностью регламентироваться нормами Трудового кодекса РФ об отдельных видах трудовправовых договоров.

Полное поглощение со временем правового регулирования новых форм организации предметом трудового права – один вариант развития событий. Второй – появление новых отраслей, как и выход на рубеже XIX – XX вв. на арену истории трудового права как комплексной отрасли, впитавшей в себя институты права гражданского и административного с единственным отличием: теперь и трудовое право может стать донором. При этом, вероятно, придётся исключить из предмета гражданского права личные неимущественные отношения, переместив их в предмет иных отраслей. Трудовое, семейное, жилищное, хозяйственное право и другие отрасли своё от права гражданского уже получили. В научной трудовом правовой литературе время от времени предлагается адаптировать (без изъятия из предмета) и иные институты и нормы гражданского права или применять отдельные его нормы к трудовым отношениям субсидиарно [22, с. 17–18; 23, с. 46–55]. Теперь предстоит формировать предмет «нового социального права», включающего в себя социальное обеспечение, социальную защиту и социально-сетевое право, которое в условиях возможного внедрения безусловного базового дохода (хлеба) станет исполнять ещё и роль зрелищ. Какие-то группы личных неимущественных отношений образуют, возможно, и иные отрасли права (также с включением элементов права публичного), которые будут вызваны к жизни меняющимися технологиями организации экономической и социальной жизни. Альтернатива – инъекции в отрасль гражданского права такого объёма публичного элемента (по рецепту приготовления лягушки), за которым не видно будет частной сущности отрасли – равенства сторон, свободы договора и т. д., по типу параграфа 6 главы 30 ГК РФ, включая ч. 2 ст. 548 ГК РФ и соответствующее законодательство.

А. А. Иванов допускает неблагоприятные для отрасли гражданского права последствия осуществлённого шестьдесят лет назад расширения её предмета за счёт включения в него неразрывно связанных с личностью неимущественных отношений⁵. Так может лучше для отрасли восстановить *status quo (ante bellum)*, чем утратить оригинальность? Проникновение публичного элемента в отдельные институты рано или поздно изменит

и все остальные. А государство никогда не допустит регулирования неразрывно связанных с личностью отношений исключительно частноправовыми методами, особенно в условиях начавшейся трансформации (положительной или отрицательной – не важно, это оценочное суждение, базирующееся на сформированном у субъекта мировоззрении) экономической и общественной моделях.

Как будет выглядеть договор перевозки в условиях ограничений QR-кодирования? Брутальное продавливание кодировки в своё время замещалось умным и тихим – через электронные паспорта, применение которых само по себе удобно и которые будут востребованы людьми. Этот документ в гораздо большей степени позволяет государству вмешиваться в частноправовые отношения с участием граждан, существенно влияя на свободу договора. Ещё большие возможности для этого предоставит широкое использование для установления личности биометрических данных при условии совмещения их с соответствующими базами данных – привитых, судимых, закредитованных, подозрительных, шумных, нелояльных... Использование биометрии и предоставление своих биометрических данных государству довольно популярны⁶.

Ну а окончательно крест на приватности может поставить цифровой рубль [24, с. 29–31], позволяющий задать время действия каждой платёжной единице, целевое назначение, место применения и иные параметры. Это позволит жёстко контролировать (предписывать любому и каждому), когда, где и на какие цели тратить электронные деньги (а других уже и не будет), бороться с пороками (кефир приобрести можно, а сигареты – нет), нормировать потребление (молока можно и нужно (срок действия соответствующего рубля прекратится) приобрести два литра в неделю, а сахара – ноль граммов, ибо сахар – белая смерть), заполнить многочисленные новые сибирские города (если местом расходования всех поступивших петербуржцу цифровых рублей будет Новокожугетовск-на-Колыме) и т. д.

Задача юриста состоит в том, чтобы из элементов (норм) зачастую разной отраслевой принадлежности создать правовую модель (смоделировать комплекс правоотноше-

ний), обеспечивающую функционирование бизнес-модели, модели управления социальными процессами и др. Юрист на основе субъектного состава и характера их деятельности создаёт модель правовой регламентации комплекса правоотношений, словно складывает домик из кубиков. И чем больше кубиков – тем красивее может стать этот дом, тем удобнее будет в нём жить, тем он будет крепче и долговечнее. Очевидно, многообразие могут обеспечить только диспозитивные предписания. Императивные нормы (делай так или садись в тюрьму) позволят смоделировать только самый примитивный барак. Но всё же фундамент и каркас этого здания должны быть регламентированы императивно, обеспечивая устойчивость и жёсткость всей конструкции, без «снийпов-хрипов» нам при этом просто не обойтись.

Обычными гражданско-правовыми мерами уже сегодня не может быть обеспечено соблюдение прав сторон в договорах присоединения. Предложение вместо неэффективной защиты от несправедливых условий таких договоров, предусмотренной ст. 428 ГК РФ, использования других механизмов, таких как блокировка навязанных сильной стороной условий на основании ст. 10 ГК РФ [25, с. 42–47], вызывает вопросы. Применение ст. 10 ГК РФ иначе, как исключительной, чрезвычайной меры, на наш взгляд, свидетельствует о неготовности стандартных гражданско-правовых способов защиты стороны сделки. Быть может, правильное (эффективнее с точки зрения защиты прав сторон) было бы регулировать соответствующие отношения не гражданским правом, а, например, антимонопольным, совмещающим частные и публичные черты, с перемещением их в предмет соответствующей отрасли. Это, собственно, и произошло в своё время с трудовыми отношениями, основанными на классическом трудовом договоре, предполагающем неравенство сторон (хозяйская власть работодателя) и исключительно личное исполнение обязательств по договору работником [26, с. 118–119] (да, в какой-то степени, и работодателем – в этом, как нам представляется, одна из причин запрета заёмного труда в России).

Статья А. А. Иванова подводит к выводу о том, что идея правового регулирования

«нового социального права» может быть реализована установлением перечня запретов (что, собственно, и предлагает сам автор⁷), перечня дозволений (попробуй перечисли все случаи, которые могут возникнуть в трансформирующемся обществе) или всё оставить как есть и регулировать его договорными диспозитивными методами, но тогда без широкого применения ст. 10 ГК РФ обойтись не удастся, что заразно и может стать обычным и для иных институтов гражданского права. Зачем гражданскому праву регулирование целого блока отношений строить на оценке нравственных категорий? В каждом случае это будет делать суд. Но ведь он может и так поступить⁸, не правда ли?

4. Заключение

В чём же состоит деструктивное влияние искажения роли публичной составляющей в традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли? В отсутствие базисной экономической потребности в изменении правового регулирования в традиционных отраслях экономики, представляется сомнительным результат регулирования отношений, связанных с использованием личного труда, в перспективных способах организации производства средствами гражданского права. Мы можем ошибаться, но широчайшее использование принципа дифференциации правового регулирования разных договоров в трудовом праве в гораздо большей степени позволит защитить права сторон отношений в новых зарождающихся способах организации труда, свойственных будущему технологическому укладу. Но наша точка зрения не будет никого интересовать в сложившейся в отечественной науке структуре научных специальностей: «трудовики», будучи разнесёнными по разным советам, станут подвергаться всё большему влиянию либо специалистов по частному, либо публичному, либо международному праву. Спустя недолгое время они будут столь же далеки друг от друга в сущностном понимании предмета исследования, как сегодня далеки специалисты в области трудового права и права социального обеспечения: будучи изначально неразрывным целым (социальное страхование стало одним из причин выделения трудового договора), образуя экономическую основу и надстройку

единой системы (труд лежит в основе социального обеспечения), они уже сегодня не всегда понимают друг друга.

Упрощение номенклатуры научных специальностей, исключение из неё частно-публичных советов приведёт со временем к исчезновению частно-публичных отраслей не по названию, но по сути, уравнивая их методологию с частно- или публично-правовой. При этом такое правовое регулирование вступит в противоречие с базовыми экономическими потребностями, обусловленными организацией производства и труда.

Правильным и довольно простым способом нормализации ситуации и предотвращения вреда организации экономики в будущем является закрепление в номенклатуре частно-публичных специальностей и советов. Это поможет тактически сохранить частно-публичные модели ряда современных отраслей российского права, включая трудовое, и в перспективе стратегически перейти к созданию на базе этой гибридной модели нового социального права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свод законов Российской Империи. Т. XI. Ч. II.

² Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1918. – № 87/88. – Ст. 905.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савенков А. Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 5–19. – DOI: 10.31857/S013207690004632-7.
2. Савенков А. Н., Горбань В. С. В. С. Нерсисянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 7–18. – DOI: 10.31857/S102694520027731-5.
3. Маликов С. В. Межотраслевая защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации (обзор международной научно-практической конференции) // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 207–213. – DOI: 10.31857/S1026945224020227.
4. Савенков А. Н., Камболов М. А., Дроздов И. А. и др. Междисциплинарная защита трудовых и социальных прав в условиях общественной трансформации : моногр. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2024. – 430 с.
5. Чуча С. Ю. Историографические контексты концептуализации и применения гибридных и постглобального правовых режимов: социально-трудовой аспект // Государство и право. – 2024. – № 11. – С. 114–124. – DOI: 10.31857/S10269452241100109.
6. Таль Л. С. Трудовой договор : Цивилистическое исследование. Ч. 1. Общие учения. – Ярославль : Тип. Губерн. управления, 1913. – 362 с.
7. Зайцева Л. В. Развитие публично-правовых начал в современном российском трудовом праве // Демидовский юридический журнал. – 2024. – Т. 14, № 4. – С. 372–377. – DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-372-377.
8. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М. : Статут. 1999. – 712 с.
9. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. – М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – 336 с.
10. Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения. – М. : Вердикт-1М, 1999. – 372 с.

³ КЗоТ РСФСР // Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. – 1922. – Отд. 1. – № 70. – Ст. 903.

⁴ Блог Антона Иванова. Новое социальное право – 2. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/02/novoe_socialnoe_pravo_-2 (дата обращения: 09.01.2024).

⁵ Там же.

⁶ Собынин назвал дату запуска системы оплаты проезда в метро по лицу // РБК. 1 сентября 2021 г. – URL: <https://www.rbc.ru/society/01/09/2021/612f708c9a7947ca58c04b51> ; Двудикая цифровизация // Парламентская газета. – 2022. – 10 янв. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/dvulikaya-cifrovizaciya.html> (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ Блог Антона Иванова. Новое социальное право – 5. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/04/08/novoe_socialnoe_pravo_-5 (дата обращения: 08.01.2024).

⁸ Ojo, es un bulo: el Tribunal Constitucional no ha avalado que se pueda pagar una deuda con sexo oral. – URL: <https://www.20minutos.es/noticia/4936950/0/ojo-es-un-bulo-el-tribunal-constitucional-no-ha-avalado-que-se-pueda-pagar-una-deuda-con-sexo-oral/> (дата обращения 9 января 2022 г.).

Понятно, что Конституционный суд никому ничего не разрешил, ибо ничего и не рассматривал. Но ведь какой-то судья признал законным использование столь неожиданного средства расчёта для погашения экономического долга.

11. Чуча С. Ю. Занятость, труд, правоотношения: к столетию со дня рождения В. Н. Скобелкина (обзор круглого стола) // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – № 3. – С. 122–124. – DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(3).122-124.
12. Бублик В. А. Правовое регулирование предпринимательства: частные и публичные начала // Хозяйство и право. – 2000. – № 9. – С. 12–22.
13. Михайлова Е. В. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции : моногр. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2024. – 638 с.
14. Иванов А. А. Расширение предмета гражданского права: социальный аспект // Закон. – 2021. – № 9. – С. 94–103.
15. Чуча С. Ю. К вопросу о «новом социальном праве» и предмете гражданского права // Закон. – 2022. – № 4. – С. 113–122. – DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122.
16. Petrylaite D. The flexibility by Atypical Labour Agreements. International project IP flexem. Vilnius, Vilnius University Publishing House, 2006. – 215 p.
17. Prassl J., Risak M. Uber, TaskRabbit, & Co: Platforms as Employers? Rethinking the Legal Analysis of Crowdwork // Comparative Labor Law & Policy Journal. – 2016. – № 8. – 30 p.
18. Prassl J. Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy. – 1st ed. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 199 p.
19. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society // Russian Law Journal. – 2020. – Vol. VIII, iss. 1. – P. 138–157. – DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
20. Chucha S. Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard // Supremacy of law. – 2021. – № 2. – С. 141–150. – DOI: 10.52388/2345-1971.2021.e2.12.
21. Чуча С. Ю. Социальное партнёрство как институт обеспечения интересов российского государства в сфере занятости // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 57–66. – DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(1).57-66.
22. Бару М. И. О субсидиарном применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям // Советская юстиция. – 1963. – № 14. – С. 17–18.
23. Абрамова А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 46–55.
24. Музыка М. В. Цифровой рубль в ряду форм оплаты труда: проблемы и перспективы использования // Трудовое право в России и за рубежом. – 2024. – № 3. – С. 29–31. – DOI: 10.18572/2221-3295-2024-3-29-31.
25. Церковников М. А. О специальной защите слабой стороны в договоре присоединения // Закон. – 2021. – № 9. – С. 42–47.
26. Чуча С. Ю. Предмет трудового права в постиндустриальном информационном обществе и доктрина трудовых правоотношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 117–120. – DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(2).117-120.

Информация об авторе

Чуча Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, почётный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области трудового права и права социального обеспечения, главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук

Адрес для корреспонденции: 119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

SPIN-код: 6043-1045; AuthorID: 475874

WoS Researcher ID: AAB-6526-2021

ORCID: 0000-0001-5771-6323

Информация о статье

Дата поступления – 10 февраля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Чуча С. Ю. Искажение традиционной российской модели трудового права как частно-публичной отрасли // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 56–64. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).56-64.

DISTORTION OF THE TRADITIONAL RUSSIAN MODEL OF LABOR LAW AS A PRIVATE-PUBLIC BRANCH OF LAW

S.Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Introduction. The article establishes the reasons for the distortion of the role of the public component in the traditional Russian model of labor law as a private-public sector, and determines the ways to eliminate the problem. **Methodology.** The methods of analysis, synthesis, formal-legal, comparative-historical and comparative-legal methods of interpretation of legal acts are used. **Results.** Using the example of civil and the history of the formation of labor law, the reasons for changing the subject of traditional and the emergence of new branches in the context of changing technological structures are studied. The theory of labor relations as private-public is studied. Assumptions are formulated about the future transformation of private and public law in the context of changing the economic paradigm of society. The strengthening of the role of the public component in existing and emerging new social branches of law is substantiated. In the absence of a basic economic need to change legal regulation in traditional sectors of the economy, the assertion is substantiated about the inefficiency of regulating relations associated with the use of personal labor in promising types of production organization by means of civil law. The widespread use of the principle of differentiation of legal regulation of various contracts in labor law will to a greater extent protect the rights of the parties to the relationship in the new emerging methods of organizing labor, characteristic of the future technological order, as well as ensure the public interest. **Conclusion.** In the structure of scientific specialties that has developed in domestic science, scientists in the field of labor law will be distributed among different councils, subject to increasing influence of either specialist in private or public law. As a result of the primitivization of the nomenclature of scientific specialties, the failure to include private-public councils in it will lead to the disappearance of private-public branches over time, replacing their methodology with private law. At the same time, such legal regulation will come into conflict with the basic economic needs conditioned by the organization of production and labor.

Keywords: branch of law; labor relations; legal relations; subject of labor law; platform employment; self-employment; differentiation; private law; public law; civil law; social law.

REFERENCES

1. Savenkov A.N. Global crisis of modernity as a subject of philosophy of law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 4, pp. 5-19. DOI: 10.31857/S013207690004632-7. (In Russ.).
2. Savenkov A.N., Gorban V.S. V.S. Nersesyants as a philosopher of the law of the transitional period: from Soviet to post-Soviet. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 9, pp. 7-18. DOI: 10.31857/S102694520027731-5. (In Russ.).
3. Malikov S.V. Intersectoral protection of labor and social rights in the context of social transformation (review of the international scientific and practical conference). *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 2, pp. 207-213. DOI: 10.31857/S1026945224020227. (In Russ.).
4. Savenkov A.N., Kambolov M.A., Drozdov I.A. et al. *Interdisciplinary protection of labor and social rights in the context of social transformation*, monograph. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2024. 430 p. (In Russ.).
5. Chucha S.Yu. Historiographic contexts of conceptualization and application of hybrid and post-global legal regimes: social and labor aspect. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 11, pp. 114-124. DOI: 10.31857/S10269452241100109. (In Russ.).
6. Tal L.S. *Labor contract: Civilistic study, Part 1, General teachings*. Yaroslavl, Printing House of the Provincial Government, 1913, 362 p. (In Russ.).
7. Zaitseva L.V. Development of public law principles in modern Russian labor law. *Demidovskii juridicheskii zhurnal = Demidov Law Journal*, 2024, vol. 14, no. 4, pp. 372-377. DOI: 10.18255/2306-5648-2024-4-372-377. (In Russ.).
8. Alekseev S.S. *Law: ABC – Theory – Philosophy. Experience of a Comprehensive Study*. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p. (In Russ.).
9. Aleksandrov N.G. *Labor relations*. Moscow, Legal publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1948. 336 p. (In Russ.).
10. Skobelkin V.N. *Labor relations*. Moscow, Verdict-1M Publ., 1999. 372 p. (In Russ.).
11. Chucha S.Yu. Employment, Labor, Legal Relations: on the Centenary of the Birth of V.N. Skobelkin (Review of the Round Table). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2024, no. 3, pp. 122-124. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(3).122-124. (In Russ.).
12. Bublik V.A. Legal regulation of entrepreneurship: private and public principles. *Khozyaistvo i pravo = Business and Law*, 2000, no. 9, pp. 12-22. (In Russ.).

13. Mikhailova E.V. *Institutions for the protection of state interests in the sphere of civil jurisdiction*, monograph. Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. 638 p. (In Russ.).
14. Ivanov A.A. Expansion of the subject of civil law: social aspect. *Zakon = Law*, 2021, no. 9, pp. 94-103. (In Russ.).
15. Chucha S.Yu. On the issue of the “new social law” and the subject of civil law. *Zakon = Law*, 2022, no. 4, pp. 113-122. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-4-113-122. (In Russ.).
16. Petrylaite D. *The flexibility by Atypical Labour Agreements. International project IP flexem*, Vilnius, Vilnius University Publishing House, 2006. 215 p.
17. Prassl J., Risak M. Uber, TaskRabbit, & Co: Platforms as Employers? Rethinking the Legal Analysis of Crowdwork, *Comparative Labor Law & Policy Journal*, 2016, no. 8, 30 p.
18. Prassl J. *Humans as a Service: The Promise and Perils of Work in the Gig Economy*, 1st ed. Oxford, Oxford University Press, 2018. 199 p.
19. Laptev V., Fedin V. Legal Awareness in a Digital Society. *Russian Law Journal*, 2020, vol. VIII, iss. 1, pp. 138-157. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-1-138-157.
20. Chucha S. Remote work as a method of labor protection in periods of public hazard. *Supremacy of law*, 2021, no. 2, pp. 141-150. DOI: 10.52388/2345-1971.2021.e2.12.
21. Chucha S.Yu. Social Partnership as an Institution for Ensuring the Interests of the Russian State in the Sphere of Employment. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2024, vol. 21, no. 1, pp. 57-66. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(1).57-66. (In Russ.).
22. Baru M.I. On the subsidiary application of civil law norms to labor relations. *Sovetskaya yustitsiya = Soviet Justice*, 1963, no. 14, pp. 17-18. (In Russ.).
23. Abramova A.I. Subsidiary application of legal norms as a way to optimize legislative regulation. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 10, pp. 46-55. (In Russ.).
24. Muzika M.V. Digital ruble among forms of remuneration: problems and prospects of use. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*, 2024, no. 3, pp. 29-31. DOI: 10.18572/2221-3295-2024-3-29-31. (In Russ.).
25. Tserkovnikov M.A. On special protection of the weak party the adhesion contract, *Zakon = Law*, 2021, no. 9, pp. 42-47. (In Russ.).
26. Chucha S.Yu. The subject of labor law in the post-industrial information society and the doctrine of labor relations. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 117-120. DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(2).117-120. (In Russ.).

About the author

Chucha Sergey – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research of Labor Law and Social Security Law, Chief Researcher of the Department of Trial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Postal address: 10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

SPIN-code: 6043-1045; AuthorID: 475874

WoS Researcher ID: AAB-6526-2021

ORCID: 0000-0001-5771-6323

Article info

Received – February 10, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Chucha S.Yu. Distortion of the Traditional Russian Model of Labor Law As a Private-Public Branch of Law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo” = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 56-64. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).56-64. (In Russ.).

УДК 347.9

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).65-71

ПРИМЕНЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСКОРЕННЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕДУРАХ

Ю. А. Кондюрина

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Одной из основных тенденций развития цивилистического процесса является его оптимизация. Реализации целей и задач оптимизации цивилистического процесса отвечает расширение области применения ускоренных судебных процедур и использование новых технологий в гражданском и арбитражном судопроизводстве. **Цель.** Автором поставлена цель определить возможности применения новых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, в ускоренных судебных процедурах. **Методология.** В работе использованы формально-юридический метод, анализ, синтез, формально-логический метод. **Результаты.** Дан анализ применяемых элементов системы электронного правосудия в ускоренных судебных процедурах. Рассмотрены вопросы замены судьи-человека искусственным интеллектом и возможность использования технологий искусственного интеллекта в цивилистическом процессе. Обосновано применение искусственного интеллекта в ординарной судебной процедуре как вспомогательной технологии и возможность замены судьи данной технологией в рамках ускоренных судебных процедур. **Заключение.** Автор работы допускает применение искусственного интеллекта в ординарной судебной процедуре как вспомогательной технологии. В контексте ускоренной судебной процедуры потенциал применения технологий искусственного интеллекта огромен, что требует соответствующего правового регулирования, разработки определённых алгоритмов принятия решения, стандартов доказывания, научного осмысления и оценки соответствия применения данных технологий базовым началам цивилистического процесса, его принципам и, наконец, понимания того, как это может отразиться на соблюдении цивилистической процессуальной формы.

Ключевые слова: цивилистический процесс; упрощённое производство; приказное производство; цифровизация; элементы системы электронного правосудия; новые технологии; искусственный интеллект.

1. Введение

Сегодня мир живёт в условиях постоянных изменений: одна технология мгновенно сменяет другую. Цифровизация оказывает влияние на все сферы общественных отношений, в том числе и на сферу судопроизводства.

В научной литературе среди преимуществ внедрения новых технологий в цивилистический процесс называют скорость, удобство, экономию площади служебных помещений, снижение финансовых затрат, безопасность, открытость для общества, экологичность [1, с. 37]. Отмечается, что внедрение элементов системы электронного правосудия «существенно разгрузило делопроизводство в российских судах, структурировало информацию о судебных делах, позволило оперативно вести статистический учёт и реагировать на возникающие в деятельности судов вопросы» [2, с. 6].

Цифровизация цивилистического процесса является одним из направлений современной тенденции развития цивилистического процесса – его оптимизации [3, с. 51].

Другим направлением оптимизации цивилистического процесса выступает широкое применение ускоренных процедур.

«Оптимизация гражданского судопроизводства – это создание механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, представляющего выбор наилучшего пути достижения целей и задач правосудия»¹. Как раз таким механизмом выступают ускоренные судебные процедуры.

Данные судебные процедуры выступают одним из способов оптимизации нагрузки на судей, призваны облегчить доступ к правосудию, повысить оперативность рассмотрения дел, обеспечить экономию бюджетных средств при разрешении дел, при рассмотрении которых подлежат установлению только

вопросы права и которые могут быть разрешены путём исследования и оценки письменных доказательств, освободить рабочее время судей для рассмотрения сложных, социально значимых и иных дел, требующих значительных трудовых затрат [4, с. 248].

К ускоренным судебным процедурам относится приказное и упрощённое производство. Основанием для ускоренных судебных процедур является, как правило, условная бесспорность требований или относительно небольшая сумма взыскания. Характерной особенностью ускоренных судебных процедур выступает отсутствие самой процедуры судебного разбирательства, рассмотрение дела осуществляется вне судебного заседания, без вызова сторон. В рамках ускоренных судебных процедур наиболее чётко проявляется другая тенденция развития цивилистического процесса – его деритуализация, уход от классической модели рассмотрения дел [5, с. 11].

2. Методология

В работе использованы общие подходы и методы, традиционно относящиеся к методологическому аппарату юридической науки: формально-юридический метод, анализ, синтез, формально-логический метод.

3. Применение новых технологий в ускоренных судебных процедурах

В рамках ускоренных судебных процедур применяются такие элементы системы электронного правосудия, как электронная подача процессуальных документов, автоматизированное формирование состава суда, электронные документы, размещение на сайте суда информации для обращения в суд, публикация текстов судебных актов в сети Интернет.

В арбитражном процессе в рамках упрощённого производства применяется также размещение на сайте суда материалов дела в режиме ограниченного доступа.

Перечисленные элементы системы электронного правосудия используются достаточно давно, и вопросов к эффективности и обоснованности их применения в данных судебных процедурах нет.

По сути, в том виде, в котором они существуют, ускоренные судебные процедуры соответствуют идее бесконтактного электронного судопроизводства, предложенной

В. А. Пономаренко, согласно подходу которого «следует развивать внегосударственную подсудность электронных дел в связи с неэффективностью процессуального института отвода судей и потребностью в исключении коррупционной составляющей в данном вопросе» [6, с. 78].

Эта идея состоит в создании условий для полностью бесконтактного электронного судопроизводства: суд определяется посредством использования автоматического алгоритма случайной выборки и до вынесения решения участникам судебного процесса состав суда будет неизвестен. Само обращение в суд должно осуществляться по принципу «одного электронного окна, когда все электронные обращения будут поступать на Единый портал гражданского судопроизводства, откуда распределяться соответствующему суду» [6, с. 82–83]. Так, суд не контактирует с другими участниками процесса, выносит судебный акт исключительно по письменным материалам, переведённым в электронную форму.

Представляется, что идея бесконтактного электронного судопроизводства в обычной процедуре цивилистического процесса полностью неприменима, между тем в упрощённом и приказном производстве как процедурах, не основанных на ярко выраженной спорности, электронное бесконтактное судопроизводство будет более эффективно способствовать достижению целей цивилистического процесса.

Помимо внегосударственности подсудности дел, предложенный В. А. Пономаренко подход предполагает, что главный субъект процессуальных отношений – суд – до вынесения судебного акта лицам, участвующим в деле, неизвестен. Представляется, что сегодня в ускоренных судебных процедурах в роли суда может выступить искусственный интеллект.

4. Замена судьи-человека технологией искусственного интеллекта

Дискуссии о том, смогут ли машины или технологии в будущем заменить человека-судью, ведутся достаточно давно.

Некоторые авторы со временем прогнозируют полную замену судьи компьютером [7, р. 60] (цит. по: [8, с. 107]). Другие считают, что «компьютер, несмотря на его огромные возможности, не сможет полностью за-

менить человеческий элемент в разрешении разногласий, поскольку данная деятельность основывается не только на логических приёмах мышления, но и на жизненном опыте» [7, р. 60] (цит. по: [8, с. 107]).

В научной среде обсуждается идея о замене судьи компьютерной программой или нейросетью, искусственным интеллектом. В научный оборот введён термин «киберправосудие» для обозначения «комплексной модели системы правосудия», все элементы которой сосредоточены «на единой цифровой платформе, обеспечивающей полный цикл отправления правосудия», и которая отличается «переходом к цифровым технологиям аналитики данных, использованием технологий искусственного интеллекта для повышения качественных характеристик принятия решений, сокращения издержек и сроков рассмотрения дел» [9, с. 13–16].

Однако, несмотря на стремительное развитие информационных технологий и их активное внедрение в судебную систему, на данный момент большинство представителей юридического сообщества не поддерживают идею «электронного робота-судьи» [10, с. 48].

По мере развития технологий расширяются и возможности человека. Ранее компьютеры применяли для выполнения шаблонных математических вычислений, затем появилась возможность программировать компьютеры, т. е. давать им точные пошаговые инструкции (алгоритмы) для выполнения какой-либо задачи. Сегодня разработчики программного обеспечения стремятся к тому, чтобы «запрограммированное “железо” стало умнее их самих – иначе говоря, чтобы машина научилась рассуждать на одном уровне с человеком и стала, таким образом, искусственным интеллектом» [11, с. 66].

Машинное зрение, распознавание речи, анализ больших объёмов информации с помощью нейронных сетей достигли сегодня уровня, сопоставимого с человеческим. С одной стороны, возможности таких технологий превосходят возможности человека, с другой – полученные данные требуют проверки на корректность.

В то же время развитие искусственного интеллекта показывает, что он способен самообучаться и действовать автономно в определённом контексте.

Широкое использование таких систем имеет неоспоримые преимущества. В частности, человек освобождается от необходимости выполнения рутинных задач и тем самым создаются благоприятные условия для его творческого развития [12; 13].

Однако в научной литературе обоснованно отмечают и риски использования искусственного интеллекта. В частности, «неподконтрольное применение систем искусственного интеллекта может приводить к нарушению неприкосновенности частной жизни, дискриминации при принятии такими системами решений, причинению вреда здоровью и имуществу человека, манипулированию поведением посредством использования рекомендательных алгоритмов» [14, с. 4].

Разделяя указанные опасения, стоит отметить, что использование технологий искусственного интеллекта в части замены судьи-человека при рассмотрении и разрешении дел в целом возможно, но искусственный интеллект способен сделать логический вывод о применении нормы права только на основе заложенного алгоритма (совокупности правил, определяющих порядок выполнения операций машиной). В ходе рассмотрения дела могут возникнуть различные факторы, влияющие на правильность разрешения дела, и машина, какой бы высокотехнологичной она ни была, их в полной мере не сможет учесть и осмыслить, как это сделал бы человек. Полное исключение человеческого элемента (имеется в виду работа судьи) в процессе осуществления правосудия не представляется возможным.

В соответствии с действующим процессуальным законодательством суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

«Внутреннее убеждение судьи состоит в его субъективной профессиональной уверенности в достоверности и достаточности всей совокупности доказательств для подтверждения фактических обстоятельств дела и принятия законного решения по спору» [15, с. 215]. «Внутреннее убеждение судьи можно определить как основанное на высоком уровне правосознания, знании закона, собственном юридическом и жизненном опыте, пра-

вильном восприятии и оценке доказательств сознательно сложившееся, устойчивое психическое состояние судьи, позволяющее ему по существу разрешить конкретную судебную ситуацию законно и справедливо в соответствии со своей совестью» [16, с. 15–20].

Искусственный интеллект не может обладать внутренним убеждением судьи, ему не присущи правосознание, его невозможно наделить чувством ответственности, научить морали.

Искусственный интеллект может руководствоваться лишь установленным алгоритмом и стандартами доказывания при их наличии. Способность к самообучению позволит искусственному интеллекту при отсутствии подлежащей применению нормы и сходстве правоотношений обратиться к аналогии права или закона, но это не будет являться судебским усмотрением.

Следует согласиться с А. А. Ивановым в том, что «полная механизация права невозможна до тех пор, пока сохраняется человеческое общество, в котором люди наделены свободой и могут действовать нелогично или против правил» [17, с. 37]. «Главным препятствием к механизации права является его нелогичность как свойство, которое лежит на поверхности» [17, с. 39].

Как справедливо отмечает О. А. Сычева, «невозможно заранее создать алгоритм для разрешения каждой судебной ситуации, решения всех процессуальных задач. Иное сведёт на нет институты презумпции невиновности и презумпции добросовестности, сделает предрешённой нередкую для судей-практиков ситуацию конкуренции заключений судебной и внесудебной, а также нескольких судебных экспертиз, а также полностью нивелирует понятие справедливости в судопроизводстве» [16, с. 16].

Действительно, в ординарной процедуре невозможно заменить судью-человека искусственным интеллектом, однако это не говорит о том, что данные технологии не следует использовать в качестве помощника людям-судьям.

Вместе с тем игнорировать достижения науки и техники, не использовать их в цивилистическом процессе было бы нерационально. Данные технологии могут и должны применяться в цивилистическом процессе.

Зарубежный опыт показывает, что технологии искусственного интеллекта успешно применяют на таких платформах, как Alibaba и eBay, споры рассматриваются не государственными судами или частными медиаторами, а с применением соответствующих технологий. «В связи с этим возникает вопрос, возможно ли перенять успешный опыт зарубежных стран, не разрушая информационно-правовой базис российской судебной системы, постепенно переходя на цифровые рельсы, используя передовые технологии не как аналог судьи, а как средство увеличения его потенциала»².

По мнению Ю. А. Лукониной, «можно внедрить элементы искусственного интеллекта в судебную систему России в тестовом режиме по отдельным категориям дел бесспорного характера. Например, по делам, рассматриваемым в порядке приказного производства. Более того, успешная реализация проекта в тестовом режиме позволит расширить сферы применения элементов искусственного интеллекта, распространив свою силу и на дела упрощённого производства»³.

Соглашаясь с позицией Ю. А. Лукониной, полагаем, что применение технологии искусственного интеллекта в ускоренных судебных процедурах будет отвечать целям оптимизации цивилистического процесса, позволит снизить нагрузку на суды. В рамках ускоренных судебных процедур, когда дела не обладают сложностью и условно бесспорны, можно задать определённые алгоритмы разрешения дел, разработать и установить стандарты доказывания по данным категориям дел.

Однако внедрение новых технологий в цивилистический процесс должно быть обеспечено гарантиями реализации прав для всех лиц, участвующих в деле, а не только истца или взыскателя.

Применительно к процедуре приказного производства такой гарантией соблюдения прав взыскателя выступает возможность упрощённой отмены судебного приказа. В упрощённом производстве гарантией является предусмотренная процессуальным законодательством возможность перехода к ординарной судебной процедуре.

5. Заключение

Потенциал применения технологий искусственного интеллекта в цивилистическом

процессе огромен. Однако для успешной реализации данного потенциала и повышения к нему доверия необходимо соответствующее правовое регулирование, разработка определённых алгоритмов принятия решения, стандартов доказывания и, что не менее важно, требуется научное осмысление преимуществ и рисков замены человека-судьи на технологии искусственного интеллекта и оценка соответствия применения данных технологий базовым началам цивилистического процесса, его принципам, понимания того, как это может отразиться на соблюдении цивилистической процессуальной формы. Именно цель осуществления правосудия, принципы цивилистического процесса и цивилистическая процессуальная форма должны выступать индикатором необходимости и обоснованности внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу гражданского и арбитражного судопроизводства.

листического процесса и цивилистическая процессуальная форма должны выступать индикатором необходимости и обоснованности внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу гражданского и арбитражного судопроизводства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Царегородцева Е. А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 6.

² Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая форма: теоретико-прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2023. – С. 179–180.

³ Там же. – С. 180.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информатизация судебной системы России: генезис, содержание и будущее : моногр. / под ред. Р. А. Шарифуллина. – М. : Проспект, 2023. – 272 с.
2. Лаптев В. А., Соловяненко Н. И. Цифровое правосудие. Цифровой документ : моногр. – М : Проспект, 2022. – 248 с.
3. Смагина Е. С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 51–59.
4. Якушев П. А. Упрощённое производство в гражданском процессе: от иллюзорности к реальности // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 1. – С. 246–263.
5. Ярков В. В. Проект процессуальной реформы: quo vadis? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 12. – С. 10–12.
6. Пономаренко В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции : моногр. – М. : Проспект, 2015. – 184 с.
7. Rule C. Online Dispute Resolution for Business: B2B, E-Commerce, Consumer, Employment, Insurance, and other Commercial Conflicts. – San Francisco : Jossey-Bass, 2002. – 338 p.
8. Миронова С. Н. Использование возможностей сети Интернет при разрешении гражданско-правовых споров. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 245 с.
9. Булгакова Е. В., Денисов И. С., Булгаков В. Г. Киберправосудие // Администратор суда. – 2018. – № 4. – С. 13–16.
10. Котлярова В. В. К вопросу о цифровизации процесса отправления правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 12. – С. 46–49.
11. Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / пер. с англ. А. Поникарова. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 320 с.
12. Broecke S. Artificial Intelligence and Employment: New Evidence from Occupations Most Exposed to AI. – Paris : OECD, 2021. – 6 p.
13. Achtnich L. Artificial Intelligence and the Future of Work // UN Today. – 2022. – 10 Jan. – URL: <https://www.untoday.org/artificial-intelligence-and-the-future-of-work> (дата обращения: 28.03.2025).
14. Кутейников Д. Л., Ижсаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам : моногр. – М. : Проспект, 2025. – 104 с.
15. Бакулин А. Ф., Кузьмина А. В. Слабая сторона предпринимательского договора: стандарты и бремя доказывания // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 2. – С. 203–250.
16. Сычева О. А. Здравый смысл в судебном доказывании // Российский судья. – 2019. – № 8. – С. 15–20.
17. Иванов А. А. О глубине механизации права // Закон. – 2018. – № 5. – С. 35–41.

Информация об авторе

Кондюрина Юлия Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия,
Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: kondyurina@rambler.ru

SPIN-код: 9410-5909; AuthorID: 799501

Информация о статье

Дата поступления – 22 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Кондюрина Ю. А. Применение новых технологий в ускоренных судебных процедурах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 65–71. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).65-71.

APPLICATION OF NEW TECHNOLOGIES IN EXPEDITED LITIGATION

Yu.A. Kondyurina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. One of the main trends in the development of the civil process is its optimization. Realization of the goals and objectives of the optimization of the civil process is met by the expansion of the area of application of expedited litigation and the use of new technologies in civil and arbitration proceedings. **Purpose.** The author aim is to determine the possibilities of application of new technologies, including artificial intelligence technologies, in accelerated court procedures. **Methodology.** The formal-legal method, analysis, synthesis, formal-logical method were used in the work. **Results.** The analysis of applied elements of e-justice system in expedited litigation is given. The article considers the issues of replacing the human judge by artificial intelligence and the possibility of using artificial intelligence technologies in the civil process. The application of artificial intelligence in the ordinary court procedure as an auxiliary technology and the possibility of replacing the judge by this technology in the framework of expedited litigation is justified. **Conclusion.** The author of the paper admits the application of artificial intelligence in the ordinary judicial procedure as an auxiliary technology. In the context of expedited litigation, the potential for the use of artificial intelligence technologies is enormous, which requires appropriate legal regulation, development of certain decision-making algorithms and standards of proof and scientific understanding and assessment of the compliance of the use of these technologies with the basic legal norms and standards of proof.

Keywords: civil process; simplified proceedings; ordered proceedings; digitalization; elements of e-justice system; new technologies; artificial intelligence.

REFERENCES

1. Sharifullin R.A. *Informatization of the judicial system of Russia: genesis, content and future*, monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 272 p. (In Russ.).
2. Laptev V.A., Solovyanenko N.I. *Digital justice. Digital document*, monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 248 p. (In Russ.).
3. Smagina E.S. The use of information technologies as an alternative to large-scale changes in civil procedure legislation aimed at improving the efficiency of civil proceedings and optimizing the judicial burden. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2018, no. 1, pp. 51-59. (In Russ.).
4. Yakushev P.A. Simplified proceedings in civil proceedings: from illusory to reality. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2025, no. 1, pp. 246-263. (In Russ.).
5. Yarkov V.V. Draft procedural reform: quo vadis? *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2017, no. 12, pp. 10-12. (In Russ.).
6. Ponomarenko V.A. *Electronic civil court proceedings in Russia: the strokes of the concept*, monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 184 p. (In Russ.).
7. Rule C. *Online Dispute Resolution for Business: B2B, E-Commerce, Consumer, Employment, Insurance, and other Commercial Conflicts*. San Francisco, Jossey-Bass, 2002. 338 p.
8. Mironova S.N. *The use of the Internet in resolving civil law disputes*. Moscow, Volters Kluwer Publ., 2010. 245 p. (In Russ.).
9. Bulgakova E.V., Denisov I.S., Bulgakov V.G. Cyber-justice. *Administrator suda = Court administrator*, 2018, no. 4, pp. 13-16. (In Russ.).
10. Kotlyarova V.V. On the issue of digitalization of the process of administration of justice. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitration and Civil Procedure*, 2019, no. 12, pp. 46-49. (In Russ.).

11. McAfee E., Brynjolfsson E. *Machine, platform, crowd. Our digital future*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2019. 320 p. (In Russ.).
12. Broecke S. *Artificial Intelligence and Employment: New Evidence from Occupations Most Exposed to AI*. Paris, OECD, 2021. 6 p.
13. Achtnich L. Artificial Intelligence and the Future of Work. *UN Today*. 2022. 10 Jan. URL: <https://www.untoday.org/artificial-intelligence-and-the-future-of-work> (дата обращения: 28.03.2025).
14. Kuteynikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. *Artificial intelligence and law: from fundamental problems to applied problems*, monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 104 p. (In Russ.).
15. Bakulin A.F., Kuzmina A.V. The weak side of the business contract: standards and burden of proof. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 2, pp. 203-250. (In Russ.).
16. Sycheva O.A. Common sense in judicial evidence. *Rossiiskii sud'ya = The Russian Judge*, 2019, no. 8, pp. 15-20. (In Russ.).
17. Ivanov A.A. On the depth of the mechanization of law. *Zakon = Law*, 2018, no. 5, pp. 35-41. (In Russ.).

About the author

Kondyurina Yuliya – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099, Russia

E-mail: kondyurina@rambler.ru

SPIN-code: 9410-5909; AuthorID: 799501

Article info

Received – April 22, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Kondyurina Yu.A. Application of New Technologies in Expedited Litigation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 65-71. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).65-71. (In Russ.).

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

М. П. Клейменов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. Актуальность темы обуславливается недооценкой значимости прогнозирования в процессе правотворчества, в том числе в сфере уголовно-правовой политики. **Цель.** Целью статьи является установление факторов, имеющих негативный и позитивный прогностический потенциал в уголовно-правовом правотворчестве. **Методология.** В исследовании использованы диалектический метод познания, анализ, синтез социальное и уголовно-правовое прогнозирование. **Результаты.** Выявлены типичные недостатки, препятствующие принятию обоснованных правотворческих решений в сфере борьбы с преступностью, показаны возможности уголовно-правового прогнозирования в правотворческом процессе. Изменение уголовного законодательства редко бывает нейтральным по отношению к интересам влиятельных групп населения (в особенности криминальных). Следовательно, важно располагать информацией о возможностях этих групп воздействовать на процесс законотворчества и предвидеть тактику их действий. **Заключение.** Указано на необходимость и целесообразность создания института прогнозирования в целях эффективного уголовно-правового правотворчества.

Ключевые слова: правотворчество; социальное прогнозирование; уголовно-правовое прогнозирование; негативные последствия; предвидение вреда; виктимность.

1. Введение

Важную роль в правотворческом процессе играет способность к предвидению. Легко заметить, что многие недостатки в принятии законов обусловлены недооценкой или игнорированием данного обстоятельства. Примером этого служат ситуации, когда конъюнктурные интересы и соображения затрудняют принятие конструктивных решений либо мотивируют разработку таких мер, негативные последствия которых начинают сказываться немедленно после введения закона в действие. Прогнозирование, таким образом, должно явиться фактором, повышающим ответственность субъектов правотворчества.

Целью статьи является установление факторов, имеющих негативный и позитивный прогностический потенциал в уголовно-правовом правотворчестве.

2. Методология

В ходе исследования были использованы диалектический метод познания, анализ, синтез социальное и уголовно-правовое прогнозирование.

3. Результаты

Прогнозирование является важным элементом правотворчества, хотя, судя по обзору ряда тематических публикаций [1–8], этому аспекту, за некоторым исключением [9; 10], не уделяется должного внимания.

Способность к предвидению – неотъемлемый элемент психологии творчества [11, с. 34], она в значительной мере помогает как определению проблемных ситуаций, так и генерированию идей, направленных на их решение. Вряд ли будет ошибочным утверждение, что чем ярче выражено стремление вообразить будущее и чем глубже перспектива прогнозирования, тем более взвешенными

становятся оценки и выводы. И напротив, когда способность к предвидению подавляется, нивелируется, тогда подлинное творчество становится невозможным.

С этой точки зрения интересно обратить внимание на ряд факторов, которые оказывают отрицательное воздействие на способность к предвидению, становятся серьёзным препятствием на пути принятия обоснованных правотворческих решений.

1. *Идеологизация процесса правотворчества.* Речь идёт, разумеется, не о том, что возможно проектирование полностью идеологизированных уголовно-правовых норм (они в любом случае отражают определённую идеологию). Имеются в виду те ситуации, когда представители той или иной политической силы (власти) являются инициаторами или заказчиками уголовно-правовых проектов, исходя не из ответственного анализа проблемной ситуации, а из стремления борьбы за власть, конъюнктурных, престижных соображений. В течение последних трёх десятилетий многие законопроекты, связанные с уголовной политикой, находятся в русле либеральной идеологии [12]. Как правило, такие законопроекты оказываются либо ненужными, либо вредными – в плане социальных последствий. В любом случае это уголовно-правовые нормы с низким прогностическим потенциалом.

2. *Групповые (ведомственные, компартийские) интересы.* Следует отметить, что они не столько иницируют, сколько блокируют правотворчество или эффективное правоприменение. Характерно, что если недалёковидность социально-правового мышления как следствия идеологизации чаще всего объясняется догматизмом, ограниченностью либо стремлением соответствовать западным стандартам, то ведомственность мотивирует попытки доказать необоснованность разумных законопроектов. С этой целью используются различные средства: аргументы зависимых и заинтересованных в доказывании заранее заданной позиции экспертов, социальная демагогия, часто подкрепляемая активным воздействием средств массовой коммуникации на общественное сознание, и пр.

3. *Нетерпимость, экстремизм, преобладание эмоций над рациональными соображениями.* Несмотря на кажущуюся разно-

родность, эти факторы тесно связаны между собой и находятся практически в одном ряду. Не задаваясь целью рассмотреть причины и следствия таких проявлений, заметим только, что они направлены против будущего и чреваты рецидивами тоталитаризма с его стремлениями решать многие социальные проблемы уголовно-правовыми средствами.

4. *Непонимание, некомпетентность.* В процессе уголовно-правового прогнозирования могут возникать разногласия между субъектами, участвующими в создании и принятии уголовно-правовых норм. Это обусловлено разным видением будущего, протекающим чаще всего из различий в интеллекте, степени профессиональной подготовки и компетентности. Кроме того, существенное значение имеет способность понять, усвоить перспективу новой, непривычной идеи, спрогнозировать последствия её реализации. История науки изобилует примерами, когда выдающиеся открытия долгое время оставались незамеченными вследствие того, что они не согласовались с общепринятыми научными представлениями. В этой связи важной задачей уголовно-правового прогнозирования является убеждение в правильности, своевременности и нужности соответствующих предложений.

5. *Стереотипы.* Реализации способности к предвидению могут препятствовать взгляды относительно положения, которое занимает тот или иной субъект правотворчества в формальных и неформальных отношениях, возникающих и существующих при решении правотворческих задач. Такие соображения нередко являются следствием того, что данный субъект выступает представителем определённой научной школы или научного направления (положение обязывает). Прогностическая информация может блокироваться тем, что определённые взгляды уже опубликованы учёным или практиком и он, несмотря на неправильность уже высказанных воззрений, не считает возможным от них отказаться.

6. *Неспособность к риску.* Правотворческая задача – это всегда задача с целым рядом неизвестных, труднопрогнозируемых, а иногда принципиально непредсказуемых факторов. Если учесть, что цена риска при решении таких задач в сфере борьбы с преступностью

является весьма высокой, то стремление не рисковать имеет вполне понятные объективные основания. Тем не менее неспособность к риску выступает в качестве серьёзного препятствия на пути разработки неординарных, сулящих успех законопроектов. Это тем более верно, что в современных условиях умение рисковать напрямую связано с прогностическими способностями в любых ситуациях, включая решение проблем государственного масштаба, в том числе законодательских.

7. *Поспешность, безответственность, легкомыслие.* В противоположность предыдущему значению этого фактора заключается в том, что необходимо распознать объективные императивы (исторические, экономические и др.) и следовать им. Как невозможно повернуть время вспять, так нельзя требовать ускорения процессов развития существующих пределов и направлять волевые усилия на приближение будущего. Это касается и правотворчества в сфере борьбы с преступностью.

8. *Технократическое отношение к законодательству.* Здесь имеется в виду использование уголовно-правовых норм не для поддержания жизненной перспективы и будущего социального оздоровления, а исключительно в целях очередных практических нужд. Однако важно как первое, так и второе; практицизм должен сочетаться с предвидением концептуальных задач будущего.

Приведённый перечень факторов, разумеется, во многом схематичен. Это усматривается как исходя из количества упомянутых обстоятельства, так и с качественной точки зрения: многие из них пересекаются, тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга. Тем не менее, сопоставив современную практику правотворчества в сфере борьбы с преступностью с высказанными соображениями, можно отметить, что они отражают существенные стороны реальной действительности, которых было бы желательно избежать.

Правотворчество начинается с выявления и определения проблемных ситуаций. В содержании этого этапа рассматриваемого процесса роль предвидения усматривается в следующем: а) определении зон, векторов, точек наиболее острых социальных конфликтов; б) прогнозировании появления групп лиц с высоким криминогенным потенциалом; в) распознании ближайших и отдалённых

целей сторон, вступающих в противоборство; г) оценивании угроз человеку, обществу, государству со стороны различных проявлений; д) установлении последствий регистрируемого развития ситуаций при условии реагирования на них. Говоря же непосредственно об уголовно-правовом прогнозировании, можно констатировать, что наиболее отчётливо оно проявляется в предвидении возможности причинения вреда общественным отношениям, характера и степени его социальной опасности. Таким образом, уголовно-правовое прогнозирование стимулирует законодательскую работу. Вместе с тем и сам реализовавшийся процесс правотворчества влияет (с точки зрения обратных связей) на способность к предвидению.

Вообще одно из функциональных значений уголовного права в том и состоит, чтобы помочь и даже заставить опознать угрозу, которую представляет для общества определённое действие (бездействие). Это существенный момент, тесно связанный с проблемой прогнозирования, потому что многие склонны легкомысленно относиться к угрозам «из будущего», они отказываются понять, что эти опасности уже частично реализуются. Глубокий перспективный анализ проблем, стоящих перед обществом, с привлечением специалистов в области научного предвидения, обязательно опирается на явные доказательства того, что последствия той или иной угрозы уже начинают проявляться.

Прогностический подход позволяет ранжировать проблемы, несвоевременное решение которых чревато серьёзными, критическими и даже катастрофическими последствиями. При этом во внимание, на наш взгляд, должны быть приняты факторы, обладающие наиболее существенным прогностическим потенциалом, как то:

- а) масштабность возможных негативных последствий;
- б) вероятность наступления вреда;
- в) общественная опасность объектов уголовно-правового воздействия;
- г) виктимность представителей определённых групп населения.

Уточним сказанное.

А. *Масштабность возможных негативных последствий*, которые, бесспорно, относятся к криминологическим основаниям уго-

ловно-правовых норм [13 с. 23], указывает прежде всего на существование глобальных проблем, стоящих перед мировым сообществом (например, экология, терроризм, наркомания, СПИД). Данный фактор определяет и формулирование наиболее острых межгосударственных и государственных проблем, которые требуют активного, своевременного и адекватного реагирования на них, в частности таких, как нацизм. Что же касается характера возникающих проблем, то здесь целесообразно учитывать тяжесть и неустрашимость возможных неблагоприятных последствий, с ними связанных.

Опознание проблемных ситуаций в сфере уголовного права предполагает взаимосвязь двух видов прогнозирования: поискового и нормативного [14; 15]. При этом поисковое прогнозирование часто осуществляется по логике: избежать ошибок прошлого в будущем. С этой целью и конструируются необходимые уголовно-правовые нормы. Нормативное уголовно-правовое прогнозирование по отношению к правотворчеству сталкивается преимущественно с решением новых задач. В тех же случаях, когда указанные виды предвидения образуют систему, поисковое прогнозирование, анализируя тенденции, выявляет вновь возникшие проблемные ситуации, создавая тем самым фактографический «полигон» для составления нормативных прогнозов.

Б. *Вероятность наступления вреда* целесообразно оценивать по крайней мере в двух аспектах: технологическом и гуманитарном. С технологической точки зрения решение этой задачи предполагает формирование банков информации о негативных последствиях определённых событий (как происшедших, так и предполагаемых) – своего рода «банков катастроф» – применительно к различным сферам социальной деятельности и создание моделей, на основе которых можно было бы с удовлетворительной точностью просчитать возможные альтернативы развития, определив наиболее нежелательные. Последние и должны составить предмет уголовно-правового анализа как проблемной ситуации – в том смысле, не следует ли устранить возможность их возникновения (или хотя бы обеспечить её снижение) средствами уголовного права. Гуманитарный аспект оце-

нивания вероятности наступления вреда заключается в том, чтобы определить степень воздействия неблагоприятных последствий на качественные характеристики жизнедеятельности людей и общества. Такой подход обеспечивает создание интеллектуальной основы для более взвешенного выбора решений в процессе правотворчества.

В. *Классическое определение общественной опасности личности преступника* говорит о том, что это угроза совершения преступления [16, с. 34] данной личностью. Приведённая дефиниция весьма продуктивна по отношению к идее уголовно-правового прогнозирования. Во-первых, её анализ наталкивает на мысль об установлении корреляций между вероятностью совершения преступления и вероятностью привлечения к уголовной ответственности, что важно для корректировки законодательных установлений. Во-вторых, общественная опасность – это, по существу, предсказуемость такого поведения личности, которое содержит в себе серьёзную угрозу, если даже оно не идентифицировано как криминальное. Отсюда следует вывод: законодатель должен чётко представлять личность тех, кто подвергнется уголовно-правовому преследованию в случае криминализации определённого типа поведения. В этой связи представляет интерес мнение, в соответствии с которым не следует криминализировать деяние, если оно совершается главным образом только в группах населения, подвергающихся ущемлению или дискриминации [17, с. 197]. С другой стороны, пристального внимания в этом плане заслуживает деятельность лиц, занимающих высокое положение в соответствующих структурах (административных, политических, экономических и т. п.).

Г. *Виктимность представителей определённых категорий населения* следует понимать как вероятность оказаться жертвами непродуманных уголовно-политических акций или просто злоупотреблений. Ясно, что подобная виктимность должна быть минимизирована уже в процессе правотворчества всеми доступными средствами.

Следующий этап правотворческого процесса состоит в анализе возможностей использования правовых средств и способов решения проблемных ситуаций с учётом воз-

никающих последствий и существующих ограничений. Значение уголовно-правового прогнозирования на данном этапе заключается в том, чтобы обеспечить разумное согласование правовых средств с теми последствиями, которые сопровождают процессы криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации. Перед субъектом правотворчества стоит задача – предложить такой вариант решения, которой гарантировал бы сведение к минимуму возможных негативных последствий в динамике развития социальных отношений, становящихся объектом уголовно-правового регулирования. В этой связи возможны следующие варианты правотворческих ситуаций:

1) изменение уголовного законодательства сопровождается увеличением криминальной активности, стимулирует нежелательные социальные процессы, увеличивает число реальных и потенциальных жертв (как преступлений, так и злоупотреблений со стороны представителей власти), способствует повышению общественной напряжённости и недовольства со стороны представительных групп и слоёв;

2) изменение уголовного законодательства в целом ощутимо не влияет на состояние криминологической ситуации, но создаёт дополнительные трудности (порой значительные) в решении назревших социальных проблем;

3) изменение уголовного законодательства способствует улучшению социальной обстановки, укреплению доверия людей к структурам власти, защите прав человека и повышению качества жизни.

Кажущаяся элементарность приведённой дифференциации не должна вводить в заблуждение, поскольку необходимо иметь в виду следующие соображения: позитивные сдвиги могут приводить к различным по характеру и масштабам негативным результатам, и наоборот. Вывод: важно проследить развитие причинно-следственной цепочки изменений на максимально доступную глубину прогнозирования; самое насущное и аргументированное законодательское предложение имеет не только сторонников, но и противников; число последних увеличивается по мере возрастания сложности правовой ситуации.

В этой связи желательно:

а) знать мотивы определённой позиции, занятой субъектом правотворчества и предвидеть её динамику; б) целесообразно прогнозировать аргументацию возможных оппонентов законопроекта, их реакцию и формы критики.

Изменение уголовного законодательства редко бывает нейтральным по отношению к интересам влиятельных групп населения (в особенности криминальных). Следовательно, необходимо располагать информацией о возможностях этих групп воздействовать на процесс законотворчества и предвидеть тактику их действий.

Потребность в прогностической экспертизе законопроектных работ увеличивается по мере усложнения социальной обстановки. Таким образом, желательно обратиться к формированию и развитию института прогностической экспертизы правотворческих решений (при условии обеспечения гарантий его независимости).

Предмет прогностической экспертизы составляет широкий круг вопросов: цена предлагаемого решения (экономическая стоимость), возможности его организационного обеспечения, иерархия целей, которых требуется достичь, структура вероятных последствий, с ними связанных (прямых и косвенных, непосредственных и опосредованных). При этом необходимо углублённое знание правотворческой и законодательной процедур, существенное для моделирования процесса обсуждения и принятия законопроекта.

Обсуждение и принятие законодательных решений – очередной этап правотворческой работы. Его прогностическое сопровождение предполагает концентрацию внимания на предвидении тех процессов, в реализации которых и будут рождаться искомые решения. С точки зрения предвидения в данном случае представляет интерес самая различная по содержанию и характеру информация: противоречия между субъектами правотворчества, вызванные принципиальными разногласиями и межличностными отношениями, компетентность, научный авторитет участников обсуждения и принятия проекта, влиятельность групп, мнение которых будут представлять выступающие, наличие (или отсутствие) «теневых» процедур, обеспечи-

вающих одобрение или блокирование соответствующих предложений и т. п. Поскольку в процесс обсуждения зачастую вовлекаются многие ведомственные структуры, то следует уделить особое внимание анализу и интерпретации высказанных соображений.

Заключительный этап правотворчества – обеспечение принятого закона нормативной базой для его реализации. Практика показывает, что часто принятый закон не действует, или действует неэффективно, или реализуется в неожиданном направлении по причине неясности тех или иных законодательных терминов, неопределённости правовых формулировок, отсутствия информации о приемлемой структуре приоритетов уголовной политики и т. п., причём нередко эти недостатки и пробелы имеют закономерный и объективный характер и могут быть устранены

только в процессе толкования соответствующих положений. В перспективе крайне важно добиться соблюдения следующего правила: любой закон должен вводиться в действие только при наличии соответствующего юридического сопровождения, обеспечивающего преодоление возможных правовых коллизий. Роль уголовно-правового прогнозирования при этом заключается в том, чтобы представить вероятные коллизии, которые могут возникнуть в процессе применения закона, и сформулировать рекомендации по их нейтрализации и устранению путём создания необходимой юридической базы.

4. Заключение

Сказанное свидетельствует о важности создания института прогнозирования в целях эффективного уголовно-правового правотворчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правотворчество в XXI веке: эволюция доктрины и практики (к 90-летию со дня рождения А. С. Пиголкина) : сб. науч. тр. – М. : Норма, 2022. – 344 с.
2. Баранцева Е. Л. Правотворческий процесс: теория, история, практика (вопросы и ответы). – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2024. – 85 с.
3. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. – М. : Проспект, 2014. – 352 с.
4. Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации. – Чебоксары : Среда, 2019. – 324 с.
5. Правотворчество : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. П. Альбова, С. В. Николукина. – М. : Юрайт, 2016. – 254 с.
6. Яковлева О. Я. Правотворчество как форма реализации уголовно-правовой политики (теоретико-правовой аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2014. – № 4. – С. 63–66.
7. Архипцев Н. И. Особенности правотворчества уголовного законодательства на современном этапе его реформирования // Научные ведомости БелГУ. – 2008. – № 9. – С. 162–166.
8. Марченко Д. Э., Таренкова О. А. Ведомственное правотворчество в уголовно-исполнительной системе. – Самара : СФ ГАОУ ВО МГПУ, 2024. – 60 с.
9. Клеймёнов М. П. Методология уголовно-правового прогнозирования // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 277–288. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288
10. Клеймёнов М. П. Уголовно-правовое прогнозирование. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. – 167 с.
11. Лук А. Н. Психология творчества. – М. : Наука, 1978. – 127 с.
12. Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М. Отсутствие уголовно-правового реагирования на преступления в сфере экономики // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 79–87.
13. Филимонов В. Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 213 с.
14. Бестужев-Лада И. В. Поискное социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества: опыт систематизации. – М. : Наука, 1984. – 271 с.
15. Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества: опыт систематизации. – М. : Наука, 1987. – 212 с.
16. Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1970. – 275 с.
17. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, С. П. Дагель, Г. А. Злобин [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

Информация об авторе

Клейменов Михаил Петрович – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия,
Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: klim798@mail.ru

SPIN-код: 4431-6452, Author ID: 596245

ORCID: 0000-0002-5203-1867

Информация о статье

Дата поступления – 15 июня 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Клейменов М. П. Прогнозирование и правотворчество в сфере борьбы с преступностью // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 72–79. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).72-79.

FORECASTING AND LAW-MAKING IN THE FIELD OF COMBATING CRIME

M.P. Kleymenov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The relevance of the topic is due to the underestimation of the importance of forecasting in the law-making process, including in the field of criminal law policy. **Purpose.** The purpose of the article is to identify factors that have negative and positive predictive potential in criminal law lawmaking. **Methodology.** The dialectical method of cognition, analysis, synthesis, social and criminal law forecasting were used. **Results.** Typical shortcomings that hinder the adoption of sound law-making decisions in the field of combating crime are identified, and the possibilities of criminal law forecasting in the law-making process are shown. Changes in criminal legislation are rarely neutral in relation to the interests of influential groups of the population (especially criminal ones). Therefore, it is important to have information about the capabilities of these groups to influence the law-making process and to anticipate their tactics. **Conclusion.** The necessity and expediency of creating a forecasting institute for effective criminal law lawmaking is pointed out.

Keywords: law-making; social forecasting; criminal law forecasting; negative consequences; harm prevention; victimization.

REFERENCES

1. *Lawmaking in the 21st century: the evolution of doctrine and practice (on the occasion of the 90th anniversary of the birth of A.S. Pigolkin)*, collection of scientific papers. Moscow, Norma Publ., 2022. 344 p. (In Russ.).
2. Barantseva E.L. *The law-making process: theory, history, practice (questions and answers)*. Kirov, Raduga-PRESS Publ., 2024. 85 p. (In Russ.).
3. Ivanchin A.V. *Constructing the corpus delicti: theory and practice*. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 352 p. (In Russ.).
4. Rumyantsev M.B. *Law-making in the Russian Federation*. Cheboksary, Sreda Publ., 2019. 324 p. (In Russ.).
5. *Lawmaking*, textbook for undergraduate and graduate studies. Moscow, Yurait Publ., 2016. 254 p. (In Russ.).
6. Yakovleva O.Ya. Law-making as a form of implementation of criminal law policy (theoretical and legal aspect). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya = Scientific Journal of Volgograd State University. Series 5. Jurisprudence*, 2014, no. 4. pp. 63-66. (In Russ.).
7. Arkhiptsev N.I. The peculiarities of criminal legislation at the present stage of its reforming. *Nauchnye vedomosti BelGU = Belgorod State University Scientific Bulletin*, 2008, no. 9, pp. 162-166. (In Russ.).
8. Marchenko D.E., Tarenkova O.A. *Departmental law-making in the penal system*, Samara, SF GAOU IN MGPU Publ., 2024. 60 p. (In Russ.).
9. Kleymenov M.P. Methodology of criminal law forecasting. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 277-288. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).277-288. (In Russ.).
10. Kleymenov M.P. *Criminal law forecasting*. Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 1991. 167 p. (In Russ.).
11. Luk A.N. *Psychology of creativity*. Moscow, Nauka Publ., 1978. 127 p. (In Russ.).
12. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. Lack of Criminal Law Response on Economic Crimes. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 79-87. (In Russ.).

13. Filimonov V.D. *Criminological foundations of criminal law*. Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 1981. 213 p. (In Russ.).
14. Bestuzhev-Lada I.V. *Search social forecasting: promising problems of society: an experience of systematization*. Moscow, Nauka Publ., 1984. 271 p. (In Russ.).
15. Bestuzhev-Lada I.V. *Normative social forecasting: possible ways of realizing the goals of society: an experience of systematization*. Moscow, Nauka Publ., 1987. 212 p. (In Russ.).
16. Filimonov V.D. *Social danger of the criminal's personality*. Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 1970. 275 p. (In Russ.).
17. Kudryavtsev V.N., Dagal S.P., Zlobin G.A. et al.; Kudryavtsev V.N. (ed.). *Grounds for criminal-legal prohibition. Criminalization and decriminalization*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 303 p. (In Russ.).

About the author

Kleymentov Mikhail – Honoured Scientist of the Russian Federation, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology

Dostoevsky Omsk State University

Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099, Russia

E-mail: klim798@mail.ru

SPIN-code: 4431-6452, Author ID: 596245

ORCID: 0000-0002-5203-1867

Article info

Received – June 15, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Kleymentov M.P. Forecasting and Law-Making in the Field of Combating Crime. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 72-79. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).72-79. (In Russ.).

УДК 343.9.01

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(2).80-83

УПРАВЛЕНИЕ ОЦЕНКАМИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ

И. М. Клейменов¹, Н. И. Верченко²

¹Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Санкт-Петербург, Россия

²Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

Введение. Управление оценками криминологической ситуации представляет собой элемент криминологического менеджмента. Оценки всегда несут в себе субъективный потенциал, следовательно задача заключается в том, чтобы обеспечить их объективность. **Цель.** Цель работы – привлечь внимание к разработке системы объективных оценок состояния криминологической обстановки. **Методология.** Методологическая база исследования включает в себя системный и статистический подходы, опросы, экспертные оценки. **Результаты.** Следует признать ограниченность традиционных методов оценки криминологической обстановки, основанных на статистическом подходе. Более продуктивен системный подход, использующий комплекс агрегированных индексов. Критичный анализ таких индексов (Индекс восприятия коррупции, Индикаторы качества государственного управления, Индекс недееспособности государств, Индекс верховенства права) диктует учитывать их заведомую политизированность. В то же время использование рейтинговых оценок для анализа криминологической обстановки представляется нужным и современным. **Заключение.** Необходимы новые подходы к оценке криминальной ситуации в России. Такая оценка должна быть рейтинговой и включать в себя ряд (15–20) параметров, в том числе уровень организованности преступности, коррумпированности органов власти, судебных и правоохранительных органов, виктимизации населения, состояния криминологической безопасности.

Ключевые слова: криминологическая ситуация; статистика преступности; индексы; объективность оценок; система показателей.

1. Введение

Управление оценками криминологической ситуации представляет собой элемент криминологического менеджмента – эффективного управления в сфере борьбы с преступностью и обеспечения криминологической безопасности [1, с. 251]. В содержании управления оценками не следует усматривать исключительно негативный смысл, поскольку оценки всегда нуждаются в верификации. Оценки всегда несут в себе субъективный потенциал, следовательно задача заключается в том, чтобы обеспечить их объективность или, по крайней мере, учесть влияние субъективного фактора. В этой связи чрезвычайной актуальностью характеризуется цель криминологического исследования – разработать систему объективных оценок состояния криминологической обстановки.

2. Методология

Методология исследования включает в себя системный и статистический подходы, опросы, экспертные оценки.

3. Результаты

Состояние криминальной обстановки в России традиционно оценивается по статистике преступности. При этом наблюдаются негативные тенденции, которые имеют отношение: а) к формированию статистического массива; б) к публикации статистических данных; в) к интерпретации статистической информации.

А. Статистика формируется под заданный результат, который диктует выражение позитивных тенденций (снижение числа преступлений и преступников).

Поэтому публикуемые статистические данные о преступности требуют проверки с помощью статистики Росстата, Роструда, Росгостраха и иных ведомств.

Б. Объём публикуемой статистической информации становится всё более ограниченным, а статистические базы, по отношению к которым производятся расчёты, меняются. В некоторых случаях, напротив, происходит слияние разнородных преступ-

лений, что затрудняет их статистический анализ.

В. Что касается интерпретации статистических данных, то она осуществляется с позиций конъюнктуры. В результате оценка криминальной ситуации утрачивает системность и перспективу. Кроме того, такая ситуативность интересов означает их рыночную природу. Некоторые правоохранительные органы настолько хорошо вписались в рынок, что актуален вопрос о целесообразности их бюджетного финансирования.

В этой связи интересно привести оценки коррумпированности различных правоохранительных органов, полученные в результате опроса 946 респондентов в мае 2024 г. Опрошенные оценили степень коррумпированности органов по 10-балльной шкале, затем эти данные были суммированы по формуле средней арифметической взвешенной и определено значение вариации по каждому из них. Эти оценки, ранжированные по степени возрастания, таковы:

- Федеральная служба безопасности РФ – $3,9 \pm 2,1$;
- Следственный комитет России – $4,4 \pm 2,2$;
- Уголовный розыск МВД РФ – $4,6 \pm 2,3$;
- Федеральная служба исполнения наказаний Минюста РФ – $4,9 \pm 2,3$;
- Генеральная прокуратура РФ (её органы) – $5,1 \pm 2,3$;
- ОБЭП МВД РФ (борьба с экономической преступностью и коррупцией) – $5,4 \pm 2,3$;
- Федеральная таможенная служба – $5,8 \pm 2,3$.

Следует признать некоторую условность приведённых оценок, поскольку рядовые граждане России не могут отождествляться с профессиональными экспертами. Однако при полном отсутствии аналогичных официальных оценок указанные показатели представляют определённый научный интерес. Кроме того, они соответствуют эмпирическому опыту любого исследователя коррупции. В то же время нельзя не учитывать и возможность манипулирования оценками со стороны профессиональных экспертов, которые могут действовать «по заказу», в чьих-то интересах.

В последние годы значительное распространение получили различного рода рейтин-

говые оценки. Составление рейтингов стало бизнесом, а получение высоких рейтинговых оценок – объектом манипуляций. На рынке существует огромное множество рейтинговых организаций, среди которых выделяется Transparency International (ТИ). С 1995 г. ТИ ежегодно публикует индексы восприятия коррупции (ИВК).

Изучение порядка формирования эмпирической базы и получения итоговых оценок ИВК порождает сомнение в их объективности [2; 3; 4]. Даже беглый взгляд на публикуемые ежегодно ТИ оценки свидетельствует об их предвзятости. В самом деле, как может быть, что в криминальном государстве Косово [5] уровень коррупции значительно ниже, чем в Северной Корее, а в КНР он выше, чем в Тайване? Поэтому совершенно правильно Генеральная прокуратура РФ признала ТИ нежелательной в России [6].

Это, однако, не означает бесполезности использования рейтинговых оценок для анализа криминологической обстановки. Напротив, следует признать важной и необходимой разработку системы отечественных криминологических рейтингов.

В целях изучения состояния криминологической обстановки определённый интерес представляют индикаторы качества государственного управления (ИКГУ). Качество государственного управления рассчитывается по методике Всемирного банка на основе нескольких сотен переменных, получаемых из различных источников (статистические данные национальных институтов и международных организаций, результаты исследований, осуществляемых на регулярной основе международными неправительственными организациями)¹. Следует также назвать Индекс недееспособности государств (ИНГ) – Failed States Index, который оценивает способность пяти ключевых государственных институтов: политического руководства, армии, полиции, судебной системы и гражданских служб – обеспечить безопасность государства и его граждан, контролировать целостность территории, а также демографическую, экономическую и политическую обстановку, ограничивать уровень беззакония и криминализации². Весьма интересен и потенциально полезен Индекс верховенства права (ИВП), разработанный международной

некоммерческой организацией «Мировой проект правосудия» (The World Justice Project). Он включает девять агрегированных факторов, в том числе эффективность правоприменения и наличие неформальных институтов правосудия.

4. Заключение

Необходимы новые подходы к оценке криминальной ситуации. Не вызывает сомнения, что такая оценка должна быть рейтинговой и включать в себя ряд (15–20) параметров, в том числе уровень организован-

ности преступности, коррумпированности органов власти, судебных и правоохранительных органов, виктимизации населения, состояния криминологической безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Качество государственного управления – информация об исследовании. – URL: <http://www.gtmarket.ru/Рейтинги.../governance-matters-info> (дата обращения: 25.05.2025).

² Failed States Index. – URL: <http://www.fundforpeace.org> (дата обращения: 25.05.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейменов М. П. Криминология. – М. : Норма, 2024. – 448 с.
2. Двуреченских В., Баранов В. О качестве информации от Transparency International // Экономические стратегии. – 2003. – № 4. – С. 60–63.
3. Клейменов М. П., Пустовит Р. В. Методологические основы прогнозирования коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 42–51.
4. Клейменов И. М. Можно ли доверять индексу восприятия коррупции? // Следователь. – 2009. – № 6. – С. 28–30.
5. Пономарева Е. Г. Проект «Косово» и большая политика // Мир и политика. – 2013. – № 7 (82). – С. 92–111.
6. Афанасьева Т. И. Институт признания нежелательной на территории России деятельности иностранной или международной неправительственной организации // Законность. – 2024. – № 4. – С. 21–25.

Информация об авторах

Клейменов Иван Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
Адрес для корреспонденции: 197046, Россия, Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
E-mail: piligrim111@mail.ru
SPIN-код: 9166-9294; AuthorID: 343510

Верченко Надежда Игоревна – доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности

Новосибирский государственный университет экономики и управления
Адрес для корреспонденции: 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 52/1, офис 5-503
E-mail: n.verchenko@yandex.ru
SPIN-код: 6986-2213; AuthorID: 242035

Информация о статье

Дата поступления – 5 июня 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Клейменов И. М., Верченко Н. И. Управление оценками криминологической обстановки // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 80–83. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).80-83.

ASSESSMENT MANAGEMENT CRIMINOLOGICAL SITUATION

I.M. Kleymenov¹, N.I. Verchenko²

¹Northwest Branch, Russian State University of Justice, Saint-Petersburg, Russia

²Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Introduction. Managing assessments of the criminological situation is an element of criminological management. Assessments always carry a subjective potential, therefore, the task is to ensure their objectivity. The aim is to draw attention to the development of a system of objective assessments of the criminological situation. **Methodology.** The methodology includes systematic and statistical approaches, surveys, and expert assessments. **Results.** It is necessary to recognize the limitations of traditional methods of assessing the criminological situation based on a statistical approach. A systematic approach using a set of aggregated indexes is more productive. A critical analysis of such indexes (CPI, ICSU, ING, IVP) dictates taking into account their deliberate politicization. At the same time, the use of ratings to analyze the criminological situation seems necessary and modern. **Conclusion.** New approaches to assessing the criminal situation in Russia are needed. Such an assessment should be a rating and include a number of parameters (15-20), including levels of organized crime, corruption of government bodies, judicial and law enforcement agencies, victimization of the population, the state of criminological security.

Keywords: criminological situation; crime statistics; indices; objectivity of assessments; system of indicators.

REFERECES

1. Kleymenov M.P. *Criminology*. Moscow, Norma Publ., 2024. 448 p. (In Russ.).
2. Dvurechenskikh V., Baranov V. On the quality of information from Transparency International. *Ekonomicheskie strategii = Economic strategies*, 2003, no. 4, pp. 60-63. (In Russ.).
3. Kleymenov M.P., Pustovit R.V. Methodological foundations for forecasting corruption. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava = Actual problems of economics and law*, 2012, no. 4, pp. 42-51. (In Russ.).
4. Kleymenov I.M. Can we trust the corruption perception index? *Sledovatel' = Investigator*, 2009, no. 6, pp. 28-30. (In Russ.).
5. Ponomareva E.G. The Kosovo Project and Big Politics. *Mir i politika = World and Politics*, 2013, no. 7, pp. 92-111. (In Russ.).
6. Afanasyeva T.I. Institute for Recognizing the Activities of a Foreign or International Non-Governmental Organization as Undesirable on the Territory of Russia. *Zakonnost' = Legality*, 2024, no. 4, pp. 21-25. (In Russ.).

About the authors

Kleymenov Ivan – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Associated Professor, Professor at the Department of Criminal Law

Northwest Branch of the Russian State University of Justice

Postal address: 5, Aleksandrovsky park, St. Petersburg, 197046, Russia

E-mail: piligrim111@mail.ru

SPIN-code: 9166-9294; AuthorID: 343510

Verchenko Nadezhda – Associate Professor of the Department of Criminal Law and National Security

Novosibirsk State University of Economics and Management

Postal address: of. 5-503, 52/1, Kamenskaya ul., Novosibirsk, 630099, Russia

E-mail: n.verchenko@yandex.ru

SPIN-code: 6986-2213; AuthorID: 242035

Article info

Received – June 5, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Kleymenov I.M., Verchenko N.I. Assessment Management Criminological Situation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 80-83. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).80-83. (In Russ.).

УДК 343.133

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).84-91

ПРАВОВЫЕ БАРЬЕРЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА ЛИЦАМИ, ПРИВЛЕКАЕМЫМИ ДЛЯ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

А. С. Бахта¹, И. Н. Нуриев²

¹Омский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Омск, Россия

²Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, г. Хабаровск, Россия

Введение. Статья посвящена исследованию новых норм уголовного и уголовно-процессуального закона, позволяющих прекратить уголовное преследование в отношении подозреваемых (обвиняемых), задействованных для прохождения военной службы в зоне специальной военной операции. **Цель.** Цель исследования – предложить правовой механизм обеспечения права потерпевшего на возмещение вреда, причинённого преступлением по уголовным делам, прекращённым в порядке, предусмотренном ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса РФ. **Методология.** Содержащиеся в работе выводы и рекомендации сформулированы благодаря комплексному применению сравнительно-правового, формально-юридического, системно-структурного и конкретно-социологического методов. **Результаты.** В работе обозначаются особенности нормативной регламентации прекращения уголовного дела в отношении подозреваемых (обвиняемых), привлекаемых для прохождения военной службы. Акцентируется внимание на возможности применения данных новелл без возмещения вреда, причинённого потерпевшему в ходе совершённого преступления. Определены проблемы применения меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество. **Заключение.** Авторами предлагается «межотраслевой» механизм, направленный на соблюдение прав потерпевших в вопросе возмещения им вреда, предусматривающий возможность выделения из уголовного дела, подлежащего прекращению на основании ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса РФ, и передачи органом предварительного расследования в суд материалов, свидетельствующих о наложении ареста на имущество в рамках досудебного разбирательства.

Ключевые слова: предварительное расследование; прекращение уголовного преследования; специальная военная операция, военная служба; возмещение преступного вреда; наложение ареста на имущество.

1. Введение

После объявления Верховным Главнокомандующим Вооружённых Сил Российской Федерации В. В. Путиным начала проведения специальной военной операции на Украине (далее – СВО) в отечественном законодательстве появилась острая потребность урегулирования правоотношений, возникающих в ходе уголовного судопроизводства с лицами, призванными или изъявившими добровольное желание вступить в ряды Вооружённых Сил России для прохождения военной службы [1, с. 206].

Именно в этих целях законодателем в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство 23 марта 2024 г. Федеральным законом № 64-ФЗ¹ был внесён ряд новых

норм, предусматривающих возможность приостановления предварительного расследования, а также прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемых (обвиняемых), привлекаемых к военной службе [2].

Следует указать, что это не первая попытка, направленная на урегулирование рассматриваемых правоотношений в уголовном судопроизводстве России [3; 4]. Однако, как и прошлые законодательные инициативы, она не смогла обойтись без серьёзной проблемы, влияющей на соблюдение прав участников уголовного процесса, в частности права потерпевшего на возмещение вреда, причинённого в результате совершённого преступления.

2. Методология

Выводы и рекомендации, содержащиеся в работе, основаны на комплексном применении сравнительно-правового, формально-юридического, системно-структурного, конкретно-социологического методов.

3. Общий анализ норм, предусматривающих прекращение уголовного дела в отношении преследуемых лиц, призванных для прохождения военной службы

Как следует из новых предписаний закона, установленных в ст. 28.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), которая является бланкетной и напрямую взаимосвязана со ст. 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), преследуемое лицо имеет право на прекращение уголовного дела, если оно:

1) награждено государственной наградой, полученной в период его участия в проведении СВО;

2) уволилось с военной службы по причине достижения предельного возраста, по состоянию здоровья, в связи с завершением периода мобилизации, отменой военного положения и (или) истечением военного времени в порядке, установленном подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Если ни одно из условий, перечисленных в законе, преследуемое лицо не выполнило и оно больше не привлекается для прохождения военной службы или у него возникают возражения против такого завершения уголовного преследования, то в перечисленных случаях предварительное расследование по уголовному делу подлежит возобновлению и дальнейшему осуществлению в обычном порядке. Указанный процессуальный механизм чем-то схож с расследованием уголовных дел, по которым был исчерпан срок давности уголовного преследования, где важнейшим условием для завершения уголовного преследования является исключительно согласие преследуемого лица [5]. В обоих случаях, соглашаясь на прекращение уголовного дела, подозреваемый (обвиняемый) автоматически признаёт себя виновным в инкриминируемом ему деянии и должен осознавать дальнейшие юридические последствия принятого решения.

Детально проанализировав перечисленные нормы закона, следует констатировать, что внесённые поправки, в отличие от других, схожих правовых институтов, позволяющих завершить уголовное преследование (примирение сторон, судебный штраф, деятельное раскаяние), не предусматривают важное условие прекращения уголовного дела – необходимость возмещения вреда, причинённого преступлением потерпевшему [6]. Разрешение данного вопроса после прекращения уголовного преследования осуществляется в рамках гражданского судопроизводства, о чём прямо сказано в ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 64 от 23 марта 2024 г., но не отражено ни в одной норме уголовно-процессуального законодательства.

Однако следует подчеркнуть, что в настоящее время возмещение вреда, причинённого преступлением потерпевшему, – важнейшая задача, которую необходимо реализовать в ходе производства по уголовному делу, что прямо вытекает из содержания ст. 52 Конституции Российской Федерации и ст. 6 уголовно-процессуального закона России [7, с. 4]. Кроме этого, достижение данной задачи при окончании уголовного досудебного производства, в соответствии с ведомственными нормативными актами, является ключевым показателем в оценке деятельности органов следствия и дознания. С этой целью следователю (дознавателю) при производстве предварительного расследования необходимо приложить все возможные усилия, направленные на достижение указанной задачи.

С. В. Валов, говоря о необходимости возмещения преступного вреда, причинённого потерпевшим, указывает, что данный процесс представляет собой определённый комплекс восстановительных мер властных субъектов, осуществляющих уголовное преследование, направленных на приведение прав пострадавшего исключительно в то состояние, в котором они находились до совершённого преступления. По мнению автора, пренебрегать данной задачей непозволительно [8, с. 101], с чем мы полностью согласны. Однако при её реализации в ходе расследования уголовного дела в отношении подозреваемого (обвиняемого), направленного для прохождения военной службы в зону СВО, возникают некоторые сложности.

4. Вопросы наложения ареста на имущество по уголовным делам, по которым подозреваемый (обвиняемый) привлечён для прохождения военной службы

Так, исходя из нормативных предписаний, закреплённых в ст. 115 УПК РФ, следователь (дознатель) должен принять максимальные меры, направленные на установление конкретного вида имущества в целях его последующего ареста для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска и других имущественных взысканий, осуществляемых судом при разрешении уголовного дела.

До принятия рассматриваемых новелл, закрепивших особый порядок приостановления расследования и прекращения уголовных дел в отношении военнослужащих, органы предварительного расследования в рамках гражданского иска, заявленного от заинтересованных лиц, накладывали арест на имущество подозреваемых (обвиняемых) без существенных проблем [9; 10]. Однако после внесения в УПК РФ поправок, в частности норм о возможности прекращения уголовного дела в связи с прохождением лицом военной службы по контракту в период мобилизации без возмещения вреда потерпевшему, правоприменитель данной мере процессуального принуждения отводит наименьшее значение, поскольку смысл в её применении и возможность её реализации отпадают.

В связи с этим невольно возникает закономерный вопрос: необходимо ли органам предварительного расследования отменять меру процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество одновременно с принятием решения о приостановлении расследования, принятого в связи с удовлетворением ходатайства командования воинской части (учреждения)?

Если в отношении ранее избранной меры пресечения данный вопрос был строго урегулирован ч. 1 ст. 110 УПК РФ, то по поводу ранее применённой меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество законодатель в уголовно-процессуальном законе ничего не конкретизировал.

Свидетельством сказанного может служить проведённый в ходе исследования опрос сотрудников органов предварительного расследования, который продемонстрировал,

что 74 % должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, не видят необходимости в избрании данной меры процессуального принуждения при принятии решения о приостановлении уголовного дела по новой норме закона (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ)².

Весьма очевидно, что рассматриваемая мера процессуального принуждения, если следовать логике уголовно-процессуального закона, должна применяться в ходе предварительного расследования до момента прекращения уголовного преследования по основаниям ст. 28.2 УПК РФ. Данный вывод правомерен тогда, когда итоговое решение по уголовному делу ещё не принято и при отсутствии оснований для его последующего прекращения (например, возражение подозреваемого, обвиняемого) производство по нему может быть возобновлено, а лицо предано суду.

Но что делать следователю (дознателью) с мерой процессуального принуждения, когда одно из условий подозреваемый (обвиняемый) выполнил и возникают основания для прекращения уголовного преследования по нововведённой норме закона?

В сложившейся ситуации должностные лица органов предварительного расследования будут вынуждены лишь вернуть имущество, на которое был наложен арест, законному владельцу, так как после прекращения уголовного дела, т. е. полного окончания производства по нему, мера принуждения применяться априори не может [11].

Рассуждая по данному поводу, А. С. Дежнев и А. В. Павлов отмечают, что потерпевшим остаётся лишь дожидаться окончательного прекращения уголовного дела и в последующем вновь обратиться с требованиями о возмещении вреда, причинённого преступлением, в государственный орган, но только уже в порядке гражданского судопроизводства, при этом выступая уже в другом правовом статусе, что только усложняет данный процесс [12, с. 132].

Солитаризируясь с позицией авторов, следует указать, что вдобавок ко всему пострадавшим лицам придётся прибегнуть к юридической помощи адвокатов, юристов и других квалифицированных лиц для сбора и составления документов, подтверждающих

факт причинения им вреда лицом, которое проходило военную службу и в отношении которого уголовное преследование было прекращено, для их последующей передачи в гражданский суд. На наш взгляд, такой поход законодателя неприемлем и несправедлив по отношению к лицам, пострадавшим от преступных действий рассматриваемой категории участников уголовного процесса.

Ярким примером сказанного может служить уголовное дело, расследуемое следователями следственной части Следственного управления УМВД России по Хабаровскому краю по факту особо крупного мошенничества, связанного с приобретением автомобилей. Из материалов уголовного дела следует, что подозреваемый П. путём обмана четверых жителей Дальнего Востока, пообещав оказать услугу в покупке транспортных средств на территории Японии, получил от последних заранее оговорённую сумму денежных средств в размере 3 млн рублей и скрылся. Взятые ранее на себя обязательства выполнить отказался. Признавшись в содеянном, преследуемое лицо без возмещения причинённого вреда решило принять участие в СВО, в результате чего на основании специального ходатайства предварительное расследование было приостановлено по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Потерпевшими по данному преступлению в рамках уголовного дела заявлен гражданский иск, требования по которому могут быть удовлетворены судом только после окончательного решения, принятого в ходе предварительного расследования³.

Приведённый пример свидетельствует, что потерпевшие вынуждены ожидать итогового решения по уголовному делу для дальнейшего обращения в гражданский суд с требованием возместить вред, причинённый преступлением уголовно-преследуемыми лицами, призванными для прохождения военной службы.

Исследуя данный вопрос, Д. Ю. Гончаров и С. Г. Гончарова справедливо указывают, что подобный правовой механизм, позволяющий прекратить уголовное преследование без необходимости возмещения вреда заинтересованному участнику уголовного процесса, подрывает авторитет органов предварительного расследования, военной службы и власти в целом [13, с. 111].

Именно поэтому весьма сложно согласиться с утверждением адвоката А. А. Куприянова, полагающего, что описываемые нами нормы полностью справедливы и не должны предполагать возмещение преступного вреда лицами, участвующими в СВО [14, с. 8].

Как верно отмечает профессор О. А. Малышева, несмотря на тот факт, что в большинстве случаев в уголовном судопроизводстве публичные интересы преобладают над частными, соблюдение права потерпевшего на возмещение причинённого ущерба в ходе преступных действий должно занимать важное место в отечественной правовой доктрине [15, с. 303], с чем мы, безусловно, солидарны.

Именно поэтому в настоящее время в отечественном законодательстве требуется специальный «межотраслевой» механизм, предусматривающий возможность выделения из уголовного дела, подлежащего прекращению на основании ст. 28.2 УПК РФ, и передачи органом предварительного расследования в суд материалов, свидетельствующих о наложении ареста на имущество в рамках досудебного разбирательства, но только на основании письменного заявления потерпевшего, истребуемого следователем (дознавателем) до вынесения решения о прекращении уголовного преследования.

Если после разъяснения указанного права в течение 10 суток такое ходатайство от потерпевшего не поступает, то мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество должна быть незамедлительно отменена, а потерпевший в последующем вправе реализовать право на возмещение вреда в общем порядке, путём самостоятельного обращения в гражданский суд.

5. Заключение

На основании вышеизложенного в ст. 115 УПК РФ необходимо внести изменения, которые позволят следователю (дознавателю) при прекращении уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 28.2 УПК РФ, на основании письменного ходатайства потерпевшего не отменять ранее избранную меру процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество и закрепят за ним обязанность незамедлительного направления материалов, содержащих данные сведения, в суд по рассмотрению гражданских дел по

месту производства предварительного расследования для принятия решения, касающегося возмещения вреда, причинённого преступлением. Кроме этого, в отечественном гражданско-процессуальном законодательстве следует предусмотреть процедуру принятия данных материалов со сроками их рассмотрения.

Предложенный механизм, на наш взгляд, гарантирует потерпевшим возмещение вреда, причинённого действиями лица, в отношении которого уголовное преследование было прекращено в связи с прохождением военной службы, в первую очередь силами и процессуальными средствами органов предварительного следствия и дознания.

Подводя итог, следует констатировать, что выделенная в ходе исследования проблема, возникающая при прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемых (обвиняемых), привлекаемых для прохождения военной службы, нуждается в дальнейшем законодательном совершенствовании в целях соблюдения равномерного баланса законных прав всех участников, вовлечённых в данные уголовно-процессуаль-

ные правоотношения [16, с. 103]. Неспроста древнеримский учёный Авл Корнелий Цельс отмечал, что «право – это искусство добра и справедливости», и именно данным постулатом необходимо руководствоваться при принятии новых норм закона, в том числе регулирующих уголовно-процессуальную деятельность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Данные получены в декабре 2024 г. в ходе опроса 109 следователей и дознавателей ОВД РФ – участников региональных учебно-методических сборов по повышению квалификации, проводимых на базе Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова при помощи системы дистанционных образовательных технологий.

³ Материалы служебной документации Следственного управления УМВД России по Хабаровскому краю за 2024 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгиев М. М. Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 494. – С. 205–210.
2. Нуриев И. Н. Новые правила прекращения уголовного преследования в отношении подозреваемого (обвиняемого), участвующего в специальной военной операции: теоретические и практические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 2. – С. 124–130.
3. Власенко В. В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, привлекаемых к участию специальной военной операции, не предусмотренное УК РФ: материальные и процессуальные аспекты законодательного закрепления // Уголовное право. – 2024 – № 7. – С. 67–79.
4. Шишков А. А. Освобождение от уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 6. – С. 258–262.
5. Бахта А. С., Нуриев И. Н. Расследование уголовного дела при истечении сроков давности уголовного преследования // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2. – С. 60–67.
6. Звечаровский Э. И. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. – 2024. – № 10. – С. 48–49.
7. Сливко Н. К. Право потерпевшего на возмещение преступного вреда в нормах зарубежного и международного законодательства : моногр. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2023. – 88 с.
8. Валов С. В. Причинённый преступлением вред и обязанность следователя: возмещать или обеспечивать возмещение? // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 2. – С. 91–103.
9. Васильева Н. Л. Институт гражданского иска в уголовном процессе: понятие, современное состояние и проблемы реализации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2020. – № 2. – С. 19–25.
10. Гараева Т. Б. Основания наложения ареста на имущество в связи с обеспечением частных интересов личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 39–42.
11. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания отмены ареста, наложенного на имущество в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 460. – С. 226–233.

12. Дежнев А. С., Павлов А. В. Возмещение вреда, причинённого преступлением, в условиях прохождения подозреваемым либо обвиняемым военной службы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 3. – С. 129–134.
13. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. – 2024. – № 1. – С. 111–113.
14. Курьянов А. А. Справедливость освобождения участников СВО от возмещения ущерба потерпевшему // Уголовный процесс. – 2025. – № 3. – С. 8.
15. Малышева О. А. О необходимости формирования правового механизма возмещения ущерба потерпевшему по уголовному делу // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 295–304.
16. Нурбаев Д. М. Актуальные вопросы прекращения уголовного преследования в свете новых законодательных изменений // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 103–110. – DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(3).103-110.

Информация об авторах

Бахта Андрей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, директор Омского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Омский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Адрес для корреспонденции: 644043, Россия, Омск, ул. Красногвардейская, д. 35, пом. 1П

E-mail: post_e_mail@mail.ru

SPIN-код: 2751-9408; AuthorID: 591657

Нуриев Ибиамин Нуруевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова

Адрес для корреспонденции: 6800020, Россия, Хабаровск, пер. Казарменный, 15

E-mail: amin-nuriev@mail.ru

SPIN-код: 6208-6884; AuthorID: 952755

ORCID: 0009-0001-9512-5556

Информация о статье

Дата поступления – 18 марта 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Бахта А. С., Нуриев И. Н. Правовые барьеры возмещения преступного вреда лицами, привлекаемыми для военной службы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 84–91. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).84-91.

LEGAL BARRIERS TO CRIMINAL DAMAGE BY PERSONS ENGAGED IN MILITARY SERVICE

A.S. Bakhta¹, I.N. Nuriev²

¹Omsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Omsk, Russia

²Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia

Introduction. The article is devoted to the study of new norms of criminal and criminal procedure law, allowing to stop criminal prosecution against suspects (accused) involved in military service in the zone of a special military operation. **Purpose.** The purpose of the study is to propose a legal mechanism to ensure the victim's right to compensation for harm caused by a crime in criminal cases terminated in the manner prescribed by Art. 28.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. **Methodology.** The conclusions and recommendations contained in the work are formulated through the integrated application of comparative legal, formal legal, systemic structural and specific sociological methods. **Results.** The work outlines the features of the regulatory regulation of the termination of a criminal case against suspects (accused) involved in military service. Attention is focused on the possibility of using these short stories without

compensation for harm caused to the victim in the course of the crime. The problems of applying a measure of procedural coercion in the form of seizure of property have been identified. **Conclusion.** The authors propose a "intersectoral" mechanism aimed at observing the rights of victims in the matter of compensation for harm to them, providing for the possibility of separation from a criminal case subject to termination on the basis of Art. 28.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, and the transfer by the preliminary investigation body to the court of materials testifying to the seizure of property in the framework of pre-trial proceedings.

Keywords: preliminary investigation; termination of criminal prosecution; special military operation, military service; compensation for criminal harm; seizure of property.

REFERENCES

1. Dolgiev M.M. Features of the criminal liability of participants in a special military operation in the context of the national interests of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2023, no. 494, pp. 205-210. (In Russ.).
 2. Nuriev I.N. New rules for terminating criminal prosecution against a suspect (accused) participating in a special military operation: theoretical and practical aspects. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, 2024, no. 2, pp. 124-130. (In Russ.).
 3. Vlasenko V.V. Exemption from criminal liability and punishment of persons involved in a special military operation not provided for by the Criminal Code of the Russian Federation: material and procedural aspects of legislative consolidation. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2024, no. 7, pp. 67-79. (In Russ.).
 4. Shishkov A.A. Exemption from criminal liability and punishment of military personnel. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 6, pp. 258-262. (In Russ.).
 5. Bakhta A.S., Nuriev I.N. Investigation of a criminal case when the statute of limitations for criminal prosecution has expired. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2, pp. 60-67. (In Russ.).
 6. Zvecharovsky E.I. A new type of exemption from criminal liability: disadvantages and advantages of legislative regulation. *Zakonnost' = Legality*, 2024, no. 10, pp. 48-49. (In Russ.).
 7. Slivko N.K. *The right of the victim to compensation for criminal damage in the norms of foreign and international legislation*, monograph. Khabarovsk, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2023. 88 p. (In Russ.).
 8. Valov S.V. The harm caused by the crime and the duty of the investigator: to compensate or provide compensation? *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2, pp. 91-103. (In Russ.).
 9. Vasilyeva N.L. Institute of Civil Suit in Criminal Proceedings: Concept, Current State and Implementation Problems. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 2, pp. 19-25. (In Russ.).
 10. Garaeva T.B. Grounds for seizure of property in connection with ensuring the private interests of the individual in criminal proceedings. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3, pp. 39-42. (In Russ.).
 11. Bulatov B.B., Dezhnev A.S. Grounds for canceling the arrest imposed on property in pre-trial criminal proceedings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 460, pp. 226-233. (In Russ.).
 12. Dezhnev A.S., Pavlov A.V. Compensation for harm caused by a crime in the conditions of military service by a suspect or accused. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MI of Russia*, 2024, no. 3, pp. 129-134. (In Russ.).
 13. Goncharov D.Yu., Goncharova S.G. Exemption from criminal liability and punishment in connection with entry into military service: consequences for victims of crimes. *Viktimologiya = Victimology*, 2024, no. 1, pp. 111-113. (In Russ.).
 14. Kupriyanov A.A. Justice of the release of the participants of the SVO from compensation for damage to the victim. *Ugolovnyi protsess = Criminal process*, 2025, no. 3, p. 8. (In Russ.).
 15. Malysheva O.A. On the need to form a legal mechanism for compensation for damage to the victim in a criminal case. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, no. 3, pp. 295-304. (In Russ.).
 16. Nurbaev D.M. Topical issues of termination of criminal prosecution in the light of new legislative changes. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2024, no. 3, pp. 103-110. DOI: 10.24147/1990-5173.2024.21(3).103-110. (In Russ.).
-

About the authors

Bakhta Andrey – Ph.D. (Advanced Doctorate) in Law, Professor, Director of the Omsk Branch of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration

Omsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Postal address: pom. 1P, 35,
Krasnogvardeyskaya ul., Omsk, 644043, Russia

E-mail: post_e_mail@mail.ru

SPIN-code: 2751-9408; AuthorID: 591657

Nuriyev Ibiamin – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I.F. Shilov

Postal address: 15, Kazarmenny per.,
Khabarovsk, 6800020, Russia

E-mail: amin-nuriev@mail.ru

SPIN-code: 6208-6884; AuthorID: 952755

ORCID: 0009-0001-9512-5556

Article info

Received – March 18, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Bakhta A.S., Nuriev I.N. Legal Barriers to Criminal Damage by Persons Engaged in Military Service. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 84-91. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).84-91. (In Russ.).

УДК 343.13

DOI 10.24147/1990-5173.2025.22(3).92-101

ВРЕМЕННОЕ ОТСТРАНЕНИЕ ОТ ДОЛЖНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕВЕНТИВНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

А. В. Верещагина

Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, Россия

Введение. Лапидарность регламентации временного отстранения от должности детерминировала проблемы правоприменения. **Цель.** Цель исследования заключается в изучении некоторых аспектов нормативной регламентации и судебной практики применения норм ст. 114 Уголовно-процессуального кодекса РФ сквозь призму предупредительного характера временного отстранения от должности. **Методология.** Исследование проведено с соблюдением принципов всесторонности, объективности, плюрализма и с использованием формально-логического метода и анализа документов. **Результаты.** При принятии решения необходимо учитывать своевременность и целесообразность обращения с ходатайством о временном отстранении от должности, что обеспечит достижение цели его применения и оградит подозреваемого (обвиняемого) от необоснованного ограничения его прав. **Заключение.** Превентивный характер целей применения временного отстранения от должности является критерием, учёт которого оптимизирует применение норм о временном отстранении от должности.

Ключевые слова: российский уголовный процесс; временное отстранение от должности; превентивная цель; своевременность; целесообразность; обоснованность решения.

1. Введение

Временное отстранение от должности применяется для обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора (ч. 1 ст. 111 УПК РФ)¹. Нормы означенного института лаконичны и закрепляют: 1) фактическое (материальное) и юридическое основания применения рассматриваемой меры процессуального принуждения; 2) элементы процедуры принятия и отмены решения; 3) внесудебную процедуру временного отстранения от должности должностных лиц субъекта Российской Федерации; 4) последствия временного отстранения от должности: негативные, содержание которых в законе не прописано, но презюмируется (не бывать на рабочем месте, не исполнять должностных обязанностей, не общаться с сослуживцами и т. п.), и позитивное – получать ежемесячное пособие (ежемесячное государственное пособие п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ) в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (ст. 114 УПК РФ).

Оборотная сторона краткости регламентации – это возникающие «неоднозначности» в реализации нормативных предписаний ст. 114 УПК РФ, что прогнозировалось ещё в момент принятия уголовно-процессуального закона [1, с. 174].

В исследованиях о временном отстранении от должности затрагиваются различные аспекты регламентации и правоприменения: генезис и природа временного отстранения от должности, тяготеющая, по мнению некоторых авторов, к мерам пресечения; возможность одновременного применения этой меры процессуального принуждения и мер пресечения; неопределённость основания применения временного отстранения от должности; сроки рассмотрения ходатайства и последствия их несоблюдения и др.²

Новизна исследования состоит в изучении некоторых аспектов регламентации и правоприменения сквозь призму двуединой превентивной цели временного отстранения от должности, достижение которой возможно при своевременном и целесообразном принятии судебного решения. Кроме того, в кон-

тексте превентивного характера цели применения временного отстранения от должности рассмотрена система обстоятельств, подлежащих исследованию в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о временном отстранении от должности. Эмпирическую основу исследования составляют апелляционные постановления судов Дальневосточного и Сибирского федеральных округов.

2. Своевременность принятия решения о временном отстранении от должности

Двудеиной целью временного отстранения от должности, как отмечалось, является обеспечение предусмотренного законом порядка судопроизводства и надлежащего исполнения приговора, т. е. она носит превентивный характер. Представляется, что применение этой меры процессуального принуждения для достижения означенной цели оптимально в момент начала осуществления уголовного преследования, а не по истечении времени. Конечно, не каждый подозреваемый (обвиняемый) активно противодействует расследованию уголовного дела, но если он для себя считает такую деятельность приемлемой, то моменты начала уголовного преследования (официального и (или) фактического) и противодействия ему совпадают. Как это имело место по делу в отношении «П». Уголовное дело возбудили 10 марта 2016 г. И уже 15 марта 2016 г. не имевший статусов подозреваемого и обвиняемого глава муниципального образования, пользуясь своим должностным положением, провёл пресс-конференцию, пытаясь апеллировать к общественному мнению и дезавуировать действия правоохранительных органов, подчёркивая их заказной характер («политический заказ») и приводя примеры воздействия на свидетелей со стороны органов предварительного расследования³.

Во избежание подобных ситуаций решение о временном отстранении от должности должно приниматься в сжатые, максимально приближённые к началу не только формального, но и фактического уголовного преследования конкретного лица. Исходя из имеющейся регламентации это затруднительно, поскольку временное отстранение от должности применимо только в отношении подозреваемого и обвиняемого. Эти статусы

появляются у фактически уголовно-преследуемого лица порой спустя длительное время после возбуждения уголовного дела. Но даже наличие этих статусов зачастую не побуждает правоприменителя инициировать временное отстранение от должности. Так, после предъявления обвинения «М», пользуясь своим служебным положением, истребовал из Управления Федеральной антимонопольной службы по Еврейской автономной области (далее – УФАС по ЕАО) копии документов, содержащих сведения ограниченного доступа, связанные с устанавливаемыми по уголовному делу обстоятельствами. Эти сведения обвиняемый представил в средства массовой информации «...с целью дискредитации УФАС России по ЕАО и... органа предварительного следствия»⁴. Только после этого инцидента, спустя 5 месяцев с момента возбуждения уголовного дела и 4 месяца после предъявления обвинения, в суд направили ходатайство о временном отстранении от должности. Проблему своевременности применения этой меры процессуального принуждения, думается, можно решить либо допущением применения временного отстранения от должности в случаях, не терпящих отлагательства, до получения судебного решения [2, с. 87], либо отнесением временного отстранения от должности к мерам пресечения [3, с. 144], применение которых придаёт лицу статус подозреваемого.

Следствием несвоевременности временного отстранения от должности, на наш взгляд, также является в некоторых ситуациях «избыточность» ограничения прав и свобод личности. Иллюстрацией может служить движение уголовного дела № 3/11-2/2021: дело возбуждено 27 апреля 2020 г., обвинение предъявлено 7 апреля 2021 г., обвиняемый временно отстранён от должности 13 апреля 2021 г., уведомление об окончании расследования уголовного дела направлено 21 апреля 2021 г., апелляционное постановление, которым решение о временном отстранении от должности оставлено без изменения, вынесено 3 июня 2021 г.⁵ Приведённая хронология свидетельствует, что в течение почти года уголовно-преследуемое лицо находилось фактически в статусе свидетеля. Это создавало условия для возможного препятствования расследованию уголовного де-

ла и одновременно ограничивало право на защиту. Принятие решения о временном отстранении от должности за неделю до окончания расследования не только неоправданно, но и не вполне согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, по мнению которого длительность применения этой меры процессуального принуждения ограничивается сроком предварительного расследования⁶.

Лишь иногда суды учитывают своевременность обращения с ходатайством о временном отстранении от должности и отказывают в его удовлетворении. Так, Камчатский краевой суд, отменяя решение Тигильского районного суда о временном отстранении от должности, в том числе сослался на значительный временной промежуток в 1 год и 8 месяцев между совершением инкриминируемого деяния и обращением с ходатайством о временном отстранении от должности⁷. С позицией суда сложно не согласиться, поскольку подозреваемый имел достаточно времени для воспрепятствования расследованию, поэтому временное отстранение от должности вряд ли имело какое-либо практическое значение.

Таким образом, «запаздывающее» инициирование временного отстранения от должности может привести и порой приводит к усложнению доказывания, а иногда и к утрате доказательств, поскольку несвоевременное отстранение от должности позволяет уголовно-преследуемому лицу противодействовать расследованию, используя своё служебное положение.

3. Пределы обоснования ходатайства о временном отстранении от должности

Позиции исследователей [4, с. 93; 5, с. 151; 6, с. 291] и судебная практика по этому вопросу противоречива. Встречаются два диаметральных подхода: 1) следователь (дознаватель) не обязан представлять доказательства воспрепятствования подозреваемым (обвиняемым) предварительному расследованию с использованием служебного положения; 2) следователь (дознаватель) обязан представить доказательства, подтверждающие воспрепятствование расследованию с использованием должностного положения.

Первый подход основан на имеющейся нормативной регламентации, в соответствии с которой, повторимся, двуединой целью

применения временного отстранения от должности, является, во-первых, обеспечение предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка судопроизводства и, во-вторых, надлежащее исполнение приговора (ч. 1 ст. 111 УПК РФ), а юридическим основанием – «необходимость» (ч. 1 ст. 114 УПК РФ). Следователь (дознаватель) сообразно складывающейся следственной ситуации самостоятельно определяет ход расследования, систему и последовательность производимых следственных и процессуальных действий, применяемых мер процессуального принуждения (п. 3 ч. 2 ст. 38, п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ). Специальных требований к содержанию ходатайства о временном отстранении от должности в российском уголовно-процессуальном законе нет.

Таким образом, превентивный характер двуединой цели применения временного отстранения от должности в совокупности с неопределённостью формулировки юридического основания его применения, свидетельствующей о легальном допущении свободы усмотрения, и отсутствие специальных требований к содержанию ходатайства о временном отстранении от должности позволяют утверждать, что законодатель не ставил своей задачей побудить правоприменителя представлять в суд какие-либо доказательства, подтверждающие нарушение подозреваемым (обвиняемым) своих процессуальных обязанностей – не препятствовать в какой-либо форме предварительному расследованию, в том числе с использованием своего служебного положения.

Само наличие должностного статуса, наделяющего лицо властно-распорядительными полномочиями в отношении подчинённых либо неопределённого круга лиц, характер совершённого преступления, прежде всего сопряжённого с использованием служебного положения, являются основанием применения временного отстранения от должности. Некоторые авторы предлагают такого рода конкретизацию оснований применения временного отстранения от должности закрепить в уголовно-процессуальном законе [7, с. 15]. Подобные основания содержатся в решениях о временном отстранении от должности: должность позволяет иметь доступ к документам, имеющим значение для

дела; в подчинении находятся потерпевшие и свидетели, что при оставлении в должности создаёт предпосылки для возможного воспрепятствования производству по уголовному делу; закон не требует представления доказательств, подтверждающих оказание давления на свидетелей, уничтожение или сокрытие доказательств подозреваемым (обвиняемым) и т. п.⁸

Второй подход предполагает представление фактических данных, подкрепляющих ходатайство о временном отстранении от должности, поскольку сторонники этой позиции исходят из постулата, что просто нахождение в должности «не может служить основанием для временного отстранения» [8, с. 130]. Поэтому следует представлять доказательства об использовании служебного положения подозреваемым (обвиняемым) с целью: 1) воздействия на участников уголовного судопроизводства; 2) уничтожения и (или) фальсификации доказательств и (или) 3) совершении иных действий по воспрепятствованию расследованию и рассмотрению уголовного дела в суде⁹. Этот подход подкреплён позицией Конституционного Суда РФ, хотя и не всегда последовательной.

В некоторых решениях Конституционный Суд РФ констатирует допустимость временного отстранения от должности только «...при наличии достаточных данных полагать, что подозреваемый, обвиняемый, оставаясь в занимаемой... должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействовать на них с целью добиться... определённых действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу»¹⁰. Иногда Конституционный Суд РФ лишь подчёркивает, что управомоченный субъект при необходимости применяет временное отстранение от должности¹¹. А в некоторых решениях Конституционного Суда РФ есть положения о праве суда «во всяком случае» отстранять от должности только при наличии достаточных оснований, но при этом под достаточными основаниями понимаются гарантии, препятствующие «произвольности» применения временного отстранения от должности: 1) судебный порядок принятия решения,

позволяющий защите высказать свою позицию; 2) право обжаловать решение; 3) согласование дознавателем и следователем ходатайства о временном отстранении от должности соответственно с прокурором и руководителем следственного органа¹².

Процитированные извлечения из решений Конституционного Суда РФ, думается, не совсем соответствуют содержанию фактического (материального) основания применения временного отстранения от должности, под которым понимается «необходимость» (ч. 1 ст. 114 УПК РФ) – «надобность, потребность, то, без чего нельзя обойтись» правоприменителю¹³. Излагая свою позицию, Конституционный Суд РФ использует вместо термина «необходимость» словосочетание «достаточные данные полагать». Слова «достаточный» и «данные» означают соответственно «имеется в нужном количестве» и «сведения необходимые для какого-нибудь вывода, решения»¹⁴.

Таким образом, Конституционный Суд РФ трансформирует «необходимость» в обоснованность. При этом забывается, что угрозы участникам уголовного судопроизводства, реальное воздействие на них другим образом и т. п. являются преступлениями (ст. 294, 309 УК РФ¹⁵). Иначе говоря, если есть соответствующие факты, то речь уже должна идти не о временном отстранении от должности, а о привлечении к уголовной ответственности за совершение преступления против правосудия.

Следовательно, превентивному характеру двуединой цели применения временного отстранения от должности соответствует установление только двух фактов: 1) процессуального статуса лица, так как эта мера процессуального принуждения, как отмечалось, применяется только в отношении подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 111 УПК РФ) и 2) наличия у отстраняемого *возможностей* (а не фактов!), пользуясь своим должностным положением, различными способами препятствовать предварительному расследованию. Образчиком такого подхода могут служить решения: 1) Кемеровского областного суда, указавшего на отсутствие у временно отстранённого необходимого процессуального статуса (подозреваемого, обвиняемого); 2) Забайкальского краевого суда, кон-

статирующего наличие процессуального статуса подозреваемого и «потенциальную возможность» противодействовать предварительному расследованию по делу¹⁶.

4. Целесообразность применения временного отстранения от должности при наличии некоторых обстоятельств и в сочетании с мерами пресечения

Сторона защиты, обжалуя решение о временном отстранении от должности, зачастую указывает на нецелесообразность его применения, так как есть некоторые моменты, исключающие нахождение подозреваемого (обвиняемого) на рабочем месте: 1) отпуск; 2) больничный; 3) отстранение руководством от исполнения служебных обязанностей; 4) отсутствие нарушения процессуальных обязанностей; 5) избрание меры пресечения в виде домашнего ареста или содержания под стражей и т. п.¹⁷

Некоторые из приведённых обстоятельств: нахождение в отпуске, на больничном, отстранение от исполнения служебных обязанностей приказом руководства и т. п. – не препятствуют появлению на рабочем месте, контактированию с сослуживцами и подчинёнными и пр., поэтому не исключают применения временного отстранения от должности [8, с. 127].

Что касается одновременного применения временного отстранения от должности и меры пресечения, особенно залога, запрета определённых действий и домашнего ареста, то это может обеспечить достижение означенной выше превентивной цели при условии наложения определённой системы запретов на временно отстраняемое лицо, а именно недопустимость: а) нахождения в определённых местах, б) посещения и участия в определённых мероприятиях, в) пользования средствами связи и информационно-телекоммуникационной сетью Интернет, г) отправления и получения почтово-телеграфной корреспонденции, д) общения с определёнными людьми. Контроль за исполнением этих запретов возлагается на уполномоченные органы с применением различного рода аудиовизуальных, электронных и иные технических средств (ч. 6, 11 ст. 105.1, ч. 8.1 ст. 106, ч. 7 ст. 107 УПК РФ)¹⁸. Несоблюдение этих запретов влечёт применение более строгой меры пресечения и обращение залога в доход

государства (ч. 13 ст. 105.1, ч. 9 ст. 106, ч. 14 ст. 107 УПК РФ). Поэтому оценивать аргументы защиты о нецелесообразности применения временного отстранения от должности, так как избрана мера пресечения, следует не сквозь призму рассуждений о природе мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, цели и оснований их применения (такие суждения встречаются в судебных актах¹⁹), а с учётом отсутствия в законе запрета на одновременность их применения, на что указывается в судебных решениях²⁰ (хотя в научной литературе этот вопрос дискутируется [9, с. 131–133]), и системы наложенных запретов, которые позволят или не позволят предупредить возможное негативное воздействие на ход расследования со стороны подозреваемого (обвиняемого). Отсутствие в нормах ст. 114 УПК РФ указаний на систему накладываемых на временно отстранённое лицо ограничений (этот недостаток регламентации отмечают исследователи [10, с. 117]) и последствий неисполнения судебного решения делает насущным одновременное применение и временного отстранения от должности, и мер пресечения с определённой системой запретов²¹, что, на наш взгляд, в большей степени гарантирует неиспользование служебного положения вопреки интересам предварительного расследования. В связи с изложенным отнесение временного отстранения от должности к мерам пресечения (что предполагалось п. 10 ч. 2 ст. 166 Модельного УПК²²) или к ограничениям, накладываемым на подозреваемого (обвиняемого) [11, с. 10, 12; 12, с. 26] при применении меры пресечения в виде запрета определённых действий (ст. 105.1 УПК РФ), как отмечалось, упорядочило бы правоприменение.

Иначе обстоит дело при избрании такой меры пресечения, как заключение под стражу. Пребывание в местах содержания под стражей регулируется нормами специального закона и Правил внутреннего распорядка²³, в соответствии с которыми содержащийся под стражей подозреваемый (обвиняемый) имеет право на неограниченное количество отправленных и полученных телеграмм и писем, включая электронные, получение посылок и передач, свиданий с защитником и родственниками, платные телефонные переговоры и др. (ст. 17 Федерального закона

«О содержании под стражей», Разделы IX, X Правил внутреннего распорядка). Единственное основание лимитирования этих прав – водворение в карцер или одиночную камеру на гауптвахте до 15 суток (ст. 38, 40 Федерального закона «О содержании под стражей»). Словом, содержащийся под стражей хотя и находится в изоляции, но отнюдь не изолирован и имеет возможность осуществления контактов различными способами. При этом цензурирование корреспонденции снижает, но не исключает возможности воспрепятствования расследованию уголовного дела. Таким образом, факт нахождения в местах содержания под стражей подозреваемых (обвиняемых) не аргумент в пользу отказа в удовлетворении ходатайства о временном отстранении от должности [13, с. 202; 14, с. 60], так как они могут посредством переписки, телефонной и факсимильной связи, использования Интернета и пр. осуществлять свои должностные полномочия, и такие прецеденты имеют место [9, с. 45; 15, с. 134]. Однако с учётом режима содержания под стражей применение временного отстранения от должности будет эффективным только при легальном допущении возложения на помещённое под стражу лицо некоторых запретов, перечисленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

5. Заключение

Превентивная двуединая цель временного отстранения от должности предполагает при разрешении ходатайства учитывать своевременность обращения, оценивать целесообразность удовлетворения и определяет систему и характер устанавливаемых в судебном заседании обстоятельств. Особенности регламентации досудебного производства (возбуждение уголовных дел по факту совершения преступления и, как результат, несовпадение начала фактического и официального уголовного преследования; применимость временного отстранения от должности только к подозреваемому и обвиняемому) не всегда позволяют своевременно обратиться с ходатайством о временном отстранении от должности, и поэтому в таких ситуациях применение данной меры процессуального принуждения на заключительном этапе расследования уголовного дела фактически становится нецелесообразным и неоправданным с точки зрения ограничения прав и свобод

личности. Предупредительный характер цели временного отстранения от должности является критерием определения устанавливаемых при разрешении ходатайства обстоятельств, к коим следует относить наличие, во-первых, процессуального статуса подозреваемого или обвиняемого и, во-вторых, потенциальной возможности использования должности для противодействий расследованию, а не факты воспрепятствования расследованию. Своевременности и целесообразности применения временного отстранения от должности, с нашей точки зрения, будет способствовать уточнение уголовно-процессуального законодательства в части отнесения временного отстранения от должности либо к мерам пресечения с возложением системы запретов на субъекта, к которому она применена, либо к запретам, предусмотренным ст. 105.1 УПК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – (Далее в тексте – УПК РФ).

² Булатов Б. Б., Никольюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). – М. : Спарк, 2003. – 180 с. ; Бутенко Т. А. Временное отстранение от должности в уголовном процессе и возможные альтернативы его применения // Юрист-Правоведь. – 2021. – № 3 (98). – С. 125–130 ; Головачук О. С., Раменская В. С. Взаимодействие уголовно-процессуального и трудового права: перспективы развития // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 8А. – С. 253–258 и др.

³ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 28 июля 2016 г. № 22К-421/2016. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uRAqvGyYpEUr/?regular-txt> (дата обращения: 20.04.2025) ; Боевая граната как способ убеждения свидетеля. Мэр прокомментировал обыск и указал его заказчиков. – URL: <https://gornoaltaysk.bezformata.com/listnews/svidetelya-mer-prokommentiroval-obisk/44691376/?ysclid=m9ri5zjrvz7540217> (дата обращения: 21.04.2025).

⁴ Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 2 мая 2017 г. № 22К-232/2017. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/y2jhZR9BkoQV/?regular-txt> (дата обращения: 10.03.2025).

⁵ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 3 июня 2021 г. № 22К-377/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc>

/R3KASOUvJy6g/?regular-txt (дата обращения: 19.04.2025).

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 29 янв. 2009 г. № 15-О-О по жалобе граждан А. А. Барановского, Н. Н. Сенина и Н. Н. Сениной. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1690148/?ysclid=m9ui8xw0kl355148079> (дата обращения: 24.04.2025).

⁷ Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 15 июня 2021 г. № 22К-428/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J5bwLtrcCYQj/?regular-txt> (дата обращения: 10.03.2025).

⁸ Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 19 июля 2018 г. № 22К-2300/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kSEfHUU6Qgt/?regular-txt> (дата обращения: 10.03.2025); Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 26 февр. 2019 г. № 22К-164/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dgh3jUryM7Jj/?regular-txt> (дата обращения: 10.03.2025); Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 10 авг. 2023 г. № 22К-537/2023. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GUoJxEoyEJdK/?regular-txt> (дата обращения: 19.04.2025) и др.

⁹ Апелляционное постановление Иркутского областного суда от 16 янв. 2024 г. № 22К-141/2024. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WtEKqBESlxf/?regular-txt> (дата обращения: 01.04.2025); Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 25 апр. 2019 г. № 22к-1301/2019. – URL: <https://actofact.ru/case-27OS0000-22k-1301-2019-2019-03-28-2-1/?ysclid=m8zskjdfg4404241480> (дата обращения: 02.04.2025) и др.

¹⁰ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 окт. 2006 г. № 429-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение его конституционных прав положениями части третьей статьи 60, части шестой статьи 114, пункта 8 части второй статьи 131 и части второй статьи 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-17102006-n-429-o-ob/?ysclid=m8glact5hk586535592> (дата обращения: 20.03.2025).

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1179-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фукса Владимира Артуровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 111, частями первой, второй, третьей и шестой статьи 114 и частью первой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062017->

[n-1179-o/?ysclid=m8x4xfm9m6102824334](https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25102016-n-2366-o/?ysclid=m8x5ewnin9102568710) (дата обращения 31.03.2025).

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 25 окт. 2016 г. № 2366-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жукова Владимира Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью шестой статьи 114, пунктом 8 части второй и частью четвертой статьи 131, частью пятой статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25102016-n-2366-o/?ysclid=m8x5ewnin9102568710> (дата обращения: 31.03.2025).

¹³ Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990. – С. 406, 180.

¹⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов. – С. 155.

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 02.05.2025) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

¹⁶ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 12 янв. 2021 г. № 22К-3356/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/hyvhbBMgmkLZ/?regular-txt> (дата обращения: 10.03.2025); Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 16 февр. 2018 г. № 22К-496/2018. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QZpIBnFIN2LX/?regular-txt> (дата обращения: 03.04.2025).

¹⁷ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 23 марта 2015 г. №22-1574. – URL: <https://actofact.ru/case-25OS0000-22-1574-2015-2015-03-02-2-1/?ysclid=m8mgchghphy383401392> (дата обращения: 24.05.2025); Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 5 дек. 2023 г. № 22-9685/2023. – <https://sudact.ru/regular/doc/UJDjAYv7J0dw/?regular-txt> (дата обращения: 24.03.2025) и др.

¹⁸ Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31 авг. 2020 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог»: (зарег. в Минюсте России 3 сент. 2020 г. № 59635). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361740/efff0dc09361facad40dbc40d54f1924cb6c7887/#dst100017 (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁹ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 20 июля 2020 г. № 22К-1734/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc>

/QayBxhBNh4Qq/?regular-txt (дата обращения: 10.03.2025).

²⁰ Апелляционное постановление Томского областного суда от 25 сент. 2017 г. № 22К-1685/2017. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fCsvHQMZodLX/> (дата обращения: 19.04.2025).

²¹ Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 3 дек. 2020 г. № 22К-7755/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Y5LSralJCI1K/?regular-txt> (дата обращения: 25.03.2025).

²² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ : принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-6 от 17 февр. 1996 г.). – URL: <https://>

docs.cntd.ru/document/901914840?ysclid=m9ia540bg3790854953 (дата обращения: 15.04.2025).

²³ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759 ; Приложение № 1. Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы // Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы». – URL: <https://base.garant.ru/404953247/> (дата обращения: 23.03.2025).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : моногр. – Омск : Ом. акад. МВД России, 2003. – 320 с.
2. Кутуев Э. К., Кудрина Е. В. Проблемы применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 9. – С. 85–88.
3. Муравьев К. В. Оптимизация законодательства о мерах пресечения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 139–148.
4. Гараева Т. Б. Основания применения меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 5 (173). – С. 92–95.
5. Прилепский Е. Т. Мера процессуального принуждения временное отстранение от должности в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность: некоторые проблемы применения // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5. – С. 148–153. – DOI: 10.24158/tipor.2023.5.22.
6. Фадеева Е. И. Временное отстранение от должности подозреваемого и обвиняемого: основания и процессуальный порядок // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17, № 2. – С. 290–294.
7. Багаутдинов Ф. Временное отстранение обвиняемого от должности // Законность. – 2003. – № 4. – С. 13–16.
8. Стельмах В. Ю. Временное отстранение обвиняемого (подозреваемого) от должности: проблемы законодательной регламентации и пути их преодоления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. – 2020. – № 1 (85). – С. 125–135. – DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-125-135.
9. Капитанова Н. С. О взаимозаменяемости временного отстранения от должности с мерами пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста по уголовно-процессуальному законодательству России: спорные аспекты теории и правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7 (80). – С. 131–138. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.131-138.
10. Багаев И. З. Временное отстранение от должности в системе мер уголовно-процессуального принуждения: история, современность и пути совершенствования // Modern Science. – 2021. – № 2-1. – С. 112–118.
11. Вастьянов Д. С., Вастьянова О. Д. Временное отстранение от должности как элемент ограничений, применяемых при запрете определённых действий // Законодательство и практика. – 2023. – № 1. – С. 10–14.
12. Марцифин П. Г. Запрет определённых действий: некоторые размышления после введения новой меры пресечения в уголовное судопроизводство России // Законность и правопорядок. – 2018. – № 3 (19). – С. 22–28.
13. Тензина Е. Ф., Татьяна Л. Г. К вопросу о применении временного отстранения от должности по УПК РФ // Экономика и право. – 2014. – Вып. 3. – С. 201–203.
14. Тришкина Е. А. Взаимодействие следователя с судом: некоторые проблемные вопросы досудебного производства // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 23 (65). – С. 59–61.

15. Каркошко Ю. С. Временное отстранение от должности при расследовании преступлений: некоторые аспекты реализации ст. 114 УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. – М. : Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2024. – С. 43–47.

Информация об авторе

Верещагина Алла Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Владивостокский государственный университет

Адрес для корреспонденции: 690106, Россия, Владивосток, ул. Гоголя, 41

E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

SPIN-код: 3889-3723; AuthorID: 287430

ORCID: 0000-0002-2243-0007

Информация о статье

Дата поступления – 29 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Верещагина А. В. Временное отстранение от должности сквозь призму превентивности применения: некоторые аспекты // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 92–101. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).92-101.

TEMPORARY SUSPENSION FROM WORK THROUGH THE PRISM OF PREVENTIVE APPLICATION: SOME ASPECTS

A.V. Vereshchagina

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

Introduction. The lapidarity of the regulation of temporary suspension from work determined the problems of applying the norms of Art. 114 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Purpose. The author's aim is to study some aspects of regulation and judicial practice of applying the norms of Art. 114 of the Code of Criminal Procedure through the prism of the preventive nature of temporary suspension from work. **Methodology.** The research was conducted in compliance with the principles of comprehensiveness, objectivity, pluralism and using a formal logical method and document analysis.

Results. When making a decision, it is necessary to take into account the timeliness and expediency of temporary suspension from work, which will ensure the achievement of the purpose of its application and protect the suspect (accused) from unjustified restriction of his rights. **Conclusion.** The preventive purposes of applying temporary suspension is a criterion that optimizes and regulates the application of rules on temporary suspension from work.

Keywords: Russian criminal procedure; temporary suspension from work; preventive purpose; timeliness; expediency; reasonableness of the decision.

REFERENCES

1. Bulatov B.B. *State coercion in criminal proceedings*, monograph, Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. 320 p. (In Russ.).
2. Kutuev E.K., Kudrina E.V. Some problems of application of coercive measures in the form of temporary removal. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 9, pp. 85-88. (In Russ.).
3. Muravev K.V. Optimization of legislation of preventing measures. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 2 (81), pp. 139-148. (In Russ.).
4. Garayeva T.B. Grounds for applying a measure of procedural coercion in the form of temporary suspension from office. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*, 2019, no. 5 (173), pp. 92-95. (In Russ.).
5. Prilepskii E.T. Measure of Procedural Compulsion of Temporary Suspension towards Persons Engaged in Entrepreneurial and Other Economic Activities: Certain Problems of Application. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2023, no. 5, pp. 148-153. DOI: 10.24158/tipor.2023.5.22. (In Russ.).

6. Fadeeva E.I. Temporary suspension of the suspect and the accused: the grounds and the procedural order of application. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*, 2021, vol. 17, no. 2, pp. 290-294. (In Russ.).
7. Bagautdinov F. Temporary removal of the accused from office. *Zakonnost' = Legality*, 2003, no. 4, pp. 13-16. (In Russ.).
8. Stelmah V.Yu. Temporary suspension of the accused (suspect) from work: gaps in legislative regulation and ways to overcome them. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD = Vestnik of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (85), pp. 125-135. DOI: 10.35750/2071-8284-2020-1-125-135. (In Russ.).
9. Kashtanova N.S. On the interchangeability of temporary suspension from office with preventive measures in the form of detention and house arrest under the criminal procedure legislation of Russia: controversial aspects of theory and law enforcement practice. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 7 (80), pp. 131-138. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.80.7.131-138. (In Russ.).
10. Bagaev I.Z. Temporary suspension from office in the system of measures of criminal procedural coercion: history, modernity and ways of improvement. *Modern Science*, 2021, no. 2-1, pp. 112-118. (In Russ.).
11. Vastyanov D.S., Vastyanova O.D. Temporary suspension from office as an element of restrictions applied when prohibiting certain actions. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and practice*, 2023, no. 1, pp. 10-14. (In Russ.).
12. Marcifin P.G. Prohibition of certain actions: some reflections after the introduction of a new measure of restriction in the criminal proceedings of Russia. *Zakonnost' i pravoporyadok = Legality and law and order*, 2018, no. 3 (19), pp. 22-28. (In Russ.).
13. Tensina E.F., Tatyana L.G. On the issue of suspension from a position according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Ekonomika i pravo = Economics and Law*, 2014, no. 3, pp. 201-203. (In Russ.).
14. Trishkina E.A. The interaction of the investigator with the trial: some problematic issues of pre-trial proceedings. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya = Problems of modern science and education*, 2016, no. 23 (65), pp. 59-61. (In Russ.).
15. Karkoshko Yu.S. Temporary suspension from office during the investigation of crimes: some aspects of the implementation of art. 114 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in: *Actual problems of criminal proceedings*, materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation Publ., 2024, pp. 43-47. (In Russ.).

About the author

Vereshchagina Alla – Ph.D. in Law, Docent, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines

Vladivostok State University

Postal address: 41, Gogol ul., Vladivostok, 690014, Russia

E-mail: vereschagina_allya@mail.ru

SPIN-code: 3889-3723; AuthorID: 287430

ORCID: 0000-0002-2243-0007

Article info

Received – April 29, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Vereshchagina A.V. Temporary Suspension from Work Through the Prism of Preventive Application: Some Aspects. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 92-101. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).92-101. (In Russ.).

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

В. А. Симонов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Введение. В публикации отражены итоги рецензирования учебника «Антикоррупционная политика Республики Казахстан», подготовленного коллективом авторов под общей редакцией А. Ж. Шпекбаева (Алматы: Казак университеті, 2024. 186 с.). **Результаты.** Учебник содержит сведения об антикоррупционной политике Республики Казахстан, имеет методологически оправданную структуру. Рассмотрены понятие и генезис антикоррупционной политики, её конституционно-правовые основы, субъекты противодействия коррупции, основные направления антикоррупционной политики, её методы и средства, применяемые в Казахстане и зарубежных государствах, а также в сфере международного сотрудничества. Информация основана на Конституции Республики, стратегических политико-юридических источниках, антикоррупционном законодательстве. Авторы учебника освещают широкий спектр мер государственной политики по противодействию коррупции в условиях начального этапа построения Нового Казахстана со справедливым обществом.

Ключевые слова: коррупция; конституционный строй; антикоррупционная политика; противодействие коррупции; антикоррупционное законодательство.

1. Введение

Коррупция справедливо считается не только антиправовым, но и в целом антисоциальным злом. Коррупция подрывает доверие граждан к государственной и муниципальной службе, государству в целом, формирует протестные настроения, чревата нарушениями правопорядка и угрожает конституционному строю. В этой связи рецензируемый учебник «Антикоррупционная политика Республики Казахстан», подготовленный коллективом авторов под общей редакцией А. Ж. Шпекбаева (Алматы: Казак университеті, 2024. 186 с.), актуален, ибо имеет целью подготовку специалистов, профессионально компетентных в антикоррупционной сфере, действующих на основе Конституции и отраслевого законодательства и нетерпимых к коррупционным проявлениям.

2. Анализ структуры и содержания учебника

Борьба с коррупцией всегда была одной из сложнейших задач во многих государствах

мира, и её актуальность не ослабевает. К сожалению, Казахстан не является исключением, и, как свидетельствуют независимые исследования, коррупция в нём затронула все сферы общества – государственные органы, частный сектор, препятствует иностранным инвестициям, угрожает реализации международных проектов (с. 8 рецензируемого издания). Поэтому подготовка специалистов по борьбе с коррупцией, обладающих специальными компетенциями и нетерпимых к проявлениям нечестности, в Республике Казахстан необходима, а рецензируемый учебник вполне обоснованно было бы использовать для подготовки студентов высших учебных заведений по всем образовательным программам.

Книга состоит из предисловия, семи глав, объединяющих двадцать параграфов, заключения и списка использованной литературы. В первой и второй главах рассматривается понятие и генезис антикоррупционной политики. Третья, четвёртая и пятая главы знакомят с её конституционно-правовыми основа-

ми, субъектами противодействия коррупции и основными направлениями антикоррупционной политики, системой её мер и инструментов, применяемых в Казахстане и зарубежных государствах, а также в сфере международного сотрудничества. Являясь методологически оправданной, данная структура позволит студентам достаточно эффективно освоить предмет учебного курса.

В книге широко использованы исследования казахстанских и российских авторов, обобщён и проанализирован большой опыт практического противодействия коррупции в Республике Казахстан. Нормативная правовая база учебника представлена по состоянию на 1 апреля 2024 г.

Как справедливо отмечают авторы учебника, изучение курса «Антикоррупционная политика республики Республик Казахстан» позволит приобрести знания антикоррупционного законодательства Республики Казахстан, его целей и задач, принципов, содержания и иерархии; знания основных международных правовых актов, посвящённых борьбе с коррупцией, а также правовых последствий признания государствами этих актов.

Изучение и освоение курса, которому посвящён рецензируемый учебник, сформирует умение вырабатывать собственную позицию при анализе основных положений международных правовых актов в области противодействия коррупции; применять методологию определения показателей эффективности антикоррупционного законодательства и правоприменительной практики.

Освоение учебного курса позволит овладеть навыками применения международных правовых актов в области противодействия коррупции, критического анализа их основных положений; навыками планирования реализации основных целей и задач антикоррупционного законодательства; навыками практического применения методов анализа антикоррупционного законодательства.

В то же время учебник содержит ряд дискуссионных моментов. Так, например, на с. 8 рецензируемого издания сказано: «Предметом исследования в настоящем учебнике являются современные правовые, административные и организационно-правовые средства и механизмы борьбы с коррупцией».

Между тем ряд российских авторов в своих работах по юридической тематике нередко предметом исследования называют правовые нормы, осуществляющие правовое регулирование в конкретной области общественных отношений. Сами же отношения, возникающие в данной регулируемой сфере, эти авторы называют объектом научного исследования.

Также, на наш взгляд, требует корректировки определение понятия «коррупция», представленное на с. 7 рецензируемого учебника: «...использование государственных функций в частных интересах». Однако для читателей, незнакомых с особенностями антикоррупционного законодательства Республики Казахстан, данная дефиниция требует дополнительных комментариев, ибо способна породить предположение о том, что субъектами коррупции могут быть только лица, занимающие ответственную государственную должность, установленную Конституцией и законами Республики Казахстан для непосредственного исполнения функций государства и полномочий государственных органов. Хотя п. 6 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии коррупции» от 18 ноября 2015 года № 410-V даёт более содержательное и пространное определение коррупции, включающее не только вышеназванных субъектов, но и лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций; лиц, приравненных к ним; иных должностных лиц, которые своими должностными (служебными) полномочиями и связанными с ними возможностями могут получать имущественные или неимущественные блага.

К числу последних можно отнести представителей так называемого квазигосударственного сектора, представляющего собой сферу экономики, которая, сохраняя значительную степень автономии, находится в неформальной связи с государством.

3. Заключение

Однако, несмотря на высказанные замечания, имеющие характер пожеланий в духе научной полемики, учебник, подготовленный коллективом авторов под общей редакцией А. Ж. Шпекбаева, в целом заслуживает положительной оценки. Даже отмеченные в нём спорные моменты диалектически переходят в достоинства, ибо привлекают внимание

к недостаточно изученным проблемам. Цель, которую поставили перед собой авторы учебника «Антикоррупционная политика Республики Казахстан», следует считать достигнутой. Учебник способен реально восполнить дефицит методологического обеспечения концепций и программ борьбы с коррупцией. Он с успехом может быть использо-

ван студентами, магистрантами, аспирантами, докторантами, преподавателями, научными сотрудниками, государственными и муниципальными служащими, практикующими юристами, а также востребован всеми, кому интересна антикоррупционная проблематика.

Информация об авторе

Симонов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; действительный член международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры; член Петровской академии наук и искусств

Адрес для корреспонденции: 644099, Россия, Омск, ул. Фрунзе, 6

E-mail: breis222@yandex.ru

Информация о статье

Дата поступления – 20 марта 2025 г.

Дата принятия в печать – 3 июля 2025 г.

Для цитирования

Симонов В. А. Антикоррупционная политика в Республике Казахстан // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. Т. 22, № 3. С. 102–104. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).102-104.

ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

V.A. Simonov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Introduction. The paper presents the results of reviewing the textbook prepared by the team of authors, edited by A. Shpekbaev "The Republic of Kazakhstan's Anti-Corruption Policy" (Almaty, Kazak University Publ., 2024. 186 p.). **Results.** The textbook contains information about the Republic of Kazakhstan's anti-corruption policy. The concept and genesis of anti-corruption policy, its constitutional and legal framework, main directions, means, and methods used in Kazakhstan and foreign states as well as in the sphere of international cooperation were considered. The data is based on the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the strategic political and legal sources, and anti-corruption laws.

Keywords: corruption; constitutional system; anti-corruption policy; combating corruption; anti-corruption legislation.

About the author

Simonov Vladimir – PhD in Law, Associate Professor of the Department of State and Municipal Law of Dostoevsky Omsk State University; full member of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture; member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts

Postal address: 6, Frunze ul., Omsk, 644099, Russia

E-mail: breis222@yandex.ru

Article info

Received – March 20, 2025

Accepted – July 3, 2025

For citation

Simonov V.A. Anti-Corruption Policy in the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2025, vol. 22, no. 3, pp. 102-104. DOI: 10.24147/1990-5173.2025.22(3).102-104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Омского университета. Серия «Право»» выходит 4 раза в год.

Разделы журнала определяются для каждого номера в зависимости от тематики поступивших и публикуемых материалов.

Точки зрения авторов публикуемых в журнале статей и редколлегии могут не совпадать. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также за корректность использования материалов из других источников несёт автор.

Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию рукописей не взимается. Премущество при публикации имеют подписчики журнала.

Рецензирование. Каждая статья проходит обязательное рецензирование двумя специалистами той отрасли знания, по которой предложена. Рецензентами являются доктора и кандидаты наук из ведущих научных центров и вузов России. Соискатели, аспиранты обязаны получить и представить в редакцию рекомендацию к публикации научного руководителя.

Правила подачи рукописей. Статьи сдаются или присылаются на бумажном и электронном носителях по адресу: 644099, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, каб. 818, ОмГУ, юридический факультет, редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия «Право»», главному редактору Е. Л. Невзгодиной или пересылаются по электронной почте: omgu-vestnikpravo@mail.ru. Тел.: 8 (3812) 63-21-20.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Требования к оформлению статьи

Формат. Принимаются статьи, подготовленные в Microsoft Word; шрифт – Times New Roman, кегль – 12 пт.; интервал – 1,5; полужирным шрифтом выделяются заголовки и подзаголовки; курсив и полужирный курсив используются для внутритекстовых выделений (ключевых понятий, положений и т. п.); нумерация страниц обязательна.

Статья должна быть подписана автором. На отдельном листе приводятся сведения об авторе на русском и английском языках: фамилия, полное имя и отчество, учёное звание и степень, почётные звания; должность и место работы, полный рабочий адрес (с указанием почтового индекса), контактные телефоны, E-mail.

Объём (с учётом всех структурных элементов – сведений об авторе, аннотации, рисунков, литературы и т. д.):

- *оригинальная научная статья* – от 20 тыс. до 40 тыс. знаков (включая пробелы), количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – 5–8, в списке литературы не менее 15 источников;
- *краткое сообщение* – не более 12 тыс. знаков (включая пробелы), количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – не более 2; в списке литературы не менее 5 источников;
- *обзорная статья* – от 25 до 40 тыс. знаков (включая пробелы); количество табл. или рис. (диаграмм, схем и т. п.) – от 5 и более; в списке литературы не менее 30 источников;
- *рецензия на книгу* – не более 10 тыс. знаков (включая пробелы);
- *заметка* – не более 8 тыс. знаков (включая пробелы).

Обращаем внимание наших авторов на то, что с подробными требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте издательства ОмГУ в разделе *Научные журналы* (Вестник Омского университета. Серия «Право» → «Инструкция для авторов») или по ссылке <https://files.omgu.ru/science/nauchnye-izdaniya-omgu/nauchnaya-periodika/3-3-vestnik-omskogo-universiteta-seriya-pravo/information%20for%20authors.pdf>.

Отступления в оформлении рукописи от указанных требований и большое количество технических погрешностей и ошибок позволяют редколлегии принять решение об отклонении статьи или переносе её публикации в следующий номер.

**Индексирование и присутствие журнала
«Вестник ОмГУ. Серия “Право”» в базах данных**

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU

Международная регистрационная база данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»

ЖДЁМ ВАШИ МАТЕРИАЛЫ!